Сибирскій Архивъ

Журналъ исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Сибири, Средней Азіи и Дальняго Востока.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ II.

№ 9—11.

Сентябрь—Ноябрь. 1913 годъ.

ИРКУТСКЪ.
Эл.-тип. Т-ва «М. П. Окуневъ и К°».
1913.

Религіозный переломъ на Алтаѣ.

Какъ извѣстно, въ 1904 г. въ религіозномъ міровоззрѣніи алтайцевъ—калмыковъ произошла огромная перемѣна. Шаманизмъ, исповѣдуемый алтайцами въ продолженіи многихъ столѣтій, неожиданно смѣнился новой вѣрой, вѣрой въ единаго Бѣлаго Бурхана.

Въ настоящее время бурханизмъ окрѣпъ настолько, что насчитываетъ въ рядахъ своихъ послѣдователей $^2/_3$ всѣхъ алтайцевъ. Не смотря на нѣкоторую пассивность въ характерѣ алтайцевъ, религіозный переломъ у нихъ совершился чрезвычайно бурно, чуть ли не стихійно, въ теченіи всего одного—двухъ мѣсяцевъ.

Откуда же явилась новая вѣра и почему событія слѣдовали такимъ ускореннымъ темпомъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, бросимъ бѣглый взглядъ на особенности старой вѣры, на нѣкоторыя стороны быта алтай—кижи*) и на факты, такъ или иначе сыгравшіе роль въ религіозномъ переломѣ.

Старая вѣра—шаманизмъ была крайне примитивна. Въ основѣ ея лежитъ олицетвореніе силъ природы. Соотвѣтственно полезнымъ для человѣка и вреднымъ вліяніямъ природы, алтаецъ дѣлилъ своихъ боговъ на добрыхъ и злыхъ. Представленіе какъ о второстепенныхъ, такъ и о главныхъ богахъ тождественно съ представленіемъ о живыхъ личностяхъ.

Главныхъ боговъ два: во первыхъ, Ульгень или Бай Ульгень (Богатый Ульгень), по преданію,—сынъ Улюпа и внукъ Чингизъ—хана. Онъ когда то царствовалъ надъ алтайскимъ народомъ и былъ мудрымъ, справедливымъ и добрымъ царемъ и всегда ѣздилъ на бѣломъ конѣ. Это добрый Богъ. Другой богъ, богъ зла—Эрликъ, иначе Дэмогу, въ противоположность Ульгеню, живущему на небѣ, живетъ «въ темномъ мѣстѣ», «подъ землею». Вся сила, всѣ изощренія великаго ума, хитрости, всѣ помыслы Эрлика и безчисленнаго множества его мелкихъ приспѣшниковъ обращены на одно—вредить человѣку.

*) Алтай—кижи букв. алтайскій человѣкъ, алтаецъ.

Ульгень — богъ, Кудой (нарицательное), и Эрликъ — сатана, вотъ двѣ главныя фигуры Алтайскаго Олимпа, между которыми идетъ вѣчная, неустанная борьба. Кромѣ этихъ главныхъ боговъ, всѣ горы и скалы, ущелья и вершины, пещеры, лѣса и долины полны безчисленнымъ множествомъ мелкихъ духовъ (корьмесь) и огромное большинство изъ нихъ — все прислужники злого Эрлика.

Весьма понятно, что при такомъ обиліи злыхъ духовъ людямъ необходимо было изыскать мѣры къ избѣжанію ихъ козней. Необходимо было прибѣгнуть къ посредникамъ въ столкновеніяхъ боговъ съ людьми. Такими посредниками оказались шаманы, или камы. Такъ какъ добрые боги, конечно, не должны были дѣлать зла людямъ и безъ великихъ молитвъ и умилостивленій, то сущность шаманизма выразилась въ умилостивленіи лишь злыхъ боговъ. Создался какъ бы культъ злыхъ боговъ. А гдѣ — умилостивленіе, тамъ должны быть и жертвы, и въ продолженіе многихъ вѣковъ алтай-кижи исповѣдывали очень разорительную религію, такъ какъ никакое моленіе не могло состояться безъ кровавой жертвы. По ритуалу шаманизма, камланіе Утта-Емегену (чортъ-баба) должно было сопровождаться закланіемъ овцы, Эрлику приносили въ жертву чернаго быка, Кедргелю (помощнику Эрлика) закалывали лошадь. Кромѣ того, необходимо было достойно отблагодарить кама, т. к. онъ могъ обидѣться и «напустить» всѣхъ злыхъ духовъ на скупого алтайца. Камамъ дарили скотъ, вещи и деньги. И въ общемъ обильныя жертвы богамъ и подарки жрецамъ ихъ въ конецъ подрывали и безъ того тощее благосостояніе инородцевъ.

Къ этому прибавилось еще «утѣсненіе» алтайцевъ отъ русскихъ, захватившихъ, частью законнымъ, а частью незаконнымъ путемъ, посредствомъ сдѣлокъ съ зайсангами и писарями инородческихъ управъ лучшія стойбища алтайцевъ. Хотя правительствомъ и было произведено землеустройство русскихъ на Алтаѣ, съ запрещеніемъ дальнѣйшаго переселенія на Алтай и захватыванія инородческихъ земель, но эти запрещенія остались на бумагѣ, а толпы русскихъ, наголодавшихся землеробовъ, продолжали населять тучныя долины Алтая, огораживая лучшія земли поскотинами и отодвигая алтайца-скотопромышленника въ горы и голыя скалы.

Утѣсненіе отъ русскихъ приняло наконецъ такіе размѣры, что въ сознаніи алтайцевъ появилась даже мысль о бѣгствѣ съ Алтая. Эта мысль выразилась въ слѣдующей пѣснѣ.

«Возьмемъ, товарищъ, шестисуставную дудку, заиграемъ.
Вечерняя заря взойдетъ,
Давай, товарищъ, убѣжимъ".

Одновременно съ этимъ росла ненависть алтайцевъ къ русскимъ, также выразившаяся въ пѣснѣ:

«Рубящій домъ о четырехъ углахъ топоръ остеръ,
Сорокъ племенъ угнетающій — сердитый русскій народъ.
Изъ шести луковъ будемъ стрѣлять — русскаго народа не будетъ.
Десять луковъ натянется — русскаго народа не станетъ».

Однако, алтайцамъ скоро стало некуда отодвигаться отъ русскихъ и они были вынуждены вступиться за свои права. Начались распри и ссоры и даже драки за землю, началась и судебная волокита. Темные алтайцы, дѣти природы, обирались различными проходимцами, ходатаями по дѣламъ ихъ. Начальство отдѣлывалось обѣщаніями, которыя никогда не исполнялись. Миссіонеры способствовали утѣсненію, ставя кресты у стойбища крещеныхъ алтайцевъ и запрещая не крещенымъ селиться и кочевать ближе пяти верстъ отъ креста. Положеніе создалось трагическое. Надо было искать выходъ. И въ пѣснѣ алтайцевъ слышатся уже ноты пробуждающагося самосознанія.

Губернскому чиновнику что нужно?—
Въ серебряныхъ вожжахъ конь нуженъ.
Несчастному Алтаю что нужно?—
Съ сильнымъ разумомъ сынъ нуженъ.

Несчастья слѣдовали за несчастьемъ для алтайскаго народа. Не помогали усердныя моленія камовъ, пропадали даромъ обильныя жертвы богамъ. Подарки камамъ со стороны алтайцевъ дѣлаются уже неохотно, въ ихъ мощь начинаютъ не вѣрить. Разорительные поборы камовъ выставляютъ ихъ въ сознаніи алтайца чуть-ли не помощниками злыхъ боговъ, задавшихся цѣлью принести алтайцамъ всякія несчастія. Отъ такого вывода одинъ шагъ до сверженія камовъ.

Въ долинѣ Карлыка (притокъ р. Чарыша съ правой его стороны) или, вѣрнѣе, въ одномъ изъ его притоковъ, жилъ простой и небогатый калмыкъ Четъ Челпанъ. Человѣкъ, быть можетъ, болѣе другихъ нервный и умный, Четъ ранѣ другихъ извѣрился въ камахъ, желалъ и ждалъ перемѣны.

Этотъ то человѣкъ и далъ въ 1904 г. толчекъ религіозному перелому и сдѣлался центромъ дальнѣйшихъ событій.

Лѣтомъ 1904 г. двѣнадцатилѣтняя воспитанница Чета Челпана, Чегулъ, разсказала ему, что видѣла на горѣ всадника на бѣлой лошади и въ бѣлой одеждѣ. Всадникъ, будто бы, сказалъ ей, что не слѣдуетъ почитать злыхъ боговъ и вѣрить камамъ, что изображеніе этихъ боговъ и бубны камовъ слѣдуетъ немедленно сжечь, а камовъ прогнать. Что молиться слѣдуетъ добрымъ богамъ и что добрый богъ — Айротъ—идетъ уже.

Четъ не повѣрилъ разсказу своей воспитанницы, но черезъ нѣсколько дней онъ, яко—бы, самъ встрѣтилъ этого чудеснаго всадника, который подтвердилъ ему разсказъ дѣвочки и велѣлъ молиться такъ:

—Ай (луна) Бурханъ. Кюнь (солнце) Бурханъ. Отъ (огонь) Бурханъ, Яихъ Бурханъ, Ючъ-Курбустанъ-Бурханъ (три божества—Бурханъ).

Смыслъ этой молитвы заключается въ томъ, что калмыкъ долженъ призывать добраго бога, Бурхана, который проявляетъ свою силу и въ свѣтѣ солнца и луны, и въ плодородіи земли, и въ огнѣ и т. д. Добраго бога слѣдуетъ только призывать, не дѣлая никакихъ просьбъ. Призывъ добраго бога уже обозначаетъ, что въ немъ нуждаются и онъ самъ, зная что именно нужно молящимся, даетъ и здоровье и благополучіе, даетъ всѣ земныя блага.

Послѣ этого видѣнія Четъ вернулся въ свой аилъ и вмѣстѣ съ дѣвочкой сжегъ изображенія Корьмесь и главныхъ злыхъ боговъ. Дѣйствительно, много надо было мужества и новой вѣры робкому и религіозному алтайцу, чтобы рѣшиться на подобный поступокъ со своими вчерашними кумирами, одно названіе которыхъ наводило на него священный ужасъ.

И боги не покарали Чета.

Обо всемъ этомъ Четъ разсказалъ сосѣдямъ. Вѣсть о чудѣ въ нѣсколько дней разнеслась по всему Алтаю. Четъ Челпанъ сразу сдѣлался центромъ всеобщаго вниманія, пророкомъ—апостоломъ новой вѣры.

Въ бѣдный и незначительный доселѣ аилъ Чета стало съѣзжаться много алтайцевъ.

Приходившіе въ долину пилигримы молились уже по новому, призывая боговъ новыми словами.

Эти мирныя собранія привлекли на себя вниманіе русскихъ крестьянъ, которые заподозрили что то „не-

ладное", что-то изъ ряда вонъ выходящее, стали приставать съ подробными разспросами и порядочно надоѣдать калмыкамъ, мѣшая ихъ религіознымъ занятіямъ, но калмыки все-таки кое какъ отвѣчали, что ихъ старая вѣра худа, а новая хороша, что идетъ новый царь (богъ) Айротъ.

Объ этомъ пришествіи новаго царя вольными полицейскими, не въ мѣру усердными, было доложено по начальству „кому слѣдоваетъ", конечно съ прикрасами и фантастическими добавленіями, дающими возможность сблизить эти алтайскія событія съ нашими неудачами на Дальнемъ Востокѣ.

Сѣмя упало на благопріятную почву. Сыскъ со стороны крестьянъ былъ поощренъ и вскорѣ мирное, чисто религіозное, движеніе послужило поводомъ къ междоусобицѣ на экономической почвѣ.

Мысль о пришествіи Айрота, истолкованная русскими въ смыслѣ политическомъ, осложнила событія. Калмыки увидѣли въ разспросахъ русскихъ безпокойство, а въ безпокойствѣ— подтвержденіе ихъ чаянія о пришествіи Айрота, о новой эрѣ, объ уходѣ русскихъ съ Алтая и сами стали пугать этимъ пришествіемъ русскихъ. Калмыки стали толпами ѣздить мимо русскихъ и кричать:—„Воть идетъ уже Айротъ и русскихъ скоро въ Алтаѣ не останется ни одного"...

Это „воинственное" настроеніе стало извѣстнымъ администраціи. Были тотчасъ приняты „соотвѣтствующія" мѣры: въ Омскѣ приказано было держать наготовѣ къ походу роту солдатъ, а „на мѣстахъ", „для изловленія зачинщиковъ", была мобилизована сельская полиція, ряды которой пополнялись добровольцами изъ крестьянъ.

Послѣ архіерейскаго служенія въ селѣ Усть-Канъ, эти русскія силы «выступили въ походъ» противъ мятежниковъ, тремя отрядами. Такъ какъ среди русскихъ были алтайцы крещеные и старовѣры шаманисты, не отличавшіеся наружно отъ «бунтовщиковъ», то каждому «воину» было приказано нашить на рукавъ красный «шарфъ» изъ кумача.

Молящіеся калмыки были окружены. Четъ Челпанъ арестованъ. Его поклонники были «поучены», при чемъ былъ одинъ смертный случай, и многіе ограблены.

Далѣе—18-мѣсячное заключеніе Челпана. Судъ надъ алтайскимъ пророкомъ въ Бійскѣ. Признаніе его сумасшедшимъ—вотъ оффиціальное окончаніе исторіи.

Въ дѣйствительности она продолжается.

Хотя русскіе и продолжаютъ сочинять легенды о политической миссіи Челпана и онъ уже не признается пророкомъ по натурѣ лойяльными калмыками, хотя и самъ Четъ считаетъ, что его судили за отрицаніе старой вѣры и боится открыто проповѣдывать новую, но толчекъ былъ данъ. Переломъ совершился. Чудо пришло. Новая религія расцвѣла.

Челпанъ, выйдя изъ тюрьмы, по его словамъ, не узналъ своего народа. У каждой юрты и по возвышеннымъ мѣстамъ въ честь Бурхана развѣваются теперь разноцвѣтныя ленточки. Дымъ вереска и молоко замѣняютъ кривляніе шамановъ и кровь закалываемыхъ и разрываемыхъ животныхъ. Народъ распѣваетъ новыя пѣсни. Вмѣсто камовъ, молитвы сочиняетъ и учитъ произносить «ярлыкча» (вѣстникъ).

Вотъ нѣсколько вдохновенныхъ гимновъ, сочиненныхъ алтайцами въ честь новой вѣры. Гимны эти, подчасъ трогательно-наивные, распѣваются ярлыкчами и почти вытѣснили завыванія шамановъ.

Вершина Иртыша кругообразная,
Айротъ — царь самъ идетъ,
Вершина Катуни ущелистая,
Бурханъ — богъ самъ идетъ.
Сорокъ три пуговицы можешь ли застегнуть въ разъ?
Торбанъ-Айрота законъ можешь ли держать въ совершенствѣ?
Шестьдесятъ три пуговицы сможешь ли застегнуть въ разъ?
Вѣру въ великаго Бурхана можешь ли познать въ совершенствѣ?

Вы, сущіе за бѣлыми облаками,
За синими небесами,
Три Курбустана!
Ты, носящій четыре косы, Бѣлый Бурханъ!
Ты, духъ Алтая, Бѣлый Бурханъ!..
Ты, поселившій въ себѣ въ золотѣ и серебрѣ народъ, бѣлый Алтай!
Ты, который свѣтишь днемъ, солнце Бурханъ!
Ты, который свѣтишь ночью, мѣсяцъ Бурханъ!
Да напишется мой зовъ въ книгѣ Садуръ!

Бѣленькій цвѣточекъ сѣвернаго мѣста
Изъ за любви къ Алтаю раскрывается.
Четырехлѣтній ребенокъ, утромъ, раскрывая глазки,
Молится великому Бурхану.

Года два тому назадъ мнѣ пришлось проѣхать по Горному Алтаю. Путь мой лежалъ въ Уймонскій край и, такимъ образомъ, мимоѣздомъ я побывалъ въ окрестностяхъ села Усть-Канъ на р. Чарышъ, въ долинѣ Карлыка, притока съ правой стороны р. Чарышъ, и въ другихъ мѣстахъ, интересныхъ тѣмъ, что въ этомъ районѣ выросла и окрѣпла новая религія на Алтаѣ.

Конечно, повидалъ я и Чета-Челпана.

Къ сожалѣнію, Четъ отчаянно плохо говоритъ по русски. Съ виду онъ буквально ничѣмъ не отличался отъ обыкновенныхъ грязныхъ и неряшливыхъ калмыковъ. На лицѣ его нельзя прочесть ни о выдающемся умѣ, ни о духовной силѣ. Очевидно только, что онъ болѣе нервенъ, чѣмъ другіе. Въ своемъ ученьѣ, если этимъ словомъ можно назвать его разсказъ о бѣломъ всадникѣ и объ объявленной этимъ послѣднимъ религіи, Четъ самъ не сознаетъ, повидимому, никакой философіи.

Вотъ подлинный разсказъ Чета о перемѣнѣ религіи, записанный мною черезъ посредство переводчика.

«Старая вѣра—камы были. Мы вѣрили шайтану. Полную юрту вѣсили изображеній разныхъ боговъ и молились имъ. Но въ это время у меня жила дѣвица калмычка Сорокъ, по имени Чегулъ. Она жила у меня. Она поѣхала за овечками. Ей встрѣтился человѣкъ въ бѣломъ одѣяніи на бѣлой лошади. Онъ сказалъ ей, чтобы мы изображенія (боговъ) всѣ сожгли и велѣлъ молиться солнцу и лунѣ. Я не повѣрилъ ей. Я подумалъ, не сдѣлалось ли съ ней чего-нибудь. Но мнѣ и самому пришлось увидѣть этого человѣка. Я былъ въ это время въ Тулайтѣ *) и оттуда поѣхалъ домой. На самой сѣдловинѣ (горы) встрѣтился съ нимъ (всадникомъ). И сказалъ онъ мнѣ: «Я сначала говорилъ твоей дѣвкѣ, можетъ быть, ты ей не повѣрилъ, теперь тебѣ говорю то же самое: надо жечь чертей и оставить камовъ, и перестать колоть коней; надо оставить старую вѣру и разсказать объ этомъ всему Алтаю, чтобы всѣ жгли. Онъ сказалъ еще, чтобы всѣ молились солнцу и лунѣ: Ай (луна)

*) Притокъ рѣки Чарыша.

Бурханъ, Кюнъ (солнце) Бурханъ, Отъ (огонь) Бурханъ Ючь Курбустанъ Бурханъ (*три божества*). *Этимъ мы просимъ о* хорошей жизни.

Пріѣхалъ я домой и сказалъ Чегулъ, *что она* правду говорила, что я самъ видѣлъ этого человѣка, а потомъ сжегъ всѣ изображенія (боговъ). Потомъ началъ молиться по новому. Есть въ горахъ дерево арчилъ (верескъ), я клалъ его въ огонь и молился. Этотъ арчилъ и раньше клали въ огонь.

Когда дѣвочка увидѣла бѣлаго человѣка, ей было 12 лѣтъ. Самъ *я родился на* Ябаганѣ (притокъ р. Чарыша) по ключу Шивертѣ и тамъ прожилъ до женитьбы. Когда женился, мнѣ было 16 лѣтъ и я переѣхалъ въ Теремъ (притокъ Карлыка) за 10 верстъ отъ мѣста родины. Теперь мнѣ 39 лѣтъ. Жена у меня калмычка, дѣтей не было и нѣтъ. Дѣвочка Чегулъ—*пріемышъ, одной дючины.**) Когда ее взялъ я, ей было 11 лѣтъ. Родитель ея Сорокъ—калмыкъ. Онъ жилъ въ Тулайтѣ. Онъ умеръ 16 лѣтъ тому назадъ и дѣвочка осталась при матери 3-хъ лѣтъ. Сорокъ никуда не ѣздилъ. Отъ Сорока я ничего не слыхалъ о вѣрѣ. Мать дѣвочки и сейчасъ въ Тулайтѣ Чегулъ теперь вышла замужъ за Буйбуя и живутъ они въ Тулайтѣ. Никого *изъ заграничныхъ людей я* не видѣлъ.

Послѣ видѣнія черезъ три мѣсяца стали пріѣзжать въ Теремъ алтайцы. Оказалось, что всѣ уже знаютъ про бѣлаго человѣка. Стали вмѣстѣ молиться. Уставили березки, развели огонь, клали въ него арчилъ, доили кобылъ и молоко брызгали на березки и на огонь. Къ березкамъ привязывали ленточки. Березки, и арчилъ и ленточки взяты отъ *старой вѣры, когда молились доброму богу. Такъ молились* у моей юрты и ѣздили на гору недалеко отъ юрты и молились тамъ. Кромѣ этой молитвы, никакихъ другихъ не было. Повторяли эти слова раза три и болѣе. Эти слова говорятъ или громко, или шопотомъ, или въ умѣ и въ это время думаютъ о здоровьѣ за весь Алтай. Во время молитвы не ѣдимъ, а до этого и послѣ—ѣдимъ. Молились стоя. Старые камы на моленьи были и молились. Всѣ сожгли изображенія, потому что всѣ мнѣ повѣрили, что я видѣлъ бѣлаго человѣка.

Отмолившись, гуляли, арачку**) пили. Ничего для Алтая не думали. Ножи въ землю не зарывали, когда мо-

*) Волость.

**) Водка изъ молока.

лились, это напрасно говорили, что мы зарывали ножи. Впрочемъ, можетъ быть, кто и дѣлалъ такъ.

Слово Бурханъ значитъ Богъ. Онъ живетъ на небѣ. На кого онъ похожъ—не знаю. Его зовутъ Ахъ (бѣлый). Онъ добрый. Не знаю, наказываетъ ли онъ когда или нѣтъ.

Лучше стали жить, когда по новой вѣрѣ зажили. (Чѣмъ лучше—Четъ объяснить не могъ). Прошло около мѣсяца—все ѣздили ко мнѣ молиться. Пріѣхали вдругъ русскіе, насъ разогнали, нѣкоторыхъ поймали и отправили въ Бійскъ и меня тоже поймали. Билъ меня какой то чиновникъ съ саблей. Въ тюрьмѣ сидѣлъ 18 мѣсяцевъ. Потомъ судъ былъ: На судѣ и до суда все спрашивали то же, что и Вы.

Защищалъ Соколовъ (присяжный повѣренный) и другіе, много ихъ было. Они въ мою пользу говорили: «ничего такого не сдѣлалъ, можетъ быть, онъ сумасшедшій былъ, когда вѣру начиналъ». А я сумасшедшимъ не былъ, а былъ, какъ сейчасъ. Насъ взяли въ тюрьму человѣкъ 40, оставили, кромѣ меня, только 5, Чегулъ скоро выпустили. Кромѣ меня, сидѣли Кійтыкъ, два брата Мадая, Чапъ-Якъ, Анчебай, всѣ богатые, кромѣ Чапъ-Яка. Не знаю, почему именно этихъ взяли—всѣ молились одинаково.

На судѣ обвиняли меня за моленія по новому, т. е. за то, что мы бросили старую вѣру. Протоколъ былъ, что мы будто бы про японцевъ поминали. Это не вѣрно. Здѣсь я про японцевъ не слыхалъ и не зналъ, а только когда сидѣлъ въ тюрьмѣ—узналъ: На моленіяхъ перебывало тысячи 2—3 народу; можетъ быть, кто-нибудь и придумалъ, а я не говорилъ и самъ не зналъ.

Неправда, что камовъ принуждали къ новой вѣрѣ. Они переходили добровольно и сейчасъ живутъ по новой вѣрѣ. Говорятъ, что взяли насъ за то, что богатыхъ силой будто приводили. Это не вѣрно, потому что почти всѣ сами были богатые. Врали русскіе, врали и калмыки, кто что хотѣлъ съ перепугу.

Когда изъ тюрьмы выпустили, я пріѣхалъ домой, а юрты моей въ Теремѣ нѣтъ—только степь одна стоитъ на своемъ мѣстѣ. Ничего у меня не стало. Жена и Чегулъ пріѣхали вскорѣ послѣ ареста, но и тогда уже ничего не было. Они поселились у моего отца въ Шивертѣ. До ареста у меня было 4 мерина, 40 коровъ съ быками, 60 овецъ. теперь все исчезло. Мнѣ единовѣрцы помогли, юрту справили, три коровы дали, овецъ немного.

Когда я вернулся на родину, ко мнѣ не стали ѣздить калмыки. Я теперь одинъ молюсь. Много перемѣнилось на Алтаѣ. Стали здороваться словомъ «яхши» (хорошо), а раньше: «езень» и «нитабышь» говорили (здравствуй, что новаго). Калмыковъ теперь учатъ ярлыкчи (вѣстники, наставники). Они сочиняютъ молитвы. Я теперь ничего не могу имъ сказать, кромѣ того, что вамъ разсказалъ. Я не знаю, откуда ярлыкчи явились. Для моленій теперь строятъ особыя строенія, молельни.

Никто не помогалъ мнѣ распространять новую вѣру. Какъ огонь, охватило Алтай, что я видѣлъ такого человѣка, который велѣлъ вѣрить по новому. По новой вѣрѣ лучше: лошадей не колемъ, каму не платимъ. Мы считаемъ, что Богъ на небѣ, а солнце и луна лучше чертей.

Бурханъ сотворилъ землю. Солнце и луну мы считаемъ вмѣстѣ съ богомъ, хотя, можетъ быть, Бурханъ сотворилъ и солнце и луну. Кто сотворилъ людей — не знаю, можетъ быть, Бурханъ. По старой вѣрѣ никакихъ запретовъ для поведенія не было и теперь тоже нѣтъ. Какъ было заведено издревле, такъ и сейчасъ. Убивать грѣхъ по новой и старой вѣрѣ. Мы считаемъ, что Богъ одинъ у всѣхъ людей и не думаемъ, что надо избивать тѣхъ, кто не вѣритъ по нашему.“

А. Семеновъ.

Изъ воспоминаній моей Канской ссылки.

(Окончаніе).

Въ понедѣльникъ партія, съ которой долженъ былъ проходить настоящій Избицкій, медленно двигалась по Канскимъ улицамъ. Мы съ Избицкимъ стояли около постоялаго двора, или вѣрнѣе, нашей квартиры; снимали шапки, кланялись политическимъ, перекликались и смѣялись съ ними. Смѣялся и двойникъ Избицкаго; снималъ сѣрую арестантскую шапку и кланялся намъ. Въ этотъ моментъ даже скучавшій Избицкій немного развеселился. Для меня это было вполнѣ понятно, потому что онъ видѣлъ своихъ друзей, съ которыми ему пришлось такъ долго томиться въ Кіевской тюрьмѣ, и переживать, быть можетъ, очень тяжелыя минуты. Партія уже прошла, но мы все стояли и смотрѣли вслѣдъ, а потомъ, незамѣтно для себя, тихо тронулись за ней. Скоро прошли мы знаменитый «Петербургскій ресторанъ» дамскаго портного, въ которомъ послѣ 20 числа чиновничество г. Канска спускало свое жалованье и тѣмъ заставляло голодать семью. А пили эти чиновники до «море по колѣно»; и были случаи, что домой возвращались изъ «ресторана» буквально въ костюмѣ прародителей. Мнѣ всегда было тяжело наблюдать открытыя семейныя сцены послѣ 20 числа, когда рѣшался вопросъ: «гдѣ бы попросить на заварку чая?»

Миновали тріумфальныя ворота, кузнечные ряды, вышли за городъ. Дорогой мы толковали о различныхъ антиноміяхъ жизни; перечисляли множество фактовъ, изъ которыхъ съ несомнѣнностью вытекало правило: «живи не какъ хочется, а какъ судьба велитъ». Передъ нами шли въ цѣпяхъ люди, которые боролись противъ цѣпей.....

Около перевоза чрезъ р. Канъ мы увидѣли, что вся партія была на другой сторонѣ рѣки, политическіе поднимались даже на гору.

— А что, услышатъ мои товарищи, если я имъ крикну, что еще увидимся?

— Не дѣлайте этого,—посовѣтовалъ я Избицкому,—потому что, хотя это и за городомъ, но можетъ сейчасъ же быть извѣстнымъ въ городѣ, а этимъ сразу выдадите себя.

Наше душевное настроеніе въ это время было какимъ-то подавленнымъ, смѣшаннымъ съ отчаяніемъ. Звонъ цѣпей пѣлъ о крушеніи нашей «работы». Мы быстро переходили отъ одной темы къ другой и, какъ это ни странно, но фактъ, мы проклинали даже культуру и пѣли панегирики дикарю. Пока я былъ на волѣ и велъ дѣятельную «борьбу», я не такъ глубоко чувствовалъ репрессивные удары нашихъ противниковъ. Я думалъ или, вѣрнѣе, безсознательно считалъ, что жизнь—вездѣ жизнь и даже въ «мертвомъ домѣ». Только въ ссылкѣ я «пробудился»....

Долго мы съ Избицкимъ стояли около перевоза, оба грустные, съ тяжелыми думами.

Возвращаясь обратно въ Канскъ, мы запѣли извѣстную пѣсню:

Идетъ онъ усталый и цѣпи звенятъ.
Полдневное солнце нещадно палитъ, и т. д

Въ то время я могъ еще пѣть и пѣлъ довольно сильнымъ вторымъ теноромъ, Избицкій—первымъ. Знакомые, канскіе мѣщане, встрѣчавшіеся намъ по пути, нисколько не удивлялись нашему пѣнію, потому что я часто лѣтомъ и даже зимой любилъ выходить за городъ и пѣть:

Выхожу одинъ я на дорогу и т. д.

Послѣ пѣнья занялись обсужденіемъ нашего плана. Сговорились во всемъ.

Въ тотъ же день я зашелъ къ мѣщанину Разманову купить у него лошадь съ телѣгой. Тотъ согласился продать и не жалѣлъ словъ, чтобы похвалить своего коня.

—Не лошадь, а орелъ, лучше всякаго рысака. Купите-не скаетесь. И беру съ васъ недорого, только 70 руб. со всѣми принадлежностями.

Орелъ этотъ впослѣдствіи оказался плохой старой клячей; но въ это время некогда было много раздумывать о выборѣ лошади, потому что все это дѣлалось секретнымъ образомъ, чтобы никто не узналъ о моей покупкѣ, да и самъ Размановъ былъ немало удивленъ моимъ спросомъ, такъ какъ онъ отлично зналъ, что мнѣ лошадь совершенно ни къ чему; вѣдь я, по инструкціи о поднадзорныхъ, не имѣлъ права выѣзжать изъ Канска. Размановъ, слѣдовательно, понималъ, что лошадь покупается для какихъ-то подозрительныхъ цѣлей, тѣмъ болѣе, что продавцу было мной сказано, чтобы онъ покупку лошади держалъ въ секретѣ и что за лошадью при-

детъ другой. Поэтому онъ постарался содрать съ меня въ три-дорога.

Наконецъ, Избицкій на «орлѣ» выѣхалъ изъ Канска со своими ребятами.

Въ началѣ никто не обращалъ вниманія на путешественниковъ, когда они проѣзжали мимо селъ и деревень. Встрѣчавшіеся крестьяне почтительно давали дорогу, а затѣмъ боязливо оглядывались на проѣзжавшихъ, такъ какъ они сразу сообразили, что народъ ѣдетъ «аховый». Въ большихъ селахъ Избицкій то и дѣло слышалъ:

— Смотри, паря Иванъ, кажись, жиганы ѣдутъ!

А ребятишки, слыша разговоръ взрослыхъ, уже прямо кричали:

— Жиганы! Жиганы! Берегись, ребята, жиганы ѣдутъ — обозы грабить и коней воровать. Караульте коней!

Въ пути Избицкій нѣсколько разъ проѣзжалъ мимо партіи, въ которой шли его товарищи, чѣмъ давалъ знакъ, что онъ ѣдетъ за ними и чтобы они разсчитывали на его помощь.

Въ началѣ пути Избицкій не придавалъ особеннаго значенія непривѣтливымъ встрѣчамъ сибиряковъ, но когда, около с. Тинскаго, староста, разыскивавшій убійцъ крестьянина на заимкѣ, арестовалъ было всѣхъ. Избицкому пришлось доказывать его степенству, что они ѣдутъ изъ Канска на заработки въ Иркутскую губернію и что они ѣдутъ по тракту, нисколько не скрываясь. Ясно было, что подобныя непріятности возможны и въ дальнѣйшемъ. На этотъ разъ Избицкій избѣжалъ ареста только потому главнымъ образомъ, что пустилъ въ оборотъ самое сильное средство, именно: предложилъ старостѣ «синенькаго барашка въ бумажкѣ». Его степенство смилостивился, но не сразу, а долго еще «мялся»; наконецъ, махнулъ рукой:

— Убирайтесь, канальи, на всѣ четыре стороны, да смотрите не жиганить, а то попадетъ вамъ въ горбы; такъ накостыляемъ, что своихъ не узнаете.

Арестъ произвелъ на Избицкаго очень тяжелое впечатлѣніе; онъ понялъ, что освободить товарищей съ «его планомъ» нельзя, только время потеряешь да того и гляди, что самъ еще попадешь.

Пасмурнымъ вернулся Избицкій въ Канскъ.

— Что случилось?—спросилъ я Избицкаго.

— Полная неудача,—отвѣчалъ онъ и разсказалъ мнѣ о своемъ путешествіи.

— Я подозрѣвалъ эту неудачу и вотъ почему. Вы не знакомы съ мѣстными условіями; Сибири не знаете; здѣсь нѣтъ надежныхъ пристанищъ, гдѣ бы могли вы, въ случаѣ опасности, укрыться послѣ освобожденія, кромѣ Канска, Красноярска и Томска. Это разъ. А самое главное — трудно надѣяться на помощь уголовной шпаны, въ которую вы вѣруете, какъ въ надежныхъ союзниковъ и помощниковъ. Въ случаѣ удачнаго освобожденія, не надо забывать одно очень важное обстоятельство, а именно: послѣ побѣга всѣ села не только притрактовыя, но и захолустныя были бы подняты администраціей на ноги для поисковъ, а особенно, если-бы за поимку каждаго бѣжавшаго обѣщана была крупная сумма.

Указывая на Канскъ, въ качествѣ пристанища, я имѣлъ въ виду не свою ненадежную квартиру, а одну загородную заимку обывателя. Этотъ былъ распропагандированный мной старожилъ, довольно состоятельный, ненавидѣвшій всей душой полицію и всякое начальство за тѣ притѣсненія и неправды, какимъ онъ подвергался въ теченіи всей своей долголѣтней жизни со стороны властей за свой упрямый и стойкій характеръ, а главнымъ образомъ за непочтеніе къ начальству. Такихъ пристанищъ въ другихъ мѣстахъ въ округѣ, да и вообще въ Сибири, кажется, не было и не могло быть, потому что государственныхъ ссыльныхъ по всей Сибири населено было что-то всего около 200 человѣкъ и то разсѣянныхъ въ разныхъ захолустьяхъ. Люди эти, въ большинствѣ случаевъ, влачили самое жалкое существованіе, такъ какъ всѣ средства къ жизни, которыми бы они могли существовать, были отняты, кромѣ ремеслъ и физическаго крестьянскаго труда. Этимъ ссыльнымъ было не до пропаганды; вся жизнь ихъ была—борьба съ голодной смертью; недаромъ потомъ многіе покончили самоубійствомъ: рѣзались, топились, вѣшались и бросались съ обрывовъ. Я живо помню, какъ на насъ подавляюще дѣйствовали извѣстія о подобныхъ трагическихъ событіяхъ. Казалось, что все въ нашей жизни кончено и ничего свѣтлаго впереди. Въ такихъ случаяхъ нечего было и думать о разныхъ организаціяхъ.

Кромѣ того, трое уголовныхъ ссыльныхъ, съ которыми Избицкій путешествовалъ по тракту на «орлѣ», были по

внѣшнему виду изъ числа такихъ, которые не могли внушить ни малѣйшаго довѣрія къ себѣ. Особенно свирѣпымъ видомъ отличался латышъ Гринфестъ, прозванный уголовной шпаной «Гришей». Онъ былъ высокаго роста, блондинъ, съ угловатыми чертами лица; стеклянные глаза изъ подлобья смотрѣли сердито, на лицѣ была написана жестокость, говорившая за то, что въ случаѣ надобности онъ могъ убить кого угодно и когда угодно. Другіе спутники были не лучше. Понятно, что при бѣгломъ взглядѣ на эту компанію сибирскіе крестьяне, видавшіе виды, сейчасъ же окрестили ихъ варнаками и жиганами. Вотъ почему планъ Избицкаго долженъ былъ погибнуть.

«Орла» пришлось возвратить Разманову за 37 рублей.

— Что же теперь дѣлать?—сказалъ тоскливо Избицкій.

— Безъ денегъ, пристанищъ и надежныхъ людей всѣ ваши предпріятія будутъ неудачны,—сказалъ я.

— Да,—согласился Избицкій.

— Нужны деньги, а у насъ съ вами только 37—40 р. Кромѣ того, необходимъ еще хорошій паспортъ, съ вашимъ же легко попасть въ кутузку. Вы, Михаилъ Павловичъ, конечно, не можете мнѣ достать болѣе лучшаго паспорта?

— Есть,—говорю я,—въ деревнѣ Канско-Перевозинской одинъ обыватель; онъ не только паспорта, но фальшивыя кредитки дѣлаетъ артистически. Но если бы я къ нему обратился, то, навѣрное, потерпѣлъ бы фіаско, потому что онъ побоится сдѣлать для меня паспортъ.

Дѣйствительно, въ этой деревнѣ былъ такой «господинъ», занимавшійся поддѣлкой кредитныхъ билетовъ. Всѣ знали мастера, кромѣ полиціи; былъ онъ крайне остороженъ и выпускалъ свои кредитки—«блинки» на свѣтъ божій по мѣрѣ надобности для своихъ потребностей, но не на продажу. Работа была идеально «чистая». Односельчанъ и знакомыхъ въ городѣ онъ своимъ издѣліемъ не снабжалъ, а передавалъ на базарѣ при покупкѣ муки у крестьянъ, овса и вообще какихъ либо предметовъ, да и то осторожно; напр., на 30 р. даетъ только одинъ блинокъ. «Господинъ» нерѣдко получалъ заказы на всевозможныя печати отъ разныхъ волостныхъ учрежденій и лицъ. Понятное дѣло, что до поры до времени его не трогали. Фальшивки узнавались иногда въ казначействѣ при сдачѣ податей, но добраться до источника ихъ происхожденія было невозможно, потому что волостные старосты сами не знали отъ кого получили «такое добро».

Потомъ, по подозрѣнію въ художествѣ, власти иногда дѣлали обыски у этого господина, но всегда безрезультатно.

— Хитрая лисица,—говорилъ иногда земскій засѣдатель, производившій обыскъ,—и чаемъ и водкой напоитъ и денегъ дастъ и скажетъ еще: «очень радъ васъ видѣть въ своемъ домѣ въ качествѣ гостя дорогого; милости просимъ». А послѣ обыска, провожая, еще добавитъ: «не забывайте меня, ваше высокородіе; пріѣзжайте чайку покушать, ужъ вы мнѣ такъ нравитесь». Чувствую, что издѣвается скотина, а придраться нельзя, потому что оскорбленія не наноситъ.

Мнѣ разсказывали, что Михайло Ивановичъ,—такъ звали фальшивомонетчика,—разъ, послѣ неудачнаго обыска, угощая засѣдателя, своего дорогого гостя, обратилъ вниманіе на часы его высокородія.

— Больно мнѣ нравятся ваши часики,—говорилъ онъ, —не уступите ли мнѣ ихъ, хорошую цѣну дамъ.

— А сколько дадите?—спросилъ засѣдатель.

— А сколько вамъ желательно?

100 рублей,—отвѣчалъ засѣдатель.

— Это не дорого, согласенъ.

Вышелъ Михайло Ивановичъ въ другую комнату, досталъ денегъ и даетъ засѣдателю 100 р., но только не свѣжими блинками, которыхъ искалъ его высокородіе, а другими,—старыми, помятыми и засаленными, уже много времени бывшими въ употребленіи. Получивъ ихъ, засѣдатель положилъ себѣ въ карманъ, часы отдалъ Михайлу Ивановичу и уѣхалъ. Что же потомъ оказалось? Деньги то были всѣ фальшивыя. Вотъ какъ иногда шутилъ съ начальствомъ «господинъ» Михайло Ивановичъ.

Естественно, что на Мих. Ив. надѣяться было нельзя. Мы выбрали другой путь. Рѣшено было направить Избицкаго въ Ирбейскую волость, въ которую былъ приписанъ Иванъ Степановъ.

На слѣдующій же день, рано по утру, Избицкій моимъ хозяиномъ былъ отправленъ въ Уринскую волость, а оттуда по образу пѣшаго хожденія добрался до деревни Червянки, лежащей уже въ сторонѣ отъ тракта въ 25 верстахъ, и ночевалъ по моему указанію у моего хорошаго знакомаго. Знакомый этотъ, достигшій весьма преклонныхъ лѣтъ, еще живъ до сихъ поръ. Отсюда Избицкій, въ качествѣ разсыльнаго съ сельской почтой, пріѣхалъ въ Ирбей. Почта была сдана въ волостномъ правленіи помощнику писаря. Самъ же

писарь, Александръ Елисѣевичъ Гусевъ, жилъ почти напротивъ правленія; къ нему направился Избицкій съ моимъ письмомъ.

— Отъ кого?—спросилъ Гусевъ.

— Отъ Михаила Павловича,—отвѣчалъ Избицкій.

Увидя на плечахъ Избицкаго мое сѣрое пальто и черный сюртукъ, Гусевъ перемѣнилъ тонъ разговора и попросилъ войти въ залъ.

Послѣ обычныхъ разспросовъ о моемъ житьѣ и здоровьѣ, Гусевъ довольно громко сказалъ:

— Евстолія! Давай-ка намъ чаю.

Вошла жена писаря, Евстолія Евтихіевна, съ двумя стаканами чаю и печеньемъ.

— Тобѣ кланяется М. П., сейчасъ получилъ отъ него письмо чрезъ г. Степанова, его стараго знакомаго.

— Вы товарищъ М. П.?—спросила Гусева.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Избицкій,—я только хорошій знакомый, когда то вмѣстѣ сидѣлъ съ нимъ въ петербургской тюрьмѣ.

— Вы уголовный или политическій?—не унималась Гусева.

— Евстолія!—остановилъ ее самъ Гусевъ, давая понять, что неприлично спрашивать, за что человѣкъ попалъ въ ссылку.

Но наивная Гусева, не обращая вниманія на окрикъ мужа, продолжала донимать своими разспросами Избицкаго:

— Я вижу на васъ пальто Михаила Павловича, да и сюртукъ то, кажется, его; вотъ я и думаю, что вы близкій его человѣкъ.

— Евстолія! Неприлично дѣлать г. Степанову полицейскій допросъ,—остановилъ ее Гусевъ.—Мало ли что бываетъ между людьми.

— Вы гдѣ остановились на квартирѣ?—спросилъ Гусевъ.

— У Кашиныхъ.

— Знаю, тамъ прежде жилъ Михаилъ Павловичъ; должно быть, онъ и порекомендовалъ вамъ эту квартиру. Кашины—люди хорошіе, крестьяне обстоятельные. Изъ всѣхъ мелочей разговора волостной писарь пришелъ къ заключенію, что Степановъ не простая уголовная шпана, а нѣчто другое. Но что именно, рѣшить не могъ.

— Мих. Павловичъ проситъ меня о выдачѣ вамъ билета на право проживанія по Сибири. На основаніи Устава о ссыльныхъ, вамъ можно выдать только по волости, такъ какъ вы причислены въ августѣ мѣсяцѣ и со дня причисленія не прошло еще мѣсяца, но просьбу М. П. я постараюсь какъ нибудь удовлетворить. Вы вотъ что сдѣлайте: сегодня же возьмите въ сельскомъ правленіи увольненіе по округу, если только согласится на это писарь, а я, на основаніи такого увольненія, выдамъ вамъ билетъ по Сибири.

— Саша, ты выдай г. Степанову непремѣнно по Сибири; вѣдь Михаилъ Павловичъ проситъ тебя это сдѣлать,— вмѣшалась въ разговоръ опять писарша.

— Евстолія! О паспортахъ и билетахъ толковать не бабье дѣло, а ты вотъ лучше поставь-ка на столъ графинчикъ водки да сооруди закуски; это вотъ твое дѣло, а наше— паспорта.

— А по моему женщина можетъ разсуждать о чемъ угодно, потому что она такой же человѣкъ, какъ и вы, мужчины.

— И такой да не такой,—возразилъ писарь,—вы, бабы—люди физически недоразвитые; ваше дѣло кухня, чулки, наряды и хозяйство, если оно есть, а наше дѣло добывать на все это деньги; мы съ тобой не доросли еще до того, чтобы разсуждать о равноправіи мужчины и женщины.

— Не правда, не правда! Ты—эгоистъ, чиновникъ, бумажная душа и по бумажному и разсуждаешь. Мнѣ Серафимъ Серафимовичъ Шашковъ, когда онъ жилъ у насъ въ Красноярскѣ, всегда говорилъ, что мужчина и женщина равны и что женщина несправедливо порабощена мужчиной по праву сильнаго, но право сильнаго не законъ. Серафимъ Серафимовичъ правду говорилъ, онъ умный человѣкъ, образованный, не тебѣ чета, вѣдь ты учился только въ школѣ канцелярскихъ служителей, изъ которой выходили одни бумагомаратели. Гдѣ тебѣ равняться съ нимъ, и что у тебя за манера: вѣчно выпучивать и насмѣхаться надъ женщинами... Неужели, кромѣ хозяйства и графинчиковъ, мы ничего не можемъ дѣлать?

— Не спорю, что Серафимъ Серафимовичъ умный человѣкъ, но онъ разсуждалъ не такъ, какъ ты говоришь, вѣдь и я былъ знакомъ съ нимъ, а онъ говорилъ о равноправіи мужчины и женщины въ будущемъ, а не въ настоящемъ; въ настоящее же время не можетъ быть и рѣчи о какомъ бы то ни было равноправіи.

— А вы, г. Степановъ, какъ думаете,—обратилась писарша къ Избицкому, на счетъ равноправія.

— Я полагаю, что мужчина совершилъ величайшій актъ несправедливости надъ женщиной, поработивъ ее въ отдаленный доисторическій періодъ, но женщина въ будущемъ завоюетъ свои права и сдѣлается равной мужчинѣ.

— Не согласна съ вами. Вы, мужчины, всѣ такъ разсуждаете и разсуждаете несправедливо. Справедливый же мужчина долженъ и обязанъ помогать намъ пробить тропу къ равноправію, а не относиться такъ равнодушно къ нашему вопросу,—говорила Гусева.

— Евстолія Евтихіевна! Ты не забывай, что женщина сотворена изъ ребра мужчины, слѣдовательно, она никогда не можетъ быть равна мужчинѣ,—сказалъ Гусевъ, шутя.

— Александръ Елисѣевичъ! Оставь при себѣ этотъ каламбуръ; ты вѣчно на мои вопросы, которыми я дорожу, отдѣлываешься пустяками, потому что вы, господинъ Гусевъ, не можете этотъ вопросъ рѣшить, а потому на пустякахъ всегда и выѣзжаете.

— Ну, ну, хорошо, хорошо, послѣ докончимъ этотъ вопросъ, а теперь мнѣ надо идти въ волостное правленіе, а г. Степанову въ сельское управленіе. Графинчикъ послѣ.

Въ тотъ же день Избицкій получилъ права сибирскаго гражданина, а на слѣдующій день отправился въ с. Рыбинское, побывалъ на пути въ Красноярскѣ и Томскѣ.

Цѣль поѣздки заключалась въ томъ, чтобы достать денегъ, и, если возможно, приписаться въ Томскѣ къ мѣщанскому обществу на имя кого-нибудь, пропавшаго безъ вѣсти. Такая приписка въ то время была возможна въ двухъ городахъ: Томскѣ и Иркутскѣ. Послѣ такой легализаціи можно было ѣхать на Кару и способствовать побѣгамъ изъ тюрьмы своихъ товарищей.

Съ тѣхъ поръ я Избицкаго не встрѣчалъ, но имѣлъ о немъ свѣдѣнія, какъ онъ черезъ 4—5 мѣсяцевъ послѣ нашей встрѣчи проѣзжалъ по тракту за Байкалъ.

Черезъ мѣсяцъ затѣмъ я былъ высланъ по распоряженію губернатора изъ Канска въ Ирбей вслѣдствіе жалобъ этапныхъ начальниковъ на мои сношенія съ политическими, проходившими мимо Канска.

Живя въ Ирбеѣ, я иногда заходилъ поговорить къ писарю Гусеву, когда былъ свободенъ отъ того тяжелаго труда, которымъ я занимался съ утра до вечера, чтобы удовле-

творить свои скромныя потребности. День-деньской сидѣлъ я за сапожнымъ верстакомъ, постукивалъ молоткомъ по крестьянскимъ ботинкамъ—старымъ и новымъ. Этому ремеслу я учился у ссыльныхъ поляковъ въ Канскѣ и Ирбеѣ.

Такъ я жилъ и коптилъ небо; не зналъ, что дѣлается на свѣтѣ и только иногда отъ писаря Гусева узнавалъ административныя и общественныя новости, такъ что въ умственномъ отношеніи я при своей сапожной работѣ шелъ не впередъ, а назадъ, что я отлично сознавалъ.

Разъ я сидѣлъ и чинилъ бабьи ботинки за 15 к. Дѣло было въ мартѣ 1880 года. Вдругъ прибѣжалъ ко мнѣ въ лачугу хозяинъ земской квартиры Коростелевъ, запыхавшись, и говоритъ второпяхъ:

— Михаилъ Павловичъ! Михаилъ Павловичъ! Сегодня ночью пріѣхали жандармы, ахфицеръ, стрянчій и 3 солдата и, какъ пріѣхали, сейчасъ же, значитъ, ахфицеръ то, когда я ему подавалъ самоваръ, говоритъ тихонько:

— Есть у васъ тутъ царскій преступникъ?

Я говорю:

— Есть, ваше благородіе.

— А что онъ тутъ дѣлаетъ?

— Живетъ,—говорю,—недалеко отъ насъ, сапожнымъ дѣломъ займуется.

— А ты его знаешь?

— Знаю, какъ его не знать то; у насъ его даже собаки знаютъ, да и онъ ихъ всѣхъ.

— А не говоритъ онъ крестьянамъ, что податей платить не надо и что никакого правительства не надо.

— Слышно было бы, если бы онъ такія рѣчи заводилъ, но никакихъ слуховъ нѣтъ насчетъ податей.

— А ты знаешь, какой онъ человѣкъ?—продолжалъ офицеръ.

— Помилуй, ваше благородіе, какъ не знать; знаю!

— А кто же онъ?

— Всѣ у насъ его знаютъ; это—царевъ братъ.

— Интересно, интересно! Ну, продолжай, разсказывай, какъ это случилось,—говоритъ офицеръ, едва удерживаясь отъ смѣха.

— Очинно просто, ваше благородіе; ты слушай, я вашему благородію все разскажу по порядку.

Дѣло это происходило въ Питерѣ, томъ самомъ городѣ, гдѣ царь нашъ живетъ. Случился тамъ заговоръ противъ царя, чтобы смѣнить, значитъ, его и другого поставить,

все это хотѣли сдѣлать господа. Ну, вотъ они *нашего то**) и приспособили къ своему дѣлу; онъ согласился; потому онъ зналъ, что податей съ крестьянъ берутъ много, тяжело жить крестьянину по нынѣшнимъ временамъ; утѣсненіе, значитъ, большое отъ начальства. Стряпчій то, что съ вашимъ благородіемъ пріѣхалъ, онъ знаетъ это утѣсненіе, вѣдь онъ въ прошломъ году жилъ у насъ цѣлый годъ, когда слѣдователь разбиралъ наше дѣло съ исправникомъ, а исправникъ то нашъ съ одной нашей волости собралъ лишнихъ податей 30 тысячъ рублей и себѣ въ карманъ опустилъ. Я на тройкѣ возилъ слѣдователя по волости съ дѣлами; всѣ писаря подъ судомъ находятся. Я думаю, вы, ваше благородіе, знаете это дѣло-то.

— Знаю, знаю, но ты говори о царскомъ преступникѣ,

— Ну, такъ вотъ, когда царь то узналъ про заговоръ. то позвалъ *нашего то* къ себѣ и говоритъ: «и ты, братъ, идешь противъ меня?» *Нашъ то* и говоритъ: «да, и я противъ тебя». «Почему?» «Потому,—*нашъ то* отвѣчаетъ царю,—что твои чиновники по всей Россіи большое безобразіе дѣлаютъ, народъ жмутъ, а ты имъ никакой острастки не даешь». Разсердился царь и говоритъ своему брату, *нашему то*, значитъ: «я тебя спервоначалу посажу въ крѣпость, посиди тамъ и подумай, какъ нехорошо идти противъ меня». Вотъ взялъ да и посадилъ. *Нашъ то* сидитъ годъ, сидитъ другой, истомился. Жалко стало царю своего брата. Призываетъ его къ себѣ и говоритъ: «братъ! Мы вѣдь съ тобой единоутробные, не хочу я тебя казнить, какъ другимъ я голову велѣлъ отрубить, а наказать тебя все же надо, и вотъ что я надумалъ: сошлю я тебя въ ирбейскую волость, въ Канскій округъ, и ходи ты тамъ въ арестантскомъ халатѣ, съ бубновымъ тузомъ до тѣхъ поръ, пока я не пришлю тебѣ другой одежи, но царской одежи ты никогда не получишь. Живи тамъ и никогда за поскотину не выходи, велю ирбейскому старшинѣ и головѣ наблюдать за тобой». Вотъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ арестантскомъ халатѣ и долго, долго ходилъ въ немъ. А потомъ ему самъ исправникъ привезъ одеженку то—нѣсколько пудокъ, тамъ и рубахи были и теплое пальтишко и сертучишки. Вотъ онъ тогды по улицамъ то сталъ ходить ужъ франтомъ такимъ нарядимъ, по господски, и часы карманные появились.

Слушая эту легенду, жандармскій офицеръ, фамилію котораго я забылъ теперь, искренно хохоталъ, не могъ удержаться отъ смѣха и стряпчій Вилямовскій.

*) Т. е. меня.

— Да откуда ты все это знаешь?— Спросилъ офицеръ, когда немного успокоился отъ смѣха.

— Да ты чего смѣешься то, ваше благородіе? Посмотри вотъ на эти патреты; одинъ—царь, а другой—братъ его Константинъ. Вотъ этотъ Константинъ то у насъ и живетъ; только царь велѣлъ ему прозываться не Константиномъ, а Михаиломъ Павловичемъ.

— Да похожъ ли *вашъ то* на Константина?

— Помилуйте, ваше благородіе, какъ не похожъ! Похожъ, какъ двѣ капли воды. Волосы у *нашего то* большіе, глаза голубые, большіе, завсегды о чемъ то думаетъ, бородище, какъ у Семена Столпника, русая, большая, щеки всегда румяныя.

— Да вѣдь на портретѣ великій князь Константинъ нарисованъ почти брюнетомъ, т. е. чернымъ, а ты сейчасъ сказалъ, что вашъ царскій преступникъ блондинъ.

— А это, ваше благородіе, только на патретѣ онъ такъ нарисованъ; вѣрно, для красоты, продолжалъ увѣрять Коростелевъ.— Да вотъ, когда увидишь его, такъ и самъ скажешь, что я правду говорю, ваше благородіе.

Не успѣлъ я свое барахло прибрать, какъ вдругъ на мою хижину нагрянула толпа понятыхъ съ начальствомъ.

— Именемъ закона я долженъ произвести у васъ обыскъ,— сказалъ жандармскій офицеръ, оказавшійся, какъ выяснилось впослѣдствіи, адъютантомъ красноярскаго губернскаго жандармскаго управленія, уроженцемъ г. Одессы, учившимся въ Ришельевской гимназіи, фамилію же его я забылъ.

— Ну, что же — говорю,— исполняйте вашъ законъ, но предупреждаю васъ, что вы ничего не найдете, кромѣ колодокъ, ножей и сапожныхъ принадлежностей; съ меня взятки гладки.

— Пожалуйста, поосторожнѣе выражайтесь, господинъ, о взяткахъ то,— сказалъ мнѣ адъютантъ.

— Это пословица,— говорю,— такая существуетъ у русскаго народа, выработанная вѣками, я и вставилъ ее, примѣнивъ къ настоящему обстоятельству. Очень радъ васъ видѣть у себя въ квартирѣ, вы не только, говорю,— не принесете мнѣ огорченія своимъ обыскомъ, но, наоборотъ, развлеченіе и, если хотите, даже маленькое удовольствіе.

— Прошу васъ оставить ваши остроты при себѣ,— замѣтилъ мнѣ сердито адъютантъ.

— Жандармы! Приступите къ обыску—скомандовалъ адъютантъ.

Искали вездѣ: въ подпольѣ, въ печкѣ, на верстакѣ заглянули даже въ самоваръ, но нигдѣ ничего не нашли. Но вдругъ жандармъ на полкѣ находитъ нѣсколько запыленныхъ почтовыхъ листиковъ и подаетъ адъютанту.

Они оказались письмомъ административно-ссыльнаго С. Койранскаго. Письмо это получено мной было нелегальнымъ порядкомъ чрезъ пріисковаго рабочаго изъ енисейскаго округа.

Этимъ обстоятельствомъ я смутился, а на лицѣ у адъютанта я прочиталъ удовольствіе.

Въ письмѣ Койранскій спрашивалъ меня: не слышалъ ли я чего либо о судьбѣ Владислава Избицкаго.

Обыскъ кончился. Протоколъ составленъ и меня торжественно, подъ конвоемъ, повели на земскую квартиру.

На земской квартирѣ меня, подъ охраной жандарма, помѣстили на нѣсколько часовъ въ отдѣльной комнатѣ. Наконецъ позвали на допросъ.

Первый вопросъ, послѣ соблюденія различныхъ условныхъ формальностей, былъ предложенъ такой.

— Кому принадлежитъ письмо?

— Не знаю,—отвѣчалъ я.

Неправда, вы знаете, письмо принадлежитъ Койранскому, имѣется подпись подъ нимъ. Читали вы его?

— Читалъ.

— Откуда вы знаете, что ссыльно-каторжный Избицкій, по пути на Кару, скрылся, смѣнявшись съ уголовнымъ ссыльнымъ?

— Фамилію я знаю изъ газетъ; но что касается смѣны ничего не знаю, да и не могу знать.

— Былъ у васъ Избицкій?

— Не былъ и не могъ быть.

— Гдѣ вы жили въ августѣ мѣсяцѣ 1879 г.?

— Вамъ извѣстно, что я жилъ въ Канскѣ.

Допрашивали меня очень много и вопросы ставили замысловатые, но, ничего не добившись, они объявили мнѣ, что я свободенъ.

Послѣ меня допрашивали писарей сельскаго и волостного, старались узнать, гдѣ Степановъ (Избицкій) жилъ, съ кѣмъ смѣнялся и куда скрылся. И этотъ допросъ окончился безрезультатно.

Такъ жандармы и уѣхали ни съ чѣмъ изъ Ирбея въ Канскъ, гдѣ допрашивали моихъ старыхъ хозяйку и хозяина,

показывали имъ фотографію Избицкаго, на которой онъ былъ изображенъ съ большой окладистой бородой. Мои хозяева сразу сообразили, въ чемъ дѣло. Они узнали Избицкаго на карточкѣ, но жандармамъ заявили, что такого господина они даже не видали.

Съ тѣхъ поръ прошло уже 33 года, а объ Избицкомъ я ничего не знаю, гдѣ онъ. Погибъ ли онъ въ Баргузинской тайгѣ въ 1881 г., какъ о томъ извѣщалось въ 8 и 9 №№ „Народной Воли“, или же гдѣ нибудь въ Россіи онъ живетъ подъ чужой фамиліей, но заграницей его нѣтъ, а также не былъ онъ и въ рядахъ партіи Народной воли въ 1881, 2, 3 и 4 годахъ и вотъ почему. Въ 1881 г. въ Канскѣ были И. В. Колюжный и Юрій Богдановичъ; какъ тотъ, такъ и другой очень интересовались Избицкимъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, и нельзя ли его, если онъ близко, привлечь къ тому дѣлу, для выполненія котораго они были посланы исполнительнымъ комитетомъ партіи Народной воли. Въ томъ же году я, послѣ бѣгства изъ Канска, попалъ въ Москву, гдѣ мои старые товарищи М. Ф. Грачевскій и Халтуринъ, казненный въ Одессѣ въ октябрѣ 1881 г., спрашивали меня, чрезъ кого можно въ Сибири узнать о дальнѣйшей судьбѣ Избицкаго.

На запросъ Грачевскаго, у котораго много было товарищей—сопроцессниковъ по дѣлу 193-хъ, изъ Баргузина было получено письмо съ намеками о смерти Избицкаго въ Баргузинской тайгѣ. Въ этомъ письмѣ говорилось приблизительно такъ: въ тайгѣ найденъ убитымъ красивый молодой человѣкъ, блондинъ, а потому есть основаніе предполагать, что это Избицкій.

Но я полагаю, что онъ въ 1880 г. принималъ участіе въ подготовленіи побѣга изъ Иркутской тюрьмы ссыльно-каторжныхъ, живя въ рабочемъ домѣ, близъ тюрьмы, подъ именемъ Кузнецова, привлекавшагося вмѣстѣ съ матерью Р. А. Стеблинъ—Каменскаго по дѣлу о побѣгѣ изъ Иркутской тюрьмы Попко и др. Кузнецовъ же послѣ обыска куда то скрылся и личность его осталась невыясненной.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о моихъ старыхъ знакомыхъ, жившихъ въ Канскѣ: о Потапенко, Ярмоловичѣ, Жуковскомъ и Гинтовтѣ. Потапенко умеръ въ 1884 г., Ярмоловичъ и Гинтовтъ тоже, Жуковскій убитъ грабителями 4—5 л. тому назадъ. Писарь А. Е. Гусевъ осужденъ былъ на 4 года въ арестантскія роты по знаменитому Ирбейскому дѣлу о сверхсмѣтныхъ сборахъ,

выразившихся въ суммѣ 30 тысячъ рублей по одной только Ирбейской волости; умеръ въ 1884 или 1885 гг. Кстати отмѣтить, главные виновники дѣла—два исправника были только отстранены отъ службы, а пострадала сошка, вродѣ писарей и пострадалъ честнѣйшій судебный слѣдователь Евгеній Львовичъ Флоріановъ, оклеветанный во взяточничествѣ, противъ котораго онъ боролся въ теченіе всей своей жизни на столбцахъ разныхъ сибирскихъ газетъ, издававшихся въ Томскѣ и Иркутскѣ, подъ редакціей А. В. Адріанова и М. В. Загоскина. Небольшая книжка стиховъ Е. Л. Флоріанова, изданная уже послѣ его смерти красноярскимъ адвокатомъ, фамилію котораго я забылъ, имѣется и сейчасъ въ нѣкоторыхъ библіотекахъ. Что же касается корреспонденцій изъ Красноярска, то всѣ онѣ были очень ядовиты. Кромѣ корреспонденцій Флоріановъ иногда печаталъ въ видѣ фельетоновъ статьи въ „Московскомъ Телеграфѣ“ и „Правдѣ“, издававшихся въ Москвѣ.

Е. Л. Флоріановъ сибиряками забытъ и не оцѣненъ по достоинству.

М. Овчинниковъ.

Подсидѣлъ.

(Картинка.)

I.

Забайкальскому казачьему обществу предстояла скандальная ликвидація когда то остроумной затѣи.

Лѣтъ десять назадъ, въ то время, когда „хохолъ“ еще былъ заморской рѣдкостью, на котораго стоило поглазѣть, когда на всѣ четыре стороны за поселкомъ лежали свободныя поля, безцѣнныя и никому ненужныя, общество нашло способъ утилизировать никчемную землю: оно обмѣняло почти весь обширный выгонъ на дальній березовый лѣсъ.

По случаю выгодной сдѣлки было роспито не одно ведро вина.

— Нѣтъ, вы смекните только, отпыхиваясь, говорилъ воротила общественникъ: получили мы уйму лѣса, а земля то вѣдь тоже никуда не убѣжала. Тутъ она, подъ носомъ. Гуляй по ней, паси на ней, паши ее!

— Что ужъ! Спасибо тебѣ, Антонъ Иванычъ, за выдумку.

— Дошлый ты человѣкъ!

— Я то? Я для общества завсегда радъ стараться. На то и голова растетъ.

Годы шли. Лѣсъ, разбитый на участки, все мельчалъ и рѣдѣлъ: всякій берегъ свою дачу и рубилъ у сосѣда. Скоро хитрая система привела къ тому, что на мѣстѣ рощъ остались лѣски и самое названіе «дачи» употреблялось по привычкѣ. Земля пока была свободна, но нашелся предпріимчивый бурятъ, арендовалъ у войска участокъ и осѣлъ на немъ съ огромнѣйшимъ улусомъ. Станичникамъ пришлось перезарендовывать. Въ дальнѣйшемъ не предвидѣлось ничего утѣшительнаго. А тутъ еще пошли слухи о «хохлахъ». Все чаще изъ степи стали доноситься вѣсти о новыхъ поселеніяхъ, и все больше задумывались забайкальцы о судьбѣ своей земли. Каждый общественный сходъ кончался разговоромъ на больную тему, а Андрей Антонычъ, уже отошедши въ сторону, со всѣмъ потомствомъ предавался анаѳемѣ. Жили въ постоянномъ ожиданіи развязки, зорко слѣдили за маршрутомъ

ходоковъ и усиленно подумывали, какъ бы выпутаться изъ надѣтой на себя петли.

Но вотъ «хохолъ» явился. Пришелъ онъ не такъ и не въ такомъ видѣ, какъ ждали его. Вмѣсто лохматаго переселенца съ парохода сошелъ здоровый мужчина въ хорошемъ суконномъ кафтанѣ и любезно попросилъ показать ему участокъ, что былъ въ арендѣ у бурята. Цѣлой толпой повели „хохла“ на земскую. Дорогой дипломатически вывѣдывали его мысли и намѣренія, и чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ яснѣе становилось, что бороться обществу съ нимъ не подъ силу.

II.

Было ясно и жарко. На краю поселка у мрачнаго станичнаго правленія собирались общественники. Вокругъ запѣвалъ—вожаковъ, занявшихъ длинную заваленку, стояла толпа. Изъ переулковъ, въ одиночку и группами, подходили флегматичные станичники въ потертыхъ, сплюснутыхъ фуражкахъ, теплыхъ шапкахъ, форменныхъ тужуркахъ, длинныхъ камзолахъ или просто рубахахъ, подобранныхъ въ широкіе штаны или красные рейтузы. Съ суковатыми трубками въ зубахъ, они лѣниво обсуждали инцидентъ, ругались и звонко сплевывали горькую слюну. Когда народу собралось достаточно, съ заваленки стукнули въ оконную раму. Съ крыльца спустился атаманъ и писарь. Атаманъ былъ пожилой казакъ, корявый, толстый и сутулый. Мундиръ ему былъ сильно узокъ и на животѣ обтягивался пузыремъ, а шапка болталась совсѣмъ не у мѣста. Говорилъ онъ сиповатымъ басомъ.

— Что же, господа, толкуйте—что и какъ!

— Толковали ужъ!

— Какъ же?

— А чертъ его раскуситъ. Можно сказать, мертвая петля на шеѣ. Ни туда тебѣ, ни сюда.

— Вотъ обремизились!

— Куда чище!

— А все старики,—выскочилъ вдругъ рыжій горластый казакъ,—смекнули тоже! Сами отдали, никто не просилъ, сами клянчили, ходили распереязви, язви ихъ въ душу, носъ! Умники!

Онъ отчетливо помянулъ ближайшую родню Андрея Антоныча по женской линіи, сочно харкнувъ въ пыльную землю, и круто повернулся къ старику съ бѣлой козлиной бородкой.

— Скажи ты мнѣ, Петровичъ, какъ куры тогда со смѣху не подохли въ поселкѣ? А?

По сходкѣ прошелъ легкій смѣхъ. Сподвижникъ Андрея Антоныча, трясясь отъ возмущенія, вышелъ на средину и запѣтушился. Не стѣсняясь сильнаго косноязычія, онъ взвизгивалъ и брызгалъ слюной.

— Ахъ ты, сукинъ сынъ; стобъ тебѣ самому купсьей смейтью сдохнуть. Хая твоя пайсивая. Сто ты думаешь, безъ головы мы были. Даси во какія стояли. Сами все повыубили. Кто мою дасю убилъ? Кто? Ты ее вывозий, ты.

— А ты поймалъ меня,—насѣлъ рыжій,—поймалъ, говорю? Ну?

— Заѣю, сто не ови-й!

— То то! А я вотъ видѣлъ, какъ твои работники изъ моего лѣсу дрова вывозили. Я въ ту пору у тебя пятый возъ накладывалъ.

Наглость рыжаго была покрыта взрывомъ смѣха. Старикъ какъ будто обмеръ, только красные глаза его засверкали сильнѣе.

— Ну, это бросьте,—говорили сзади,—не вернешь, все едино.

— Однако, какъ же?

— Только одно и осталось,—гнусаво тянулъ лавочникъ Егоръ, ковыряя палкой землю,—просить войско принять обратно лѣсъ.

Сходка напряженно слушала.

— Потомъ?

— Что потомъ? Обмѣнять—да и все тутъ.

— Нашелъ дураковъ!

— Видали?

— Вотъ это—штука!

Говорили всѣ сразу, шумѣли и толкались. Егоръ, довольный своимъ выступленіемъ, нехотя навертывалъ цыгарку.

— Нѣтъ, это того... Куда имъ съ кустами то? Тоже на мякинѣ не проведешь, народъ, поди, съ мозгами.

— Не пройдетъ. Скажутъ, гдѣ у васъ лѣсъ? Не родишь его.

— Знамо, не родишь. Дѣло пропащее.

— Ахъ, тинтиль, вантель, важно бы обтянать эту штуку, восторженно кричалъ рыжій.

— Лучше куда!

Егоръ опять заговорилъ резонно и съ вѣсомъ.

— Трудности тутъ никакой и нѣту, надо только хлопотать. Безъ земли невозможно, такого порядку не водится. Маленько, конечно, поартачатся, и все таки обмѣнятъ. Землю должны предоставить. Безъ земли — куда? Вдругъ обчество и безъ земли. Не цыгане вѣдь, прости Господи!

Снова зашумѣли и полѣзли въ кругъ. Но постоянный оппонентъ Егора, атаманъ, уже махалъ руками.

— Зря, зря весь разговоръ. Обмѣнятъ черезъ годъ, черезъ два, а „хохолъ“ то вотъ въ поселкѣ. Ему что?

— Только приглянись—и дѣло въ шляпѣ. Заарендуетъ участокъ, а потомъ съ нимъ толкуй. Жди тогда сроку.

— Что съ хохломъ то дѣлать?

— Съ хохломъ то?

— Загвоздилъ, нечего сказать.

— Не фасонисто это у насъ вышло!

— Не пущать его—и баста!

— Что толку?

— Вчера это онъ весь поселокъ исходилъ. Васютка Эповъ чуть было не повезъ его въ Татауровку, да я ему растолковалъ, что, дескать, обчество запретило хохла на участокъ возить.

— Погуляй!

— А вѣдь убѣжитъ отъ грѣха.

— Жди. Нѣтъ, эта окаянная нація въ щель пролѣзетъ, не то что.

— Ей Богу, не пущать!

— Да толкъ то какой?

— Вѣрно, что никакого.

— Надо хохла смазать. Позвать его на сходку и столковаться.

— Столкуемся, смотри.

— Позвать, позвать!

— Къ чертямъ!

— Подь ты и съ хохломъ своимъ!

— Чего орешь? Позвать.

— Цѣлуйся съ нимъ самъ.

— Хошь и тебя поцѣлую.

— Хуже не будетъ.

— Хуже худого не выйдетъ!

Когда ревъ утихъ, выяснилось, что большинство стоитъ за мирные переговоры и на квартиру хохла тотчасъ же послали десятника.

Въ ожиданіи, присѣли покурить. Кое кто ушелъ до «монополки»

— Можетъ податливый?

— Развѣшивай губы!

— Закупоросится, это и къ бабушкѣ не ходи.

— Что ему сказать?

— Обмозговать надо!

— Скажемъ, дескать, дѣло вотъ такъ и такъ, нельзя ли не трогать участка пока.

— Не резонъ этакъ канителиться,—протестовалъ Егоръ,— просто объявить ему, что землю все едино отберемъ, пускай въ расходъ зря не молится.

— Дѣло!

— Правильно!

— Объявить и никакихъ!

— На зло полѣзетъ

— Ну, полѣзетъ, тогда ужъ...

— Что тогда?

— Подумать можно.

— Что это, Акимычъ, скоро такъ?

— Копотитъ ходко.

По улицѣ, загребая землю тяжелыми бутылами, возвращался десятникъ.

— Ну?

— Не нашелъ?—кричали ему изъ толпы.

Десятникъ безнадежно махнулъ рукой на степь.

— Ушелъ!

— Куда?

— Ушелъ въ Татауровку. Дарья сказывала. Только что. Распроклятый, говоритъ, народишко у васъ. Хочетъ лошадей тамъ нанимать, на участокъ, чтобы...

На минутку водворилась тишина. Рыжій съ плеча хлопнулъ шапку о землю такъ, что изъ подъ подкладки выскочила шерсть.

— Ха-ххолъ, тинтиль вантель! Что выкусили? Говорилъ я!

— Все ты говорилъ!

— А не говорилъ?

— Нельзя его въ Татауровку пускать.

— Попробуй! Связывать не будешь.

— Зачѣмъ связывать!

Егоръ увлекся и стоялъ уже въ кругу.

— Пускай везетъ его кто нибудь къ Тугуртулкѣ, а съ тѣмъ дѣло дѣлать можно: смышленный, собака. Разсказывай тамъ ему, что на умъ придетъ. Можно такъ застращать, что и носу больше не покажетъ.

Толпа насторожилась.

— Здорово!

— Да ничего, какъ будто.

— Ха-ха-ха!!

— А если онъ знаетъ по бурятски?

— Знаетъ? Хохоль-то?

— Не влопаться чтобы.

— Куда ему.

— Ну, кто по этой части?
Развѣ вотъ Луканъ?

— Луканъ пусть ѣдетъ.

— Луканъ, Луканъ!

— Этотъ дюжину хохловъ вокругъ носу обведетъ.

— Поѣзжай, что ли?

Высокій, чисто выбритый и щегольски одѣтый казакъ, ухмыляясь, подмигнулъ кому то въ сторону.

— Попробуемъ. Дѣло немудренное.

— Ну и сынъ.

— Айда скорѣе!

— Сейчасъ я лошадь запрягу—и мигомъ. Благословляйте.

Луканъ быстро пошелъ. Отойдя немного, онъ обернулся и щелкалъ пальцами.

— Эхъ, и подсижу я его!

Сходка шумно хохотала.

III.

Сидя рядомъ съ «хохломъ» въ широкой траншпонкѣ, Луканъ продолжалъ ругать забайкальцевъ:

— Вотъ подлый народъ! Вѣдь не вернись я съ пашни, пришлось бы вамъ въ Татауровку пѣшкомъ шагать.

— Нѣтъ, почему не повезли меня? Удивленье!

— Боятся, дичь народишка. Думаютъ не напортилъ бы чего съ землей! Собираются обратно просить участокъ то этотъ.

— Такъ, попуста болтаютъ только. Что тутъ напортишь? Земля и такъ и этакъ будетъ наша.

Озадаченный «хохолъ» повернулся всѣмъ корпусомъ.

— Вотъ подлость. Мнѣ же въ управленіи указали на этотъ участокъ, какъ на свободный съ будущей осени.

— Мало что. Это ужъ я правильно говорю.

Не замѣчая пронзительнаго взгляда сосѣда, Луканъ съ серьезнымъ лицомъ стоялъ возжами съ мокрой лошади прилипшихъ оводовъ. Выжженная солнцемъ степь стлалась не-

чальнымъ моремъ. Ѣдучая пыль съ попутнымъ вѣтромъ гналась за трашпонкой, забивала лицо. садилась толстымъ слоемъ на одежду, проникала въ грудь.

— Пылища! — чихалъ «хохолъ».

— Это что. Бываетъ до земли сгоритъ. Скотинкѣ прямо смерть.

— И всегда такъ?

— Завсегда. А вы что предполагаете устроить здѣсь?

— Предполагаю много. Хочу овцеводствомъ заняться. Породу тонкорунныхъ разводить буду.

Луканъ покачалъ головой.

— Не выйдетъ: ни водопою тутъ, ни корму.

«Хохолъ» смотрѣлъ смущенно.

— Удивляюсь вашему начальству. Сколько мнѣ наговорили про участокъ.

— Вы, можетъ быть, не вѣрите? Вотъ съ арендаторомъ поговорите.

— Почему же не вѣрить?

Надъ горизонтомъ долго рисовались въ маревѣ тѣнистыя густыя рощи, но когда выѣхали на послѣдній, чуть замѣтный гребень, онѣ понизились до мелкаго кустарника. Верстахъ въ двухъ въ ложбинѣ былъ раскинутъ улусъ. Еще издали злые тощіе псы понеслись на встрѣчу, окружили лошадь и пронзительными голосами оповѣстили весь улусъ о появленіи чужихъ.

Тугуртулъ встрѣтилъ гостей сдержанно.

Трудно было опредѣлить, что за человѣкъ этотъ пріѣзжій.

Когда усѣлись въ юртѣ на полу, Луканъ откашлялся и заговорилъ по бурятски:

— Выручай, Тугуртулка. Вотъ этотъ «хохолъ» собирается арендовать участокъ. Ему, дьяволу, надо разводить тутъ барановъ, а мы ни причемъ останемся. Общество хочетъ взять за себя, ты вѣдь все равно укочуешь.

— Только срокъ придетъ и укочую.

— Говори ему, что тутъ худо придется.

— Ладно.

«Хохолъ» съ безстрастнымъ лицомъ оглядывалъ юрту.

Тугуртулъ легонько потрогалъ его за плечо.

— Урусъ! Худой тутъ... пить мало, кушать мало.

— Молчи пока,— оборвалъ Луканъ,— погоди, сразу нельзя, не повѣрить.

«Хохолъ» обратился къ нему.

— Попросите бурята показать мнѣ участокъ, какъ слѣдуетъ; всѣ водопои, луга, лѣса.

— Это ему, собакѣ, за удовольствіе будетъ, также кинетъ, сидитъ. Слушай, Тугуртулка, онъ осматривать хочетъ. Какъ? Если увидитъ озера, пропали мы.

— Зачѣмъ показывать озера? Не будемъ показывать. Поѣдемъ кругомъ, а назадъ можно вотъ тутъ проѣхать. Не увидитъ онъ ни одной лужи и травы не увидитъ.

— Вотъ, пропади онъ, навязался.

— Что это бурятъ показываетъ?

— Дорогу, гдѣ лучше проѣхать. Кочки тутъ больше. Есть мѣсто, что и не выѣдешь.

— Такъ. А вы зачѣмъ, собственно, привезли меня сюда?

Луканъ недоумѣнно таращилъ глаза. «Хохолъ», измѣнившись въ лицѣ, вскочилъ съ полу и заговорилъ на чистѣйшемъ бурятскомъ языкѣ.

— Мошенники вы всѣ, и ты, убугунъ, и ты, казакъ. Къ вамъ порядочному человѣку и заглянуть нельзя. Грабители! Плуты!

Онъ метался, какъ на пожарѣ.

— У васъ тутъ, кромѣ бурятъ, всѣ «хохлы» «Хохолъ» не человѣкъ, съ нимъ все можно творить. А я вотъ не хохолъ. Со мной вы не играйте. Мнѣ въ Россіи губернаторы шапку ломаютъ, чортъ бы васъ взялъ. Все обманъ, все подлости! Не стыдно вамъ, казакъ, такими продѣлками заниматься?.. Не стыдно? Нѣтъ, я найду ходы и безъ васъ, прохвостовъ. Не хочу больше оставаться здѣсь. Поѣду. Разбойники!

Тугуртулъ только покачивался изъ стороны въ сторону.

— Ой, убугунъ, ой, убугунъ!

Луканъ застылъ съ огромной чашкой кумысу въ рукахъ и ругань выслушалъ невозмутимо хладнокровно.

— Живали въ бурятахъ, значитъ?

«Хохолъ» остановился передъ нимъ и, подавленный наглымъ спокойствіемъ, долго растерянно смотрѣлъ на него.

— Живалъ? Да я въ Иркутской губерніи три года трусь.

— Вотъ что!

Оглядѣвши «хохла» отъ головы до ногъ и видя, что предпріятіе лопнуло, Луканъ, не торопясь, поднялъ чашку съ кумысомъ и затянулся безпрерывнымъ глоткомъ.

Петръ Козьминъ.

Нѣсколько народныхъ загадокъ.

Вниманію читателей „Сибирскаго Архива“ предлагаю 48 загадокъ. Изъ нихъ №№ 7, 18, 22, 25, 26, 28,30, 31, 32, 45, 47 и 48 записаны въ дер. Торгашиной и Дрокиной, Красноярскаго уѣзда, со словъ крестьянскихъ мальчиковъ: остальныя записаны въ с. Кежемскомъ на Ангарѣ, Енисейскаго уѣзда, со словъ учениковъ мѣстной школы.

Сравнивая нижеприведенныя загадки съ загадками, записанными В. С. Арефьевымъ[1]) на Ангарѣ, видно, что №№[2]) 1, 10, 19, 28, 41, 42, 43 и 44 записаны мною съ нѣсколько измѣненными варіантами. Такъ, у В. С. Арефьева на стр. 21 записаны двѣ загадки: 1) „Братова коня не поймать (Вѣтеръ)“. 2) „Сестрины поясья не собрать (Дорога)“. Въ моихъ же записяхъ эти двѣ загадки скомбинированы въ одну и формулируются такъ: „Сестрѣ поясья не собрать, а брату коня не поймать (Дорога и Вѣтеръ)“. Затѣмъ, у того же автора на стр. 28 находимъ слѣдующую загадку: „Стоятъ вилы, на вилахъ коробъ, на коробу зѣвало, на зѣвалѣ сморкало, на сморкалѣ мигало, на мигалѣ гора крута, на горѣ лѣсъ густой, въ лѣсу ходятъ овцы дики (Человѣкъ: ноги, туловище, ротъ, глаза и т. д.)“. У меня же загадка подъ № 41 записана такъ: „Стоятъ вилы, на вилахъ столбъ, на столбу кочка, на кочкѣ ельникъ, а въ ельнику овцы бѣгаютъ (Человѣкъ: ноги, туловище, голова, волосы и въ нихъ насѣкомыя)“. Загадки подъ №№ 26, 34 и 38 хотя и имѣютъ почти одинаковые варіанты съ загадками В. С. Арефьева[3]), однако отгадки ихъ неодинаковы. Такъ, у него на стр. 21 находимъ слѣдующую загадку: „Худенька шапченка вся въ заплатченкахъ (Каменка у бани)“, у меня подъ № 34 читаемъ; „Синяя шапка вся въ заплаткахъ (Небо и звѣзды)“ и т. п.

Предлагаемыя загадки имѣютъ цѣнность въ томъ отношеніи, что варіанты (за исключеніемъ 2—3) чисто крестьянскіе, чисто мѣстные, почти нетронутые вліяніемъ города.

---

[1]) Смотр. В. С. Арефьевъ „Матеріалы по этнографіи Енисейскаго уѣзда“—отдѣльный оттискъ изъ „Извѣстій“ В.-С. О. И. Р. Г. О. за 1901 г.
[2]) Ibid. смотр. соотвѣтственно номерамъ страницы: 32, 29, 21, 27, 30, 23. 26 и 28.
[3]) Ibid. стр. 21.

Скомбинировать ихъ въ какія либо отдѣльныя группы я не нашелъ возможнымъ по той простой причинѣ, что матеріалъ, собранный мною, слишкомъ незначителенъ, а поэтому я держусь того порядка, въ какомъ онѣ у меня записаны въ дневникѣ, именно, алфавитнаго.

1. Безъ рукъ, безъ ногъ, а Богу молится. Очепъ[1]).

2. Братъ къ сестрѣ въ гости идетъ, а сестра въ лѣсъ прячется. День и ночь.

3. Въ Москвѣ звонятъ, а у насъ слышно. Письмо.

4. Во свѣтломъ городѣ, въ темномъ подвалѣ стоитъ въ одной бочкѣ царево вино и царицынъ медъ. Разно и не смѣшано. Яйцо: бѣлокъ и желтокъ.

5. Возьметъ черно, нальетъ красно; попъ кричитъ «гадко», а мужикъ — «сладко». Чай.

6. Вокругъ избы все тунгусы. Шевяки[2]).

7. Выволочка, проволочка, волосяная махорочка. Женскій половой органъ.

8. Гляжу въ окошко, идетъ домой Антошка. Дождь.

9. Горбатенькій всѣ поля обрыскалъ, домой прибѣжалъ, на печку сялъ. Серпъ.

10. Два брата одной опояской перепоясаны, видятся, а не сходятся. Колья съ переплетомъ у изгороди.

11. Два убѣгаютъ, два догоняютъ, отдыхаютъ вмѣстѣ. Четыре колеса у телѣги.

12. Изъ земли возьмутъ камень, молоткомъ побьютъ, сдѣлаютъ круглое, толстое и намъ же за труды отдадутъ. Деньги.

13. Кину съ блошку, выну съ кошку. Рѣдька.

14. Кругъ носа вьется, а въ руки не дается. Вѣтеръ.

15. Лѣсы пали, горы встали, горностали засверкали. Сѣнокосъ: скосили траву, сметали въ копны и т. д.

16. Маленькій пузатенькій весь домъ стережетъ. Замокъ.

17. Между двумя березками телятенка. Цѣпъ.

18. Мокрый теленокъ въ подполѣ лежитъ. Языкъ.

19. На улицѣ колачемъ, въ избѣ пирогомъ. Собака.

20. На крайчикѣ, на сарайчикѣ двѣ куклы сидятъ, объ врозь глядятъ. Рога у коровы.

21. Не жива, а сдышитъ. Квашня.

22. Она согнутая въ дугу, зимой на крюку, а лѣтомъ на лугу. Литовка.[3]).

---

[1]) Жердь, на которой качается дѣтская зыбка.
[2]) Навозъ.
[3]) Коса.

23. Панъ Пановичъ въ воду упалъ, воды не помутилъ. Перо.

24. По сѣнямъ ходитъ, а въ избу не является. Дверь.

25. По полу елозитъ, себѣ ж... не занозитъ. Вѣникъ.

26. Пониже пупенца, повыше колѣнца виситъ сладенькій кусочекъ. Мужской половой членъ.

27. Полно корыто пузырей намыто. Соленые огурцы.

28. Полно корыто гусей—лебедей. Зубы во рту.

29. Разсыпался стаканъ по всѣмъ городамъ, никому не собрать: ни попамъ, ни дьякамъ и ни лѣкарямъ. Звѣзды.

30. Разсыпался стаканъ по всѣмъ городамъ, никому не собрать: ни царю, ни царицѣ, ни красной дѣвицѣ. Звѣзды.

31. Росло—повыросло, изъ штановъ повылѣзло. Макъ.

32. Съ кончика залупился, красной дѣвкѣ полюбился. Макъ.

33. Самъ худъ, а голова съ пудъ. Безмѣнъ.

34. Синяя шапка вся въ заплаткахъ. Небо и звѣзды.

35. Село заселено, а пѣтухи не поютъ и люди не встаютъ. Кладбище.

36. Сестрѣ поясья не собрать, а брату коня не поймать Дорога и вѣтеръ.

37. Станетъ—выше коня, ляжетъ—ниже кота. Дуга.

38. Сто братьевъ одной опояской перепоясаны и на одномъ изголовкѣ спятъ. Снопъ.

39. Стоитъ хата кругомъ мохната, одно окно, да и то мокро. Глазъ.

40. Стоитъ чашка полна гвоздъ. Солонка съ солью.

41. Стоятъ вилы, на вилахъ столбъ, на столбѣ кочка, на кочкѣ ельникъ. а въ ельникѣ овцы бѣгаютъ. Человѣкъ: ноги, туловище, голова, волосы и въ нихъ насѣкомыя.

42. Сухая рука кость грызетъ. Мялка для кудели.

43. Черезъ грядку, а не перекинуть. Перо.

44. Четыре стучила, четыре гремила, два фарафона, одинъ москвичъ. Корова: ноги, соски, рога и хвостъ.

45. Что за загадка: въ ж... ягодка? Заряженое ружье.

46. Шли межою братъ съ сестрою, шуринъ съ зятемъ, мужъ съ женою. Сколько всѣхъ шло? Трое.

47. Это что таково: во саду зеленомъ: въ землю вросло, сверху толсто, снизу востро, собой красно? Свекла.

48. Это такая вещь, котора вершковъ шесть, прикладываца къ той дырѣ, у которой шерсть. Трубка для табаку.

Ив. Чеканинскій.

Критико-библіографическій обзоръ неизданной лѣтописи сибирской

«*Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири*, по взятіи ея, и кто въ нихъ по указу Государеву имены были московскихъ воеводъ, бояръ и окольничихъ и думныхъ дворянъ, стольниковъ и стрянчихъ и дьяковъ и письменныхъ головъ и съ приписью подъячихъ; и *въ кая льта въ Сибири въ Тобольску устроися престолъ архіерейскій* и кто архіереевъ имены, архіепископовъ и митрополитовъ были въ Тобольску *и о иныхъ вещехъ*» съ 1580 по 1707-й годъ, съ изложеніемъ содержанія по списку ея, принадлежащему библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры, и указаніемъ характеристическихъ особенностей этой лѣтописи, по сравненію ея съ другими лѣтописными сказаніями о Сибири.

Отъ редактора.

Печатаемый ниже критико-библіографическій обзоръ сибирской лѣтописи «Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири» принадлежитъ перу покойнаго законоучителя иркутской мужской гимназіи о. Александра Алексѣевича Іонина, не мало потрудившагося надъ изученіемъ сибирской старины. Трудъ свой о. Александръ подъ девизомъ «Терпѣніе и трудъ» представилъ въ 1900 году въ Томскій Университетъ на премію въ 1000 рублей. Однако на эту премію нашлось нѣсколько соискателей и, какъ мнѣ извѣстно, премія была присуждена г. Оглоблину за интересную работу: «Обозрѣніе столбцовъ и грамотъ Сибирскаго приказа», ч. III-я. Однако юридическій факультетъ Томскаго Университета, разсматривавшій преміальныя сочиненія, какъ мнѣ передавали, высоко оцѣнилъ и работу иркутскаго историка.

Крупныя служебныя непріятности и болѣзненное состояніе не позволили автору напечатать свой трудъ, хотя онъ объ этомъ и мечталъ.

А. Линьковъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

О рукописномъ сборникѣ XVIII вѣка, принадлежащемъ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры подъ № 200, и о заключающихся въ немъ сибирскихъ лѣтописяхъ. Отсутствіе въ печати свѣдѣній о лѣтописи «Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири, по взятіи ея» и попытки къ ея изданію и изслѣдованію.

При осмотрѣ въ 1883 году, съ разрѣшенія подлежащаго начальства, различныхъ рукописей, принадлежащихъ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры, особенное вниманіе наше обратилъ на себя большой рукописный сборникъ XVIII вѣка въ кожаномъ переплетѣ подъ № 200 in quarto. Полное заглавіе этого сборника на первомъ листѣ было слѣдующее: «*Исторія, сирѣчь повѣсть о взятіи царственнаго града Казани и Астрахани и Сибирскаго царства и о покореніи великому государю царю і великому князю, Іоанну Васильевичю всея Россіи, многихъ разныхъ поганыхъ народовъ въ мимотекущія годы*». Съ 192 листа по 277-й этого рукописнаго сборника, послѣ «Исторіи о Сибирской странѣ» Саввы Есипова, помѣщается: «*Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея и кто въ нихъ по указу Государеву имены были московскихъ воеводъ бояръ и окольничихъ и думныхъ дьяковъ, дворянъ, стольниковъ и стрянчихъ и дьяковъ и письмянныхъ головъ и съ приписью подъячихъ; и въ кая лѣта въ Сибири въ Тобольску устроися престолъ архіерейскій, и кто архіереевъ имены, архіепископовъ и митрополитовъ были въ Тобольску и о иныхъ вещехъ*». Съ 281 листа и до конца книги (351 л.) находится «*Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ и вогульскомъ и о крещеніи ихъ*». «Исторія о Сибирской странѣ» Саввы Есипова и «Краткое описаніе о народѣ Остяцкомъ» Гр. Новицкаго были давно уже, какъ извѣстно, изданы въ свѣтъ,[1]) хотя и по спискамъ далеко неисправнымъ, по сравненію съ тѣми, какіе помѣщены въ выше помянутомъ рукописномъ сборникѣ Кіево-Печерской Лавры: но «*Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея*» до сихъ поръ остается въ рукописи, даже не приводилось намъ читать какихъ-либо печатныхъ извѣстій о немъ и неизвѣстно, есть ли гдѣ-либо другіе списки этого «*Описанія*», кромѣ вышеприведеннаго въ лаврскомъ сборникѣ, который былъ въ нашемъ пользованіи съ 1883 по 1886 годъ. Впрочемъ, попытки къ изученію и

[1]) Есиповская лѣтопись издана нѣсколько разъ: Спасскимъ (1824 г.), Поповымъ (1822 г.) и Небольсинымъ (1849 г.), а «Описаніе о народѣ Остяцкомъ» Гр. Новицкаго одинъ только разъ Л. Н. Майковымъ въ 1884 году.

изданію сей лѣтописи начались уже сравнительно давно. Такъ въ 1887 году представлены были нами Л. Н. Майкову, бывшему въ то время предсѣдателемъ археографической комиссіи, какъ самый подлинникъ рукописнаго лаврскаго сборника № 200-й, такъ и высказываемыя въ настоящей статьѣ мнѣнія о неизданной лѣтописи сибирской: «Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея». Леонидъ Николаевичъ изъявилъ желаніе тогда же приступить къ изданію сей лѣтописи, но, въ силу особо сложившихся тогда для насъ служебныхъ условій и обстоятельствъ, лѣтопись эта не могла быть издана въ то время, не смотря на искреннее желаніе наше, -и съ тѣхъ поръ остается такъ до сего дня, хотя и не по нашей винѣ. Принимая во вниманіе эти давнишнія уже попытки къ изданію и описанію вышепоминаемой лѣтописи, мы и рѣшились сейчасъ посвятить настоящій свой трудъ, если не изданію (для какового требуются денежныя средства и особыя благопріятныя условія), то по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе подробному и обстоятельному разбору сей лѣтописи по единственному извѣстному намъ лаврскому списку ея, какъ не безынтересной и не безполезной для занимающихся изученіемъ сибирской исторіи, особенно же за первыя 127 лѣтъ существованія Сибири подъ скипетромъ русскихъ царей. А посему изложимъ болѣе или менѣе подробно содержаніе разбираемой лѣтописи, укажемъ ея отличительныя свойства и отношеніе къ другимъ извѣстнымъ намъ лѣтописямъ сибирскимъ.

ГЛАВА I.

Содержаніе: о томъ, пользовался-ли кто лѣтописью «О поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири» изъ прежнихъ писателей о Сибири? Общая характеристика содержанія лѣтописи и ея главное достоинство предъ другими лѣтописями. Внѣшній характеръ лѣтописи, его недостатки и откуда онъ заимствованъ авторомъ. Измѣненіе внѣшняго и внутренняго характера лѣтописи со второй половины ея и сравнительное богатство ея содержанія съ 1687 по 1707 годъ. Причины этого явленія. Раздѣленіе содержанія лѣтописи на два отдѣла—гражданскія и церковныя событія—и три періода: I-й съ 1580 по 1624 г., II-й съ 1624—1668 и III-й съ 1668—1707 годъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ обзору содержанія лѣтописи «Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея», небходимо остановиться на вопросѣ, пользовался ли кто сей лѣтописью изъ лицъ, писавшихъ о Сибири въ прежнее время? Отвѣтить сразу на этотъ вопросъ не легко. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что въ 1792 году напечатано было

въ Тобольскѣ сходное нѣсколько по заглавію съ нашей лѣтописью «Краткое показаніе о бывшихъ въ Сибири воеводахъ» и проч., давно уже сдѣлавшееся библіографическою рѣдкостью. Авторъ сего «показанія» могъ пользоваться какъ нашей лѣтописью «О поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири», такъ равно и записною книгою тобольскаго Софійско-Успенскаго кафедральнаго собора о сибирскихъ архіереяхъ, воеводахъ, боярахъ, стольникахъ и стряпчихъ, бывшихъ въ періодъ времени съ 1583 по 1687 годъ». О составителѣ же «записокъ по сибирской исторіи», помѣщенныхъ въ «древней россійской вивліоѳикѣ» за 1788 годъ (ч. III), можно съ большею сравнительно достовѣрностью сказать, что онъ, вѣроятно, пользовался лѣтописью «О поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири» по крайней мѣрѣ при изложеніи церковно-историческихъ событій за XVII вѣкъ. Лѣтопись Черепановская въ изложеніи тѣхъ же церковно-историческихъ событій до 1686 года до буквальности сходна съ нашей лѣтописью. Наконецъ, у историковъ сибирскихъ: Миллера, Фишера, Словцова, Спасскаго, Абрамова, Сулоцкаго и Небольсина совершенно нѣтъ никакихъ указаній на то, была-ли имъ извѣстна лѣтопись «О поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея», пользовались они ею при составленіи трудовъ своихъ по сибирской исторіи и притомъ, какъ и насколько пользовались ею. Во всякомъ случаѣ, несомнѣннымъ остается пока тотъ фактъ, что лѣтопись подъ такимъ заглавіемъ: «Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея, и кто въ нихъ по указу Государеву имены были московскихъ воеводъ, бояръ и окольничихъ и думныхъ дворянъ, стольниковъ и стряпчихъ и дьяковъ и письменныхъ головъ и съ приписью подъячихъ; и въ кая лѣта въ Сибири въ Тобольску устроися престолъ архіерейскій и кто архіереевъ имены, архіепископовъ и митрополитовъ были въ Тобольску, и о иныхъ вещехъ»,—совершенно неизвѣстна въ современной исторической литературѣ и нѣтъ о ней никакихъ указаній въ извѣстныхъ намъ литературныхъ сборникахъ о Сибири; она не только доселѣ не издана и не разобрана никѣмъ, но даже, можетъ быть, и не прочтена совсѣмъ, подобно нѣкоторымъ другимъ сибирскимъ лѣтописямъ. Такимъ образомъ, намъ первымъ выпадаетъ на долю трудъ познакомить (насколько хватитъ у насъ на это умѣнья и силъ) любителей сибирской старины съ этимъ новооткрываемымъ и небезъинтереснымъ памятникомъ древней сибирской письменности. Не обѣщаясь сказать о новооткрываемой лѣтописи послѣднее слово науки, мы надѣемся только пред-

ложить читателямъ все то, что возможно и доступно было узнать намъ о ней, по тщательномъ изученіи единственнаго, пока извѣстнаго рукописнаго списка ея, при пособіи тѣхъ средствъ и источниковъ, какіе были въ нашемъ распоряженіи.

Какъ можно судить по полному, приведенному нами выше, заглавію рукописи, «Описаніе о поставленіи городовъ въ Сибири» распадается, по своему содержанію, на двѣ главныя части. Прежде всего, оно имѣетъ своимъ предметомъ исторію городовъ; остроговъ и лицъ, которыя присылаемы были изъ Москвы, по указу Государеву, для управленія Сибирью. Все это составляетъ предметъ гражданской исторіи Сибири. Далѣе «Описаніе» имѣетъ своею цѣлью разсказать о томъ, какъ устроился «престолъ архіерейскій въ Сибири и какіе были имена архіепископовъ и митрополитовъ въ Тобольскѣ, а также и о иныхъ вещехъ». Все это относится уже къ предмету церковной исторіи Сибири. Отсюда мы заключаемъ, что «Описаніе о поставленіи городовъ въ Сибири», по своему содержанію, есть собственно, какъ увидимъ далѣе, краткая (въ родѣ лѣтописи Черепановской) хроника всѣхъ вообще замѣчательныхъ событій по исторіи Сибири, какія только могли быть извѣстны ея автору, а потому она можетъ имѣть одинаково важное значеніе какъ для гражданскаго, такъ и для церковнаго историка Сибири. Хроника эта отличается краткостью, точностью и отсутствіемъ всякой вообще баснословности, т. е., нѣтъ въ ней разсказовъ о чудесахъ, видѣніяхъ и знаменіяхъ небесныхъ, чѣмъ страдаетъ, напр., Ремезовская лѣтопись и отчасти Черепановская. Въ «Описаніи» передаются одни только голые факты безъ всякихъ прикрасъ и разсужденій; не смотря, однако, на краткую передачу этихъ фактовъ, по нимъ можно прослѣдить въ главныхъ чертахъ почти всю исторію Сибири за 127 лѣтъ ея существованія подъ русскою державою (съ 1580 по 1707 годъ). «Описаніе» представляетъ собою въ этомъ отношеніи какъ-бы первый, хотя и не полный, конспектъ историческихъ событій Сибири.

Къ внѣшнимъ недостаткамъ этого конспекта можно отнести развѣ то, что онъ изложенъ почти безъ всякой системы: нѣтъ въ немъ никакихъ дѣленій ни на главы или на статьи, ни на отдѣленія, ни на періоды, какъ въ другихъ, сходныхъ съ нимъ по содержанію, лѣтописяхъ. Вслѣдствіе такой постановки дѣла, весьма трудно услѣдить сразу его содержаніе, отыскать въ немъ главную нить всего разсказа и отдѣлить существенное отъ несущественнаго. Авторъ, какъ можно замѣтить

по тщательномъ разсмотрѣніи его труда, придерживается въ изложеніи историческихъ фактовъ такого порядка: помѣтивъ на поляхъ рукописи краснымъ чернилomъ: «зри въ Сибири въ Тобольску шестые (или другіе какіе-либо по счету) воеводы», онъ въ текстѣ начинаетъ обыкновенно такъ: «А съ 7000 (такого-то) году да по 7000 (такой-то годъ), по указу Государя (имя рекъ), были въ Тобольску воеводы такіе-то» (приводится ихъ полный титулъ). Затѣмъ уже излагаетъ событія церковной и гражданской исторіи, случившіяся при этихъ воеводахъ или въ самомъ только городѣ Тобольскѣ, или же относящіеся къ общей исторіи Сибири. Далѣе, крупнымъ шрифтомъ и краснымъ чернилomъ дѣлаетъ обыкновенно такое заглавіе «въ сибирскихъ городѣхъ воеводы» или же: «тобольскаго (или томскаго) разряду въ городѣхъ воеводы», а иногда и просто, лаконически: «въ городѣхъ воеводы». Подъ такими общими оглавленіями авторомъ разбираемой нами лѣтописи предлагаются полные и подробные списки воеводъ, дьяковъ, письмянныхъ головъ и съ приписью подъячихъ во всѣхъ городахъ сибирскихъ, современныхъ тѣмъ воеводамъ тобольскимъ, которые обыкновенно поставляются авторомъ выше, во главѣ всѣхъ прочихъ сибирскихъ воеводъ. При этомъ авторъ иногда довольно подробно описываетъ перемѣны, происходившія въ воеводскомъ управленіи. Такъ, онъ указываетъ нерѣдко, какой воевода, куда, за что и на чье мѣсто переведенъ, чей, т. е., какого воеводы онъ братъ или сынъ, когда и гдѣ онъ умеръ или былъ осужденъ за что-либо. Изъ «Описанія» видно, что нѣкоторые воеводы часто смѣняемы и судимы были, по челобитью жителей всѣхъ градскихъ сословій; другіе же и мѣста свои занимали не иначе, какъ по желанію и прошенію тѣхъ же жителей. При нѣкоторыхъ воеводахъ производимы были даже цѣлыя ревизіи, по назначенію высшей власти, для разслѣдованія воеводскихъ злоупотребленій. Подъ этими же оглавленіями, непосредственно за перечисленіемъ воеводъ того или другого города, слѣдуетъ и описаніе событій, случившихся въ этомъ городѣ, или военныхъ походовъ противъ непріятеля, предпринятыхъ по иниціативѣ его воеводъ и жителей и проч.

Такой порядокъ расположенія историческихъ событій для передачи ихъ на бумагѣ нельзя признать удобнымъ, легкимъ и простымъ. Всѣ историческіе факты разбираемой нами лѣтописи группируются, какъ замѣтно, исключительно только около смѣны и назначенія изъ Москвы воеводъ, дьяковъ и прочихъ должностныхъ лицъ въ Тобольскъ и другіе города Сибири. Въ различныхъ перемѣнахъ (происходившихъ по

мановенію высшаго правительства московскаго), въ сферѣ воеводскаго управленія Сибирью авторъ полагаетъ какъ бы всю суть дѣла, а всѣ остальные, передаваемые имъ, историческіе факты (не исключая даже отчасти и назначенія въ Сибирь тѣхъ или другихъ архіепископовъ и митрополитовъ) считаетъ какъ бы второстепенными и придаточными, говоритъ о нихъ мимоходомъ, какъ бы считая ихъ происходящими по мановенію тѣхъ же всесильныхъ московскихъ бояръ, воеводъ и съ приписью подъячихъ. Очевидно, что такое воззрѣніе автора, помимо того важнаго значенія, которое дѣйствительно имѣло управленіе московскихъ воеводъ для тогдашней Сибири, имѣетъ свое основаніе еще какъ въ древнихъ, такъ и въ современныхъ автору русскихъ лѣтописяхъ, синопсисахъ, степенныхъ книгахъ и проч. Въ послѣднихъ событія русской исторіи излагались обыкновенно по царствованіямъ русскихъ князей и государей. Подражая этимъ лѣтописцамъ, составитель нашей лѣтописи думалъ, быть можетъ, такъ же расположить и событія сибирской исторіи. А такъ какъ въ Сибири князей и царей уже не было въ то время, то ихъ замѣняли собою присылаемые изъ Москвы для управленія страною въ Тобольскъ и другіе города Сибири бояре, воеводы и стольники московскіе. Но громадная разница (опущенная, какъ замѣтно, авторомъ «Описанія» изъ виду) между сибирской и русской исторіей заключалась въ томъ, что управленіе князей и государей на св. Руси считалось десятками лѣтъ, воеводы же московскіе присылаемы были въ Сибирь для управленія дѣлами на весьма короткій срокъ,—обыкновенно, года на два только, много ужъ года на три или на четыре. При этомъ смѣна и назначеніе тобольскихъ воеводъ, поставленныхъ авторомъ въ главѣ другихъ, рѣдко совпадали съ смѣною и назначеніемъ воеводъ по другимъ городамъ Сибири, вслѣдствіе чего въ изложеніи списка воеводъ является иногда путаница и непредвидѣнныя затрудненія. Послѣ перечисленія тѣхъ или другихъ воеводъ тобольскихъ, авторъ часто принужденъ бываетъ замѣчать: «а въ такомъ то городѣ воеводы прежніе-жъ» или же: «томскаго и тобольскаго разряду въ городѣхъ воеводы прежніе-жъ», иногда же среди изложенія воеводскаго списка или тѣхъ или другихъ историческихъ событій встрѣчается совершенно новое заглавіе: «а во 188 (или въ другомъ какомъ-либо) году въ Сибири вновь воеводы» и при этомъ приводится нѣсколько воеводскихъ именъ, а затѣмъ: «зри въ Тобольску такіе-то (по счету) воеводы» и снова излагаются историческія событія, а потомъ опять воеводскіе списки и т. д.

Ясно, что такое расположеніе событій должно отличаться отрывочностью, сбивчивостью и крайней сухостью изложенія; такъ какъ авторъ, по причинѣ весьма кратковременнаго управленія воеводъ (какъ объ этомъ упомянуто нами выше), часто принуждается прерывать ходъ разсказа о другихъ болѣе интересныхъ событіяхъ и постоянно возвращаться къ частой смѣнѣ однихъ и назначенію другихъ воеводъ. И дѣйствительно, первая и большая половина рукописи, за исключеніемъ краткихъ извѣстій о построеніи нѣкоторыхъ городовъ сибирскихъ и небольшого количества фактовъ изъ церковной исторіи Сибири, исключительно почти наполнена одними списками воеводъ сибирскихъ и извѣстіями о перемѣнахъ, происходившихъ въ сферѣ воеводскаго управленія Сибирью. Такое направленіе автора можно объяснить развѣ только тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ при всемъ желаніи своемъ представить болѣе или менѣе полную хронику замѣчательныхъ событій по исторіи Сибири, съ самаго начала завоеванія ея русскими до своего времени (съ 1580—1707 г.), не могъ или не сумѣлъ собрать другихъ данныхъ для первоначальной исторіи Сибири, кромѣ представленныхъ имъ, съ краткими замѣчаніями, полныхъ и подробныхъ списковъ воеводъ сибирскихъ за этотъ періодъ времени. Можно предположить также и то, что и самые списки воеводъ сибирскихъ составлены или списаны были (напр., съ записной книги о воеводахъ сибирскихъ съ 1583 по 1687 г., хранящейся при библіотекѣ Тобольскаго каѳедральнаго собора), быть можетъ, авторомъ разбираемой лѣтописи первоначально только по порученію кого-либо изъ лицъ, власть имѣвшихъ въ Сибири, а потомъ уже пополнены имъ, по собственному желанію, позднѣйшими вставками объ извѣстныхъ ему замѣчательныхъ событіяхъ въ Сибири. Какъ бы все это ни было, несомнѣннымъ остается, однако, то, что самимъ авторомъ «Описанія о поставленіи городовъ въ Сибири по взятіи ея» избранный имъ порядокъ расположенія событій не выдержанъ строго до конца лѣтописи и, слѣдовательно, имъ самимъ признанъ неудобнымъ. На 234-й стр. въ послѣдній разъ встрѣчается примѣчаніе на поляхъ рукописи: «зри въ Тобольску 40-й воевода» (кн. Алексѣй Андреевичъ Голицынъ съ 31 декабря 1681 г.), а съ 244 стр., т. е. съ 1688 г., времени воеводствованія въ Тобольскѣ боярина и воеводы Алексѣя Петровича Головина, начинается уже нѣсколько другой, отличный отъ прежняго порядокъ изложенія событій, равно какъ и самая лѣтопись является содержательнѣе и интереснѣе. Прежде всего, въ этой части лѣтописи не такъ

часты и не такъ бросаются въ глаза утомительные и скучные списки воеводъ сибирскихъ, промежутки между этими списками болѣе продолжительны и болѣе содержательны, т. е. большее въ нихъ сообщается количество другихъ историческихъ фактовъ и событій, чѣмъ въ первой части лѣтописи. Въ послѣдней части рукописи, на 64 стр. всего только два раза встрѣчается оглавленіе: «въ городѣхъ стольники и воеводы». И два такихъ оглавленія: 1) «А въ 197 году въ городѣхъ стольники и воеводы» и 2) «Тобольскаго разряду въ городѣхъ воеводы въ 7201 году». Послѣднее, впрочемъ, оглавленіе не совсѣмъ точно, такъ какъ подъ нимъ приведены воеводы городовъ Томска, Иркутска, Якутска и др., т. е. городовъ не одного только Томскаго разряда, а всѣхъ вообще извѣстныхъ въ то время городовъ Сибири. Далѣе, главное отличительное свойство этой части рукописи заключается въ богатствѣ ея историческаго матеріала сравнительно съ первой частью. Историческія событія, передаваемыя въ концѣ «Описанія о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири», хотя и расположены по годамъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ древнихъ лѣтописяхъ и хроникахъ историческихъ, но безъ строгой логической и даже хронологической послѣдовательности; событія, случившіяся прежде, показываются нерѣдко вслѣдъ за тѣми событіями, которыя произошли послѣ нихъ, и проч. Не смотря, однако же, на все это, послѣдняя часть разбираемой нами рукописи вполнѣ можетъ быть названа лѣтописью или хронологическимъ перечнемъ замѣчательныхъ событій изъ исторіи Сибири, а не «Описаніемъ» только «о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири» и краткимъ показаніемъ о бывшихъ въ Сибири архіереяхъ и воеводахъ. Такая перемѣна въ характерѣ рукописи какъ съ внутренней, такъ и съ внѣшней стороны ея и сравнительное богатство историческаго матеріала въ послѣдней ея части могли, между прочимъ, зависѣть отъ слѣдующихъ причинъ. Авторъ для первой (большей) части своего труда могъ пользоваться готовыми источниками (напр., записной кн. Тобольскаго као. собора о бывшихъ въ Сибири архіереяхъ и воеводахъ до 1687 г. и др.) и, быть можетъ, слѣпо имъ слѣдовалъ даже и во внѣшнемъ расположеніи своего произведенія, т. е., готовыя рамки и къ готовому матеріалу прилагалъ и добытую имъ частицу своихъ собственныхъ свѣдѣній. Къ концу же лѣтописи, т. е. съ 1670 годовъ, когда авторъ о большинствѣ событій могъ писать, какъ очевидецъ и даже, быть можетъ, какъ участникъ ихъ, а особенно съ 1687 г.,—времени окончанія записной кн. собора

тоб., уже авторъ писалъ самостоятельно свой трудъ, т. е., не имѣя подъ руками готоваго матеріала, вложеннаго въ готовыя рамки, самъ собиралъ этотъ матеріалъ и влагалъ его въ свои собственныя, хотя и не многимъ отличающіяся отъ прежнихъ, рамки. Этой то относительной самостоятельностью автора къ концу его работы, какъ современника описываемыхъ имъ событій, и можно объяснить какъ сравнительное богатство историческаго матеріала въ послѣдней части лѣтописи, такъ и ея нѣсколько отличный отъ первой части порядокъ изложенія историческихъ фактовъ.

До сихъ поръ мы занимались исключительно почти только одною внѣшнею стороною разбираемой нами лѣтописи, а теперь обратимъ главное вниманіе свое на внутреннюю ея сторону, т. е., на ея содержаніе. Ранѣе было сказано нами, что вслѣдствіе недостатковъ внѣшней формы этой лѣтописи, т. е. отсутствія въ ней дѣленій на главы и отдѣленія, или періоды, довольно трудно обнять сразу и передать точно и полно ея содержаніе. Поэтому, приступая теперь къ изложенію содержанія разбираемой нами лѣтописи, раздѣлимъ произвольно, передаваемые въ ней, факты и событія на слѣдующіе отдѣлы и періоды. Прежде всего, такъ какъ наша лѣтопись занимается одинаково почти событіями какъ гражданской, такъ и церковной исторіи Сибири, то, слѣдовательно, безъ ущерба и измѣненія содержанія ея, можно всѣ историческіе факты, заключающіеся въ ней, раздѣлить на два главныхъ отдѣла, изъ которыхъ въ одномъ помѣщать всѣ тѣ историческія событія, которыя имѣютъ отношеніе къ исторіи православной вѣры и церкви въ Сибири, а въ другомъ всѣ тѣ, которыя относятся къ исторіи русской народности и власти государственной въ Сибири. Далѣе, какъ для церковныхъ, такъ и для гражданскихъ событій, содержащихся въ разбираемой нами лѣтописи, можно назначить слѣдующіе три періода времени. Первый періодъ можетъ обнимать собою первые 43 года существованія Сибири подъ русскою державою, т. е. съ 1580 г. (по лѣтописи) или времени покоренія ея Ермакомъ по 1621—24 г., т. е. времени учрежденія архіепископіи въ Сибири, какъ наиболѣе выдающагося факта изъ первоначальной исторіи Сибири за первую четверть XVII в., совершившагося уже при 14-мъ воеводѣ Тобольскомъ Матвеѣ Михайловичѣ Годуновѣ. Второй періодъ будетъ съ 44 года, т. е. съ 1624 по 1668 годъ, когда учреждена была, при 30-мъ воеводѣ Тобольскомъ *Петрѣ Ивановичѣ Годуновѣ* и архіепископѣ (потомъ митрополитѣ) *Корнилѣ*, сибирская митрополія; наконецъ, третій періодъ въ 39 лѣтъ, т. е. съ

1668, или со времени учрежденія митрополіи по 1707 годъ; т. е. до конца лѣтописи. Невозможно, конечно, съ пунктуальною точностію, годъ въ годъ, подогнать событія, заключающіяся въ разбираемой лѣтописи, подъ намѣченные нами періоды времени; но мы, для болѣе точной передачи историческихъ фактовъ, постараемся, все-таки, хотя приблизительно, держаться намѣченныхъ нами границъ времени. И такъ, означивъ періоды буквами А, Б, В, приступаемъ сейчасъ къ изложенію историческихъ событій за первые 43 года, т. е. съ 1580 по 1624 годъ.

ГЛАВА II. А) ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ (1580—1624).

Начало или введеніе къ лѣтописи съ краткими замѣчаніями. Покореніе Сибири Ермакомъ съ дружиною и прибытіе воеводъ съ Москвы *С. Болховскаго* и *Ив. Глухова* съ царскимъ милостивымъ словомъ Ермаку съ товарищи. Смерть С. Болховскаго и Ермака съ товарищи въ 1584 г. Бѣгство изъ Сибири *Ив. Глухова* и *Ив. Мансурова* въ 1585 г. Прибытіе изъ Москвы *Вас. Сукина*, *Ив. Мясного* и *Д. Чулкова*. Построеніе Тюмени, Тобольска, Тары, Пелыма, Березова, Сургута Нарыма, Томска и Кецкаго острога. Походъ противъ *Кучума* изъ Тары въ 1598 году и его результаты. Построеніе Верхотурья въ 1598 г., Мангазеи и Енисейска въ 1600 г. О воеводахъ въ Тобольскѣ и другихъ городахъ Сибири. Построеніе Туринска въ 1601 г. Кружечные дворы въ Тобольскѣ. Построеніе Кузнецка въ 1617 г. и новаго острога на Енисеѣ въ 1618 г. Первая ревизія воеводскаго управленія въ Сибири въ 1622.

Лѣтопись. «Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея» начинается такъ: «Божію милостію и Пресвятыя Богородицы заступницы христіанскія і всѣхъ святыхъ великихъ чудотворцевъ и праведною милостію великаго Государя Царя і великаго князя Іоанна Васильевича всея Россіи самодержца, взято бысть Сибирское царство съ прилежащими къ нему ордами у бесерменскаго царя Кучюма во обдержательство московскому царству атаманомъ Ермакомъ Тимоѳѣевичемъ сыномъ Новольскимъ, съ его дружиною съ пятьюсты сороки человѣки казаковъ, въ лѣто 7089 году, Октября въ 26 день», т. е. 1580 г., 26 октября. Очевидно, что эта приведенная сейчасъ нами выдержка, какъ видно и по слогу и по содержанію ея, заимствована авторомъ изъ Есиповской лѣтописи. Далѣе, тоже согласно съ лѣтописью Саввы *Есипова*, передается о приходѣ въ Сибирь въ 1583 г. съ ратными людьми первыхъ воеводъ съ Москвы, князя Семена *Болховскаго* и Ивана *Глухова*, отъ царя Ивана Васильевича Грознаго «съ его Государскимъ многимъ жалованьемъ Ермаку съ товарищи и милостивымъ

словомъ за ихъ къ нему радѣтельную службу и за пролитіе крови ихъ». Въ 20 гл. лѣтописи *Есипова*, гдѣ разсказывается о приходѣ первыхъ воеводъ въ Сибирь, не упоминается впрочемъ о томъ, что Болховской и Глуховъ пришли къ Ермаку съ товарищами, «съ государскимъ жалованьемъ и милостивымъ словомъ»; не говорится объ этомъ и въ 92-й ст. лѣтописи *Ремезова*, но за то въ 23 гл. *Строгановской* лѣтописи фактъ этотъ (встрѣчи первыхъ воеводъ въ Сибири и раздачи ими царскаго жалованья Ермаку съ товарищами) описывается довольно подробно, откуда онъ, по всей вѣроятности, и заимствованъ авторомъ разбираемой нами лѣтописи. Затѣмъ, разсказывается о смерти въ Сибири отъ голоду воеводы Семена Болховскаго и ратныхъ людей, объ убіеніи отъ «поганскаго царя Кучюма и отъ агарянъ воина атамана Ермака съ товарищи, съ нимъ 150 человѣкъ казаковъ» въ 1584 г., августа въ 5 день. Откуда заимствовано число убитыхъ съ Ермакомъ казаковъ (150 ч.), намъ неизвѣстно; такъ какъ у Ремезова показано въ одномъ мѣстѣ (ст. 98) 50 человѣкъ, а въ другомъ (ст. 99 и 135)—300, а у Есипова и въ Строгановской лѣтописи сказано просто: «съ не со многими воинскими людьми, пойде Ермакъ» и проч. По смерти Ермака и воеводы С. Болховскаго съ ратными людьми, оставшійся въ живыхъ товарищъ послѣдняго, воевода (по лѣтописи) Иванъ *Глуховъ*, по словамъ автора, «убоялся жити въ Сибири множества поганыхъ агарянъ, побѣжа къ Москвѣ съ достальными ратными людьми». Точно также и другой, присланный въ 1585 г. по царскому указу, изъ Москвы въ Сибирь, съ ратными людьми, воевода Иванъ *Мансуровъ* «видѣ многое множество въ Сибири поганыхъ агарянъ, побѣжа изъ Сибири къ Москвѣ, вниз Иртыша реки и великой Оби чрезъ камень» (т. е. Уралъ). «И въ то время», замѣчаетъ авторъ, «не бысть въ Сибири живущихъ россійскихъ людей». Наконецъ, въ 1586 году, по указу Царя Ѳедора Іоанновича, посланы были въ Сибирь третьи воеводы: Василій Борисовъ, сынъ *Сукинъ*, да Иванъ *Мясной*, да письменный голова Даніло *Чулковъ* съ ратными людьми. Воеводы эти построили на рѣкѣ Турѣ городъ Тюмень, называвшійся прежде у поганыхъ Чингидесъ, и сами остались въ немъ, а письменнаго голову Данилу Чулкова отправили внутрь Сибири съ ратными людьми для построенія города Тобольска. Даніло *Чулковъ*, по указу Государскому и по приказу воеводъ, поѣхалъ изъ Тюмени внизъ по Турѣ р. и по Тоболу до р. Иртыша. По волѣ великаго Бога и по Государскому указу, онъ на рѣкѣ Иртышѣ, пониже устья

рѣки Тобола, на горѣ построилъ городъ и назвалъ его Тобольскомъ, вмѣсто бесерменскаго града Сибири, по которому нынѣ и вся страна названа Сибирью. Какъ градъ Сибирь имѣлъ прежде старѣйшинство между другими городами страны, замѣчаетъ авторъ, такъ нынѣ городъ Тобольскъ старѣйшинство имѣетъ предъ остальными городами Сибири. Построенъ былъ (т. е. Тобольскъ) гдѣ нынѣ софійской дворъ, въ лѣто 7095-мъ году (1587-мъ), «понеже ту бысть побѣда и одолѣніе на поганыхъ агарянъ». Данило *Чулковъ*, построившій городъ Тобольскъ, былъ въ немъ и первымъ воеводою по 97 годъ, т. е. по 1589 годъ. Таково начало или введеніе лѣтописи. Далѣе, сообщаются краткія свѣдѣнія о построеніи другихъ городовъ въ Сибири. Такъ, въ 7096-мъ или 1588-мъ году воевода князь Андрей *Елецкой* построилъ городъ Тару, а съ 1591 по 1594 г., при воеводахъ Тобольскихъ: Володимірѣ Васильевичѣ *Масальскомъ-Кольцовѣ* (1590—91), да при Ѳедорѣ Михайловичѣ *Лобановѣ-Ростовскомъ* (1592—1595), построены въ «Тобольску въ Сибири» города: Пелымь, Березовъ, Сургутъ (всѣ три 1591 г.), Нарымскъ (1592), Томскъ (1593) и Кецкой острогъ (1594). «Томской городъ строилъ Тобольской боярской сынъ Василій Тырковъ», замѣчаетъ лѣтописецъ. Всѣ эти свѣдѣнія о построеніи первыхъ городовъ Сибири несогласны съ исторіей Миллера и Фишера. По Миллеру—Тара построена, напр., въ 1591 году (гл. 4, § 77), Пелымь, Березовъ, Сургутъ 1593 г (гл. 4, § 24, 39 и 50), Нарымъ и Кецкой острогъ 1596 г. (гл. 5, § 2 и 5), а Томскъ 1604 г. и не Василіемъ *Тырковымъ*, а товарищемъ его, казачьимъ головой Гавріломъ *Писемскимъ* (гл. 5, § 44). Шестымъ воеводою въ Тобольскѣ съ 1596 по 1597 годъ показанъ въ лѣтописи князь Меркурій Александровичъ *Щербатой*, а въ Тарѣ воеводою тогда былъ Степанъ Козминъ съ товарищи. Подъ этими воеводами описывается слѣдующее событіе: «7106 (1598) году, по указу и по грамотѣ царя Бориса Ѳедоровича Годунова, съ Тары ходили въ походъ воеводы воинскимъ ополченіемъ за царемъ Кучюмомъ и нашли его на станахъ и многихъ татаръ побили и взяли у него 8 царицъ, да 3 царевича и много полону, а царь Кучюмъ утекъ не со многими людьми. Царицъ и царевичей послана воеводы къ царю, къ Москвѣ. А по указу Государеву къ воеводамъ и къ ратнымъ людемъ прислаша въ Тару за тое ихъ службу жалованье золотыми, коемуждо по указу». Упоминаемый здѣсь послѣдній походъ противъ Кучюма 1598 года подъ тѣмъ же годомъ описывается и въ лѣтописи Ремезова (ст. 130-я)

и въ исторіи Миллера (гл. 4, § 89), только у послѣднихъ сказано, что походъ этотъ былъ совершенъ тарскимъ воеводою Иваномъ *Масальскимъ*, при тобольскомъ воеводѣ Евфиміѣ Варооломіевичѣ *Бутурлинѣ*. О Бутурлинѣ въ нашей лѣтописи нѣтъ никакого упоминанія, а сказано просто, что послѣ воеводы Меркурія *Щербатова* въ 1599 и 1600 г.г. отъ царя Бориса Ѳедоровича Годунова «присланы въ Тобольскъ для утвержденія окольничей и воеводы: *С. Ѳ. Сабуровъ*, да Алексѣй *Третьяковъ*, дьякъ Тимоѳей *Витовтовъ*, письменные головы Демидъ *Черемисовъ*, да Василей *Романовъ*, да кн. Миронъ Михайловичъ *Шаховской*». Въ то же время воеводою на Тарѣ показанъ Яковъ Ивановичъ сынъ *Старковъ* и письменные головы *П. Ивановъ* да *Ѳ. Рябининъ*, Иванъ же *Масальской* воеводою на Тарѣ по нашей лѣтописи былъ только въ 1601 и 1602 годахъ, когда тобольскимъ воеводствомъ заправлялъ Ѳедоръ Михайловичъ *Шереметьевъ*: Восемь царицъ и 3 царевича, взятые въ 1598 г. воеводами въ плѣнъ, по Ремезову и Миллеру были: 6—женъ Кучюмовы, 2 дочери его и 2 сына. Подъ 1599 годомъ въ первый разъ упоминается въ нашей лѣтописи новый городъ на Верхотурьѣ, построенный, по Миллеру, въ 1598 году, гдѣ воеводою былъ Василій *Головинъ*. Около этого же времени, т. е. въ 1600 г., во время воеводствованія въ Тобольскѣ С. *Сабурова*, товарищъ его кн. Миронъ *Шаховской*, «да Данило *Хрипуновъ* да сынъ боярской, да атаманъ, да съ ними служилыхъ людей 100 человѣхъ посланы были по Государскому указу и по грамотѣ изъ Тобольска въ Мангазѣю и въ Енисейскъ. Велѣно имъ построить въ Мангазеѣ и въ Енисейскѣ (понимаются въ смыслѣ цѣлыхъ странъ) остроги и тунгусовъ и самоѣдцевъ и остяковъ привести по ихъ вѣрѣ къ шерти и быть имъ (т. е. въ Мангазеѣ и въ Енисейскѣ) до указу. А прежъ ихъ (т. е. Шаховскаго и Хрипунова) посылянъ былъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, провѣдывать Мангазеи и Енисейска, при ц. Ѳедорѣ Іоанновичѣ всея Росіи, Ѳедоръ Дьяковъ съ товарищи». Въ 1601 году, при воеводѣ *Шереметьевѣ*, состоялось новое отправленіе изъ Тобольска въ Мангазею и въ Енисейскъ. Посланы были туда кн. Василій *Масальскій*, да Лука *Пушкинъ*, а служилыхъ людей съ ними 100 человѣкъ». (По Фишеру, стр. 206—200 ч.). Лука Пушкинъ у Миллера (гл. 5, § 37) называется Савлукъ Пушкинъ. Во время воеводъ тобольскихъ: Андрея Васильевича *Голицына* (съ 1603—1605 г.), Романа Ѳедоровича *Трескурова*, поставленнаго, по выраженію лѣтописи, «отъ Ростриги», т. е. Лже-Димитріемъ I (съ

1606—1607), Михаила Михайловича *Салтыкова* (съ 1608—1611), поставленнымъ царемъ Василіемъ Михайловичемъ Шуйскимъ, и кн. Ивана Павловича *Буйносова-Ростовскаго* (съ 1612—1615), «который былъ отъ бояръ изъ полковъ крайчей», никакихъ событій въ лѣтописи не описывается; приводятся только списки современныхъ имъ воеводъ по другимъ городамъ Сибири. Здѣсь, какъ ранѣе подъ 1598 годомъ, подъ 1612 годомъ не показано въ Тобольскѣ никакого воеводы; а подъ 1613 годомъ въ первый разъ упоминается городъ Туринскъ съ воеводою *П. Желябовскимъ*, построенный по Миллеру (гл. 5, § 96) въ 1601 г. воеводою Ѳ. О. Яновымъ. Съ 24 января 1616 по 21 мая 1620 г. въ Тобольскѣ были поставлены воеводы отъ царя Михаила Ѳедоровича: бояринъ, кн. Иванъ Семеновичъ *Куракинъ*, да кн. Григорій *Гагаринъ* съ товарищи. Лѣтописецъ въ первый разъ дѣлаетъ здѣсь такія точныя указанія (по числамъ и мѣсяцамъ) о времени правленія тобольскихъ воеводъ; далѣе въ лѣтописи такія указанія у него дѣлаются уже обычными и постоянными. «При сихъ воеводахъ (т. е. Куракинѣ и Гагаринѣ), по словамъ лѣтописца, съ 1617 года въ Сибири въ Тобольску первые начали быть кружечные дворы, і въ продажѣ Государское горячее вино». Въ этомъ же году, т. е. 1617, велѣно въ Томскѣ быть «большимъ воеводою съ Тюмени Ѳедору *Боборыкину*», далѣе, «по указу великаго Государя и по грамотѣ и по посылкѣ изъ Тобольска, по Томскимъ вѣстовымъ отпискамъ» тобольскими, тюменскими, верхотурскими и томскими служилыми людьми вверхъ по Томи рѣкѣ, на устьѣ Бразы рѣки, построенъ Кузнецкой острогъ (по Миллеру 1618 г. гл. 5, § 75). Начальными людьми при этомъ были: томскій татарскій голова Осипъ *Кокаревъ*, да казачей голова Молчанъ Лавровъ, да сынъ боярской Евстаоей *Михалевской*. До прихода московскихъ воеводъ посланы были въ тотъ новый Кузнецкой острогъ, говоритъ лѣтописецъ «на приказъ изъ Тобольска дѣти боярскіе». Въ 1618 году пришли въ Кузнецкъ и московскіе воеводы: Тимоѳей *Бабарыкинъ*, да Осипъ *Опичковъ*. Въ этомъ же 1618 году «посланъ, по указу Государеву, изъ Тобольска письменной голова, да сынъ боярской (какой, неизвѣстно), да тобольскихъ стрѣльцовъ сотникъ *П. Албычевъ*, да Черкасъ *Рукинъ*. Велѣно имъ на Енисеѣ рекѣ построить новой острогъ и быть въ немъ до указу». Въ слѣдующемъ 1619 г. на смѣну имъ изъ Тобольска посланъ сынъ боярской Максимъ *Трупчаниновъ*. Съ 9-го Мая 1620 года и по 21 Мая 1623 года въ Тобольскѣ былъ

воеводою *М. М. Годуновъ*. За время этого воеводы, кромѣ разсказа объ учрежденіи архіепископіи въ Сибири, что уже относится къ слѣдующему церковно-историческому отдѣлу, и воеводскихъ списковъ, которые мы для краткости опускаемъ, сообщается еще о пріѣздѣ въ 1622 г. въ Тобольскъ для слѣдствія сыщика кн. Ѳедора Андреевича *Елецкаго* и съ нимъ дьяка Якова *Бутримова*, которые «сыскивали въ Тобольску про сидѣнья кн. Івана Семеновича *Куракина* съ товарищи и про всѣхъ прежнихъ сибирскихъ воеводъ». Эта первая большая ревизія воеводскаго управленія въ Сибири по нашей лѣтописи. Такія ревизіи далѣе дѣлаются уже довольно частыми, какъ увидимъ это при изложеніи содержанія лѣтописи за послѣдующіе два періода времени. Въ 1621 г. сгорѣлъ городъ Пелымъ при воеводѣ *Вельяминовѣ*, а въ 1622 г. присланъ первый воевода въ Енисейскъ Яковъ Игнатьевичъ *Хрипуновъ*.

ГЛАВА III.

Церковно-историческія событія за первый періодъ (1580—1624). Построеніе первыхъ церквей въ Сибири,—Тюмени и Тобольскѣ. Явленіе св. Николая Чудотворца и построеніе во имя его церкви на взвозѣ прямскомъ. Учрежденіе архіепископіи въ Сибири и прибытіе въ Тобольскъ перваго архіепископа Кипріана. Разспрашиваніе архіеп. Кипріаномъ Ермаковыхъ казаковъ о завоеваніи ими Сибири и составленіе о томъ первыхъ записей, а также и синодика для поминовенія въ церкви Ермака съ его сподвижниками. Отъѣздъ Кипріана въ Москву и назначеніе въ Тобольскъ архіеп. Макарія.

Воеводою Годуновымъ и ревизіей кн. Елецкаго въ Сибири оканчивается первый (43-хлѣтній) періодъ исторіи Сибири, который, по нашей лѣтописи, какъ мы видимъ это сейчасъ (при изложеніи содержанія лѣтописи за первые 43 года), не особенно богатъ событіями даже по гражданской исторіи Сибири, по церковной же исторіи найдемъ въ ней еще болѣе скудный матеріалъ за этотъ періодъ времени. Такъ, въ самомъ началѣ лѣтописи, въ разсказѣ о построеніи городовъ Тюмени и Тобольска, мы узнаемъ о поставленіи двухъ первыхъ церквей въ Сибири: въ Тюмени (не сказано какой), а въ Тобольскѣ «вознесенія Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа». По лѣтописи *Ремезова* (ст. 121 и 122) въ Тюмени, «первая въ Сибири», какъ выражается лѣтописецъ, церковь воздвигнута была Всемилостиваго Спаса, а въ Тобольскѣ построено было двѣ церкви: одна во имя Св. Троицы, а другая Всемилостиваго Спаса на взвозѣ. По лѣтописи Черепановской въ Тобольскѣ первыя церкви были:

Живоначальныя Троицы и Вознесенія Господня, «понеже на оныя праздники совершалось городское строеніе», замѣчаетъ лѣтописецъ. Чѣмъ же объяснить такое разнорѣчіе лѣтописевъ о первыхъ церквахъ города Тобольска и почему именно въ нашей лѣтописи упоминается объ одной только церкви Вознесенія Господня, о которомъ совсѣмъ не говоритъ *Ремезовъ*,—для насъ остается совершенно неяснымъ. Далѣе, до самаго времени учрежденія сибирской архіепископіи (1621 г.) передается въ нашей лѣтописи одинъ только фактъ изъ церковно-исторической жизни края, а именно слѣдующій: «въ 1602 г., при воеводѣ *Ѳ. И. Шереметьевѣ*, въ Сибири, въ Тобольску, явися Святитель Христовъ Николай чюдотворецъ, повелѣвая во свое имя воздвигнути церковь на горѣ, на звозѣ прянскомъ (по Черепановской-Пермскомъ), и по его явленію въ то время во имя его святая церковь воздвигнута». (Стр. 195 [1]). Самый же фактъ учрежденія архіепископіи въ Сибири передается авторомъ лѣтописи такъ: «Нынѣ убо (т. е. въ 1621 г., при тобольскомъ воеводѣ М. М. Годуновѣ) сибирская земля, паче же богоспасаемый градъ Тоболескъ божественныя святыя славы озарися свѣтомъ. Аще бо егда бысть сибирская земля идоложертвіемъ омрачена; нынѣ же просвѣтися просвѣщеніемъ Св. Духа, возсія и прославися». Далѣе, лѣтописецъ говоритъ, что въ 7129 году, т. е. въ 1621 г., «изволеніемъ всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога, за повелѣніемъ великого Государя, царя и великого князя Михаила Оедоровича, всея великія Росіи самодержца, и по благословенію великого крайняго святителя, св. Филарета Никитича, патріарха московскаго и всея Росіи, избранъ и освященъ бысть на архіерейскую степень, поставленъ въ Сибирь въ Тоболескъ первопрестольникомъ во архіепископы *Кипріанъ*, бывый прежде вѣликомъ Новѣградѣ у Спаса на Хутомѣ архимандритомъ». Первый архіепископъ сибирскій и тобольскій, преосвященный *Кипріанъ*, пріѣхалъ въ Тобольскъ въ томъ же 1621 году, мая 30-го, а въ слѣдующемъ 1622 году, «во второе лѣто архіерейства своего воспамяну атамана Ермака Тимоѳеевича сына Новольского и дружины его, храбропавшихъ надъ нечестивыми агаряны. И повелѣ онъ, пастырь добрый, распросити Ермаковыхъ казаковъ: како они съ атаманомъ Ермакомъ съ товарищи пріидоша въ Сибирь и гдѣ у нихъ съ погаными были бои и на тѣхъ бояхъ гдѣ у

[1]) Страницы разбираемой нами лѣтописи выставлены всюду въ статьѣ по лаврскому подлиннику «*Исторія*, сирѣчь повѣсть о взятіи царственнаго града Казани и Астрахани и Сибирскаго царства ... Въ лаврскомъ сборникѣ 351 листъ или 702 стр.

нихъ казаковъ и кого именемъ побиша поганіи на бранѣхъ. И казаки», по словамъ лѣтописца, «принесоша къ нему (Кипріану) списки, како они пріидоша въ Сибирь и гдѣ у нихъ съ погаными бои (т. е. были) и кого изъ нихъ именемъ атамановъ и казаковъ побиша». Кипріанъ же «попеченіе о нихъ (казакахъ) имѣя, яко отецъ о чадѣхъ, повелѣлъ имена убитыхъ записать въ церкви въ синодики и въ православную недѣлю, вмѣстѣ съ прочими православными, пострадавшими за православіе, кликать имъ вѣчную память». Очевидно, что весь этотъ разсказъ о разспрашиваніи Кипріаномъ Ермаковыхъ казаковъ, въ основныхъ чертахъ его, заимствованъ изъ *Есиповской* лѣтописи и въ настоящемъ его видѣ дословно почти повторенъ по нашей лѣтописи *Черепановымъ* (стр. 86). Далѣе о дѣятельности перваго архіепископа сибирскаго нѣтъ болѣе въ нашей лѣтописи никакихъ свѣдѣній; сообщается только объ отъѣздѣ его въ 1624 г., 5 февраля, по указу Государя, изъ Тобольска въ Москву и о поставленіи его сперва митрополитомъ на Крутицы, а потомъ изъ Крутицъ на митрополію въ великій Новгородъ. Въ Сибири же на престолѣ преосвященный Кипріанъ былъ, по словамъ лѣтописца, «лѣта два, и мѣсяцевъ пять, и дней пять». Того же 1624 г., 1-го апрѣля, на мѣсто Кипріана пріѣхалъ въ Тобольскъ архіепископъ *Макарій*, управлявшій сибирскою епархіей до 24 іюля 1635 года. Время дѣятельности архіепископа Макарія отнесено нами уже къ слѣдующему второму періоду сибирской исторіи (1624 – 1668 г.), къ которому мы и переходимъ сейчасъ.

ГЛАВА IV. Б) ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ (1624—1668 г.).

Вторая ревизія въ Сибири въ 1623—1625 г. Возобновленіе г. Нелыма въ 1623 г. Построеніе Красноярскаго острога въ 1627 г. Учрежденіе въ 1629 г. томскаго воеводства. Третья ревизія въ Сибири въ 1633 г. Переселеніе въ Тару на службу 300 человѣкъ вологжанъ и нижегородцевъ съ женами и дѣтьми въ 1639 г. и учрежденіе якутскаго воеводства. Пожаръ Тобольска въ 1643 г. и возобновленіе его въ 1646 г. Присяга сиб. городовъ царю Алексѣю Михайловичу 14 іюля 1645 г. Ревизія въ г. Мангазеѣ въ 1647 г. Учрежденіе Илимскаго воеводства въ 1649 г. Воеводы въ Тобольскѣ и Тюмени (съ 1652—1656 г.). Отправленіе въ Даурію для построенія Нерчинска и другихъ остроговъ *Ас. Пашкова* въ 1656 г., а потомъ Ларіона *Талбузина* и Дан. *Аршинскаго* въ 1660 г. Пожаръ въ Тобольскѣ 1658 г. Воеводы въ Тюмени и Тобольскѣ съ 1659—1664 г. Полученіе въ Тобольскѣ мѣдныхъ денегъ для торговли въ 1659 г. Прибытіе нѣмецкихъ полковниковъ и другихъ чиновъ для обученія собранныхъ изъ сибирскихъ городовъ людей рейтарскому и солдатскому артикулу для войны съ башкирами и царевичемъ сибирскимъ съ 1661 по 1667 годъ. По-

жаръ Тобольска въ 1662 г. и построеніе новаго острога на горѣ въ 1664 г. О воеводахъ въ Томскѣ, Якутскѣ, Илимскѣ, Тюмени, Тобольскѣ. Дороговизна хлѣба въ Тобольскѣ въ 1662 г. Конецъ второго періода по гражданской исторіи.

Второй періодъ сибирской исторіи по нашей лѣтописи, какъ и первый, не особенно богатъ событіями, хотя и встрѣчается здѣсь сравнительно большее число церковно-историческихъ фактовъ, чѣмъ въ первомъ періодѣ. Перечислимъ сначала факты, относящіеся къ гражданской исторіи Сибири, оставляя, какъ и ранѣе, подробности воеводскихъ списковъ. При 15-мъ воеводѣ сибирскомъ Юріѣ Яниссевичѣ *Суленцевѣ* (1623—1625 г.) снова былъ въ Тобольскѣ сыщикъ, Иванъ Володимировъ сынъ *Спасителевъ* съ товарищи; сыскивалъ про сидѣнья боярина Матвея Михайловича *Годунова*. При этомъ же воеводѣ пелымскими, тюменскими и верхотурскими служилыми людьми вновь отстроенъ въ 1623 году (погорѣвшій въ 1621 г.) городъ Пелымъ. Въ 1627 г., при 17 воеводѣ тобольскомъ, кн. *Хованскомъ*, построенъ красноярскій острогъ московскимъ воеводою, Андреемъ *Дубенскимъ*, съ ратными людьми. Въ 1629 году, при 18 воеводѣ тобольскомъ, кн. Алексѣѣ Никитичѣ *Трубецкомъ* (1628—1631), присланы съ Москвы въ Томскъ воеводы, кн. *П. И. Пронской*, да Алексѣй Степановичъ *Собакинъ*, дьякъ Баженъ *Стефановъ*, письменные головы: Иванъ Кириловъ сынъ *Аларевъ*, да Никита Васильевичъ сынъ *Каютыревъ*. По указу великаго государя, велѣно имъ «въ Томску быть и вѣдать особымъ столомъ и розрядомъ Томского розряду городы: Нарымъ, Кецкой, Кузнецкой, да Красноярской, да Енисейской остроги» (стр. 207).

Въ 1633 году, при 20 воеводѣ тобольскомъ, князѣ Андреѣ *Голицынѣ* (1633—1635 г.), была въ Тобольскѣ третья ревизія по нашей лѣтописи. Сыщики: Ѳедоръ Ивановъ сынъ Волціонъ *Голенищевъ*, да Петръ Исаковъ сынъ *Патракѣевъ*, сыскивали про сидѣнье въ Сибири въ Тобольску «про воеводу про князя Ѳедора Андреевича *Телятовскаго* съ товарищи», управлявшихъ тобольскимъ воеводствомъ съ 1631—1633 г. При татарскихъ воеводахъ, кн. Ѳедорѣ *Барятинскомъ* и Григоріѣ *Каютыревѣ*, во время управленія тобольскимъ воеводствомъ кн. Павла Ивановича *Пронскаго* (1639—1643 г.), въ 1639 г., по указу Государя, «сведены на Тару на вѣчное житье вологжанъ и нижегородцевъ разныхъ чиновъ служилыхъ людей 300 человѣкъ, съ женами и съ дѣтьми. Велѣно имъ въ Сибири на Тарѣ службу служить въ конныхъ и пѣшихъ казакахъ въ равенство Тар-

скаго города служилыми людьми съ 147 году» (т. е. съ 1639 г.). Въ томъ же 1639 году посланъ былъ, по указу великаго Государя, «съ Москвы въ Сибирь на великую рѣку *Лену* въ *Якутцкой* острогъ съ ихъ государскимъ особымъ указомъ и столомъ стольникъ и воеводы: Петръ Петровичъ *Головинъ*, да Матѳей Богдановъ сынъ *Глѣбовъ*, дьякъ Ефимѣй *Филатовъ*, письменныя головы: Еналей Леонтіевъ сынъ *Бехтеяровъ*, да Василій Даниловъ сынъ *Поярковъ*». Въ имѣющихся у насъ подлинныхъ грамотахъ, отпискахъ, челобитныхъ и проч. (числомъ 45) съ 1638—1641 г., принадлежащихъ этимъ первымъ воеводамъ якутскимъ, ни однимъ словомъ не упоминается о *Бехтеяровѣ* и *Поярковѣ*: нѣтъ также о нихъ никакого упоминанія и въ исторіи Фишера. Вѣроятно, они или совсѣмъ не принимали никакого участія въ управленіи дѣлами якутскаго воеводства или же получили въ то время (съ 1639 г.) какое либо другое назначеніе, помимо Якутска[1]). Съ имѣющимися у насъ дѣлами за время первыхъ якутскихъ воеводъ мы не замедлимъ со временемъ познакомить читателей и, если будетъ возможно, даже издать ихъ въ свѣтъ, какъ въ высшей степени цѣнный и интересный исторический матеріалъ для исторіи восточной Сибири. При 23-мъ воеводѣ тобольскомъ, князѣ Григоріѣ Семеновичѣ *Куракинѣ* (1643—1646 г.), 14 августа, 1643 г., въ 3 часу ночи, «сгорѣлъ въ Тобольскѣ первый городъ и на горѣ посадъ весь безо всякого остатку. И послѣ того пожарнаго разворенія построенъ», по словамъ лѣтописца, «на томъ же погорѣломъ мѣстѣ въ Тобольску на горѣ новый городъ; а совершенъ», т. е. оконченъ, «въ 154—1646 году великихъ чиновъ людьми, тобольскими жители, вскорѣ». Въ 1645 г. іюля 14 го, пріѣзжалъ въ Сибирь, въ Тоболескъ, приводить къ крестному цѣлованію за великого Государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, воевода и весь народъ града Тобольска и иныхъ сибирскихъ городовъ стольникъ, князь Иванъ Григорьевичъ *Ромодановскій*, да подъячій Степанъ *Корьмкинъ*. Въ 1647 году, при мангазейскомъ воеводѣ *П. Ухтомскомъ*, посланы были, по указу великаго Государя и по грамотѣ, изъ Тобольска въ Мангазею для сыскныхъ дѣлъ про воеводъ письменной голова Андрей *Сыкъринъ*, да съ нимъ подьячей Яковъ *Ивановъ*. Воевода *Ухтом-*

[1]) Въ книгѣ *А. А. Іокина* «*Новыя данныя къ исторіи Восточной Сибири XVII в.*» есть указанія на то, что *В. Д. Поярковъ*, вмѣстѣ съ атаманомъ *Осипомъ Галкинымъ*, управлялъ Якутскимъ острогомъ до прихода туда первыхъ якутскихъ воеводъ, т. е. посланъ былъ ими впередъ, пока они еще устраивали дѣла свои въ Енисейскѣ (см. стр. 3, 104, 189 и др.). О *Бехтеяровѣ* же и въ этой книгѣ ничего не сказано.
Ред. А. Лиьковъ.

ской и сыщикъ Андрей *Сыкьринъ* умерли въ Мангазеѣ, а по челобитью мангазейскихъ всѣхъ чиновъ людей, до указу великого Государя вѣдалъ дѣлами подьячей Яковъ *Ивановъ*. Подъ 1649 годомъ въ первый разъ упоминается городъ Илимскъ съ воеводою Тимофеемъ *Шушеринымъ*, начало которому по Фишеру (кн. 3, § 19) положено атаманомъ *Иваномъ Галкинымъ* еще въ 1630 г., во время похода его на р. Илимъ, Лену и другія сосѣднія рѣки, для покоренія живущихъ тамъ инородцевъ. Въ 1654 г., при тобольскомъ воеводѣ, кн. Василѣ Ивановичѣ *Хилковѣ* (1652—1656 г.), въ Тюмень, на мѣсто воеводы Ивана *Вершина*, присланъ изъ Тобольска письменный голова Никифоръ *Елдезинъ*, а воеводѣ Ивану *Вершину*, говоритъ лѣтописецъ, «по челобитью тюменскихъ градскихъ людей, на воеводствѣ быть не велѣно до указу великаго Государя и розыску». Въ 1656 году, по словамъ лѣтописца, указалъ великій Государь Енисейскому воеводѣ *Аѳанасію Пашкову* ѣхать съ ратными людьми воеводою изъ Енисейска, а въ товарищахъ съ нимъ сынъ его *Еремѣй* Аѳанасіевичъ сынъ *Пашковъ*,, для поставленія въ Даурской землѣ новыхъ остроговъ, Нерчинска и иныхъ остроговъ, и для разсмотрѣнія тамошнихъ иноземцевъ и увѣренія. И были (т. е. Пашковы) въ даурскихъ острогахъ по 170-й годъ» (т. е. 1662 г.). Черезъ четыре года по отправкѣ Пашковыхъ (т. е. въ 1660 г.), въ даурскіе остроги, въ Нерчинскъ съ товарищи, посланъ былъ тобольской сынъ боярскій, Ларіонъ *Толбузинъ*, а на его мѣсто въ 1668 году присланъ тобольскій же сынъ боярскій Данило *Аршинскій*. Всѣ эти, столь краткія свѣдѣнія объ интереснѣйшей эпохѣ русскихъ завоеваній на крайнемъ востокѣ и за Байкаломъ, эпохѣ перваго знакомства русскихъ съ Амуромъ и самаго оживленнаго интереса къ нему, показываютъ, до какой степени авторъ нашей лѣтописи скупъ на слова и до чрезвычайности кратокъ въ изложеніи самыхъ интереснѣйшихъ событій прошлаго. Въ 1658 г., при 27 воеводѣ Тобольскомъ, князѣ Алексѣѣ Ивановичѣ *Буйносовѣ Ростовскомъ* (1656—1659), былъ въ Тобольскѣ, 6 ноября ночью, второй—по нашей лѣтописи, пожаръ подъ горою; сгорѣло русскихъ дворовъ и татарскихъ юртъ 265. Въ 1659 г. тюменскій воевода Иванъ *Вершинъ* снова смѣненъ, по челобитью тюменскихъ градскихъ людей, и на его мѣсто присланъ изъ Тобольска сынъ боярскій Алексѣй *Новгородовъ*. Въ томъ же 1659 году, при воеводѣ кн. Иванѣ Андреевичѣ *Хилковѣ* (съ 9 мая 1659—1664 г.), «по указу Государя присланы съ Москвы въ Тобольскъ и во всѣ сибирскіе городы Государ-

скіе мѣдные деньги и велѣно торговать ими. И торговали, говоритъ лѣтописецъ, тѣми мѣдными деньгами въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ по 171 г., м. іюля по первое число» (1663 г. до 1-го іюля). Въ 1661 г., по указу Государя, «присланы въ Сибирь въ Тоболескъ съ Москвы нѣмцы полковники и подполковники и масоры и ротмистры и поручики. Прибраны были въ Тобольску: рейтаръ 1000 человѣкъ, да солдатъ 1000 человѣкъ, стрѣльцовъ 700 человѣкъ. А браны въ рейтарской строй изъ тобольскихъ и тобольского разряду изъ городовъ: съ Тюмени, съ Тары, изъ Туринска, Верхотурья, съ Нелыми и изъ Сургута, изъ дѣтей боярскихъ, и изъ конныхъ казаковъ, и ихъ братья, и дѣти, и племянники, въ рейтары и въ начальныя люди, а въ солдатцкой строй стрѣльцы и пѣшіи казаки, и ихъ дѣти, и братья, и племянники, и изъ гуляющихъ людей въ солдаты (т. е. брали). И были въ Тобольску учены (всѣ новобранцы) рейтарскому и солдатцкому артикулу и съ полковникомъ Димитріемъ Ильичемъ *Полуехтовымъ* и съ начальными людьми тѣ новоприборные рейтаре и солдаты тобольского уѣзду въ слободахъ бились съ измѣнники башкирцы и съ царевичемъ Сибирскимъ съ товарищи по 175 (1667) годъ» (стр. 293). Упоминаемый здѣсь царевичъ Сибирскій былъ Давлетъ-Гирей или кто либо другой изъ кочевавшихъ въ то время на границахъ Сибири съ Калмыками и Башкирами внуковъ Кучумовыхъ (см. Фишера кн. 4). Въ томъ же 1664 году построенъ въ Тобольскѣ на горѣ кругомъ всего посада новый острогъ; а въ 1662 году былъ хлѣбъ дорогъ въ Тобольскѣ: «четверть ржи въ 20 пудъ покупали по 20 рублей на мѣдныя и на серебряныя деньги». Кромѣ того, въ этомъ же (1662) году былъ пожаръ подъ горою: сгорѣла Богоявленская церковь и у многихъ русскихъ людей дворы, и торги, и мостъ, и татарскіе юрты всѣ до одной выгорѣли». Это уже третій пожаръ въ Тобольскѣ по нашей лѣтописи. Около этого же времени (1659—1664 г.) въ Томскѣ, на мѣсто умершаго воеводы Ивана *Бутурлина*, по челобитью томскихъ всѣхъ чиновъ людей, взятъ до государскаго указу изъ Кецкаго острога воевода Данило Ивановъ сынъ *Хрущовъ*, а на великой рѣкѣ Ленѣ въ Якутскѣ, воевода Иванъ Ѳедоровъ сынъ *Большой Голенищевъ-Кутузовъ*[1]), да дьякъ Иванъ *Бородинъ*, по «челобитью кайгородцовъ въ подводахъ и въ изгоняхъ, изъ Якутского взяты вскорѣ къ Москвѣ». Въ 1665 году, при 29 воеводѣ тобольскомъ, кн. Алексѣѣ Андреевичѣ *Голицынѣ* (1664—

[1]) Про Ив. Ѳед. Вольшого Голенищева-Кутузова см. въ книгѣ «*Новыя данныя къ исторіи В. Сибири XVII в.*», стр. 104—108 и др.
А. Лопьковъ.

1667 г.), въ Илимскѣ воевода Лаврентій Андреевичъ *Обуховъ* убитъ былъ отъ градскихъ воровскихъ людей, отъ Никифорка *Черниговскаго*[2]) съ товарищи, а на его мѣсто присланъ былъ изъ Тобольска сынъ боярской Алексѣй *Ростопчевъ*. 30-мъ воеводою въ Тобольскѣ былъ съ 1667 года П. Ивановъ Годуновъ. При немъ тюменскому воеводѣ Ивану *Людынину* по челобитью тюменцовъ въ 1668 году до указу отказано было отъ воеводства. При Годуновѣ съ 1668 г. учреждена была и сибирская митрополія, такъ что этимъ воеводою заканчивается второй (44-хлѣтній) періодъ гражданской исторіи Сибири по нашей лѣтописи. Послѣ воеводы *П. Годунова* (30-го по счету) у автора нашей лѣтописи уже не ведется болѣе счета тобольскимъ воеводамъ на поляхъ рукописи, только противъ Алексѣя Андреевича *Голицына* (съ 31 декабря 1681 по 1684 г.) еще разъ поставлено: «зри въ Тобольскѣ 40 воевода».

ГЛАВА V.

Церковно-историческія событія за второй періодъ Объ архіепископахъ *Макаріи* (1624—1635) и *Нектаріи* (1636—1640). Явленіе Абалакской иконы Божіей Матери въ 1636 г. Архіеп. *Герасимъ* (1641—1650) и построеніе при немъ въ Тобольскѣ деревяннаго Софійскаго собора Архіеп. *Семіонъ* (1651—1664 г.) и его удаленіе изъ Сибири. Архіепископъ, а потомъ (съ 1668 г.) митрополитъ сибирскій *Корнилій*; поставленіе его въ митрополита и прибытіе въ Тобольскъ.

Переходимъ къ изложенію церковно-историческихъ событій за второй періодъ сибирской исторіи (1624-1668) по нашей лѣтописи. Этотъ періодъ обнимаетъ собою время слѣдующихъ архіепископовъ сибирскихъ: *Макарія* (1624-1635), *Нектарія* (1636-1640), *Герасима* (1641 г. 1 янв.-1650), *Симсона* (1651-1664) и отчасти *Корнилія* (1664-1668). Начнемъ съ Макарія. Объ этомъ архіепископѣ мы узнаемъ изъ нашей лѣтописи только слѣдующее: «въ 1628 г., 18 сентября, онъ получилъ грамоту отъ великаго Государя и отъ св. Филарета Никитича, патріарха московскаго и всея Россіи», «велѣно было въ грамотѣ той архіепископу молебная пѣти по вся дни недѣли со звономъ». Въ 1635 г. Архіепископъ *Макарій* умеръ, а въ слѣдующемъ 1636-мъ году погребенъ, насъ церковь Божію въ Сибири въ Тобольску 11 лѣтъ и мѣсяца три и дней 24. На 203-204 стр. нашей лѣтописи сказано еще про Макарія, будто онъ 5-го февраля 1624 г., по указу великаго Государя и по грамотѣ, ѣздилъ изъ Тобольска къ Москвѣ и обратно возратился въ

[2]) Про Никиф. *Черниговскаго* и его сыновей см тамъ же, стр. 64.

Тобольскъ того-же 1624 г., 1-го апрѣля. Съ этимъ нельзя согласиться уже по одному тому, что 5 февраля 1624 г. только выѣхалъ изъ Тобольска еще архіеп. *Кипріанъ*, какъ сказано объ этомъ выше въ той-же лѣтописи (стр. 201), а 1-го апрѣля того же года самъ Макарій только прибылъ еще на свою каѳедру въ Тобольскъ и потому не могъ ѣздить въ то время (т. е до своего прибытія на каѳедру) изъ Тобольска въ Москву, а если и ѣздилъ, то значитъ въ другое время. Очевидно, что года въ этомъ мѣстѣ лѣтописи выставлены авторомъ ошибочно. При преемникѣ Макарія, архіепископѣ *Нектаріи* (съ 1 апр. 1636 г.), въ 1636 г., 25 число іюля, явилась въ Тобольскѣ нѣкоей женѣ Пресвятая Богородица съ Николаемъ Чудотворцемъ и преподобной Маріей Египетской, повелѣвая ей объявить архіепископу, воеводамъ и всѣмъ христолюбивымъ людямъ, чтобы они во имя ея святое, «честнаго славнаго ея знаменія, иже въ великомъ Новѣ-городѣ», въ селѣ Абалакѣ воздвигнули другую церковь возлѣ церкви Преображенія Господня. Церковь въ селѣ Абалакѣ, во имя Пресвятой Богородицы, согласно ея повелѣнію, была построена, написанъ былъ вскорѣ образъ Богоматери и поставленъ въ вновь построенной церкви. «И бысть», говоритъ лѣтописецъ, «въ то время отъ образа иконы ея пресвятыя Богородицы многая чудеса и до сего дни. Итако уставися празднество Ея праздновати» (стр. 210). Въ 1640 г., января 7-го, архіепископъ *Нектарій* поѣхалъ изъ Тобольска къ Москвѣ и на Москвѣ сшелъ съ подворья по своему обѣщанію въ монастырь, «оставя сибирскія церкви митрополію». Преемникомъ архіеп. Нектарія былъ архіепископъ *Герасимъ*, съ 1 января 1641 г. по 1650 г. При этомъ архіепископѣ, 24 мая 1646 года, заложена въ Тобольскѣ послѣ пожарнаго разоренія, 14 августа 1643 года, соборная церковь Софіи премудрости слова Божія, деревянная о тринадцати главахъ. Окончена и освящена была эта церковь архіепископомъ Герасимомъ въ 1649 году, въ слѣдующемъ же 1650 году архіепископъ скончался въ Тобольскѣ. «Держалъ престолъ», говоритъ про него лѣтописецъ, «и насъ церковь Божію въ Сибири въ Тобольску лѣтъ 9». На мѣсто Герасима пріѣхалъ въ Тобольскъ, 20 декабря 1651 года, архіепископъ *Симонъ*, взятый изъ Боровскаго Пафнутьева монастыря, гдѣ былъ онъ игуменомъ. «При семъ преосвященномъ *Симонѣ*», говоритъ лѣтописецъ, «архіепископѣ сибирскомъ и тобольскомъ, по указу великаго государя и патріарха, посвященъ въ Тобольску, въ Знаменскомъ монастырѣ, архимандритъ бѣлою шапкою въ 160 году (т. е.

1651) и впредь будущимъ по немъ архимандритомъ (что? не сказано). Да въ Тобольску якъ посвятилъ къ церквамъ протопоповъ: къ старому собору Вознесенія Господня, въ Успенской Дѣвичь монастырь, да въ Томской, да въ Енисейской, на Верхотурье протопоповъ же». 22-го января 1654 г., архіеп. *Симеонъ* ѣздилъ, по грамотѣ великаго Государя, въ Москву и возвратился оттуда въ Тобольскъ 25-го декабря, того же 1654 года. Съ 25-го декабря 1657 года по 25-е же декабря 1658 г. «по указу св. патріарха *Никона* Московскаго и всея Россіи и по грамотѣ былъ въ запрещеніи *Симеонъ* архіепископъ: не велѣно ему служити божественныя литургіи». «1659 г., 23 мая вечеромъ, погорѣлъ въ Тобольскѣ отъ молніи Знаменскій монастырь. Въ 1664 году, 16 февраля, «на Москвѣ сшелъ безвѣстно съ вологодскаго подворья *Симеонъ*, архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, а февраля 19-го объявился за Яузою въ Божедомовскомъ (по Черен. лѣт. у Божедомовскомъ) монастырѣ на обѣщаніи. На мѣсто самовольно удалившагося изъ епархіи архіеп. *Симеона* поставленъ былъ сибирскимъ архіепископомъ, 24-го іюля 1664 года, *Корнилій*, бывшій въ великомъ Новгородѣ архимандритомъ Хутынскаго монастыря, въ Тобольскъ на епархію прибылъ 24-го февраля 1665 года. Въ 1668 году, по указу великаго Государя и по грамотѣ, архіепископъ Корнилій поѣхалъ изъ Тобольска въ Москву, гдѣ 25 мая того же 1668 г. «по указу Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и за благословеніемъ всесвятѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ и святѣйшаго Іоасафа (по Черен. лѣт. Іосифа), патріарха московскаго и всея Россіи, и всего освященнаго собора избраніемъ, преосвященный архіепископъ Корнилій посвященъ въ митрополиты, первопрестольникомъ въ царство сибирское, въ Богоспасаемый градъ Тобольскъ», куда и пріѣхалъ 20-го декабря, того же 1668 года Разсказомъ объ учрежденіи митрополіи въ Сибири оканчиваемъ второй періодъ сибирской исторіи и переходимъ къ третьему и послѣднему періоду по нашей лѣтописи.

ГЛАВА VI. В) ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ (1668—1707 г.)

Четвертая ревизія въ Сибири въ 1669 г. Прибытіе въ Сибирь думнаго дворянина Як. То. *Хитрово* для пріисканія серебряной руды на Уралѣ и на р. Синарѣ; результаты поисковъ. О заслугахъ Як. *Шульгина* и награжденіи его отъ Государей въ 1682 г. О Томскихъ воеводахъ 1671 г. О смерти царя Алексѣя Михайловича 30 янв. 1676 г. и восшествіи на престолъ Ѳедора Алексѣевича:

присяга ему сибирскихъ городовъ. Прибытіе въ Тобольскъ изъ Китая Николая *Спаварія* въ 1677 году. Пожары г. Тобольска въ 1677 г., 1678 и 1680 г. Отправленіе въ Томскъ Ив. Большого *Суворова* съ ратными людьми противъ киргизъ, кн. Еренчака съ товарищи, и результаты сего отправленія. О воеводахъ въ Иркутскѣ, Нерчинскѣ и Албазинѣ. О смерти царя Ѳедора Алексѣевича 27 апр. 1682 г., восшествіи на престолъ и вѣнчаніи на царство Іоанна и Петра Алексѣевичей; присяга имъ во всѣхъ городахъ, ямахъ и слободахъ. Первая перепись въ Сибири съ 1680—1683 г., исполненная *Поскочинымъ*, *Дурново* и *Михалевскимъ*. О воеводахъ въ Березовѣ, Якутскѣ и Енисейскѣ. Пріѣздъ въ Тобольскъ стольника В. *Бахметова* съ похвальною грамотою боярину кн. *Голицыну* А. въ 1683 г. и отъѣздъ *Голицына* изъ Тоб. въ 1684 г. Наборъ 600 человѣкъ казаковъ въ Тоб. уѣздѣ и отправленіе ихъ въ Енисейскъ, а потомъ въ Дауры, въ Нерчинскъ съ товарищи и въ Албазинъ съ Ао. *Бейтономъ* въ 1684 г; ограбленіе сими казаками на дощаникахъ по рр. Иртышу и Оби имущества у воеводъ Римскаго *Корсакова* и кн. Ив. *Гагарина*. Проѣздъ чрезъ Тобольскъ двухъ плѣнныхъ изъ Китая въ Москву въ подзывными листами. Мангазейскіе воеводы. Разореніе китайцами Албазина и взятіе въ плѣнъ русскихъ въ 1685 г. Возобновленіе Албазина воеводою А. *Толбузинымъ* и вторичная осада его китайцами въ 1686 г. Назначеніе въ Тобольскъ воеводою А. П. *Головина* (1686—1690 г.) Измѣненіе характера лѣтописи съ этого времени и сравнительное богатство матеріала ея за время послѣднихъ тобольскихъ воеводъ: *Головина*, *Салтыковыхъ* (1690—1692)., *Нарышкиныхъ* (1693 – 1698) и кн. *Черкасскаго* (1698—1707 г.).

Третій періодъ по нашей лѣтописи, обнимающій собою только 39 лѣтъ (съ 1668-1707), богаче событіями какъ по гражданской, такъ и по церковной исторіи Сибири, чѣмъ два первые періода, вмѣстѣ взятые. Изложимъ сначала, какъ и ранѣе, событія по гражданской исторіи за этотъ періодъ времени (оставляя, конечно, подробности воеводскихъ списковъ), а потомъ уже церковныя событія. Съ 17-го сентября 1669 года были въ Тобольскѣ: сыщикъ и воевода Андрей Павловъ сынъ *Акинфовъ* и дьякъ Иванъ *Давыдовъ*, сыскивали простолынника и воеводу *П. И. Годунова* «про его въ Тобольску сидѣніе». Въ 1671 г., при воеводѣ кн. *Ив. Б. Рыпнинѣ* (1670-1673) построенъ въ Тобольскѣ на «софѣйской звозъ мостъ и лѣстница.» Въ слѣдующемъ 1672 году «по указу великаго Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, присланъ съ Москвы въ Сибирь думный дворянинъ, Яковъ Тимофеевичъ *Хитрой*, а съ нимъ въ товарищахъ сынъ его Венедиктъ Хитрово, да съ приписью подъячей Еремей *Полянской*, на Уральскіе горы и на Синару речку для пріиску серебреной руды. И къ нему по-

сланы были изъ Тобольску и тобольскаго розряду городовъ ратные люди со всею ратною службою и для работы и подводъ пашенные крестьяне. И на тѣхъ Уральскихъ горахъ построенъ былъ городъ со всякимъ строеніемъ и былъ въ Сибири по 1674 годъ. А на тѣхъ горахъ, говоритъ лѣтописецъ, серебреной руды не нашлось и дворянину Якову Тимоѳееву съ товарищи, по Государскому указу, велѣно ѣхать изъ Сибири къ Москвѣ, изъ сибирскихъ городовъ ратныхъ людей и крестьянъ распустить, а городъ на Уральскихъ горахъ сжечь со всѣмъ строеніемъ» (стр. 228). Съ того же 1672 года въ Березовѣ управлялъ воеводствомъ Тобольскій сынъ боярскій, Яковъ Григорьевичъ *Шульгинъ*. Отъ сына этого Шульгина, Ѳедора, въ ризницѣ тобольскаго каѳедральнаго собора сохранился большой (вѣсомъ 3 ф.) серебряный, внутри вызолоченный, ковшъ, съ вырѣзанною на немъ надписью: «Божіею милостію великіе Государи Цари и великіе князья Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцы пожаловали симъ ковшомъ *Ѳедора Іаковлевича Шульгина*, за службу отца его, что, будучи отецъ его на Березовѣ, въ ясашномъ сборѣ учинилъ большую прибыль, 190 (1682) года, іюля въ 17 день. (Тоб. Епарх. Вѣд. 1883 г. стр. 207).- Въ 1671 году, по челобитью томскихъ служилыхъ людей всѣхъ чиновъ стольнику Никитѣ *Вельтинову* быть на воеводствѣ не велѣно, а вмѣсто него присланъ изъ Нарыма воевода Иванъ *Монастыревъ* (стр. 299). Въ 1676 г., января 30-го, въ 4 часу ночи, при Тобольскомъ воеводѣ *П. М. Салтыковѣ* (1673-1676 г.), «судомъ праведнаго Бога», говоритъ лѣтописецъ, «благочестиваго великаго Государя Царя и великаго князя *Алексѣя Михайловича*, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи сомодержца, не стало: оставя земное царство, отыде въ вѣчное блаженство небеснаго царствія. А великаго россійскаго царствія, скипетръ отца своего, воспріятъ сынъ его, великаго Государя Царя, великій Государь Царь и великій князь *Ѳедоръ Алексѣевичъ* всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ. Въ Тобольскъ и во всѣ сибирскіе города пріѣзжалъ съ Москвы съ вѣрою стольникъ Тимоѳей Аоанасьевичъ *Козловскій* и съ нимъ подъячей Андрей *Богдановъ* въ томъ же 1676 году, февраля 29-го. Въ Сибирскіе же понизовые города, «въ Енисейскъ съ товарищи,» велѣно было послать письменныхъ головъ и тобольскихъ сыновъ боярскихъ «съ вѣрою противъ чиновниковъ» (стр.230). Въ 1677 году, при воеводѣ *П. В. Большомъ Шереметьевѣ* (съ 9 апрѣля 1676-

1678), пріѣхалъ въ Тобольскъ изъ Китайскаго царства посланой *Николай Гавриловичъ Спафарій* съ товарищи, который посланъ былъ по указу великаго Государя съ Москвы въ Китайское царство съ Государскою казною въ 183 (1675) году». Изъ Тобольска послано было съ нимъ (Спафаріемъ): «дѣтей боярскихъ 6 человѣкъ, конныхъ козаковъ 30 человѣкъ и 6 человѣкъ для промыслу кречатовъ». Въ томъ же 1677 году, 29 мая, въ вторникъ, «въ 3 часу дни, непзреченнымъ судомъ Божіимъ, отъ молніи подъ горою въ Знаменскомъ монастырѣ, въ Тобольску, сгорѣли три церкви, а въ тожъ время и часъ отъ молніи и громнаго зажженія сгорѣли на горѣ четыре церкви, да церковь же соборная и софейской дворъ весь безъ остатку, и городъ, и приказная палата, и гостинъ дворъ, и боярской и на посадскомъ у жилецкихъ людей дворовъ съ пятьсотъ и больши» (стр. 232). Это пятый уже общій пожаръ Тобольска, по нашей лѣтописи. При слѣдующемъ воеводѣ *П. В. Меньшомъ Шереметьевѣ* (съ 1678-1680) построенъ въ Тобольскѣ въ 1678 г. (послѣ бывшаго въ предшествующемъ году пожара) на горѣ на прежнемъ мѣстѣ новый деревянный рубленый городъ, «передъ прежнимъ съ прибывкою». Въ томъ же 1678 г., въ маѣ и іюлѣ «на горѣ, на посадѣ отъ воровъ зажигальщиковъ выгорѣло дворовъ ста три и больши, по Дѣвичь монастырь.» Это шестой общій пожаръ города Тобольска. 7 августа 1680 г., въ 8 часу дня, при воеводѣ *Алексѣѣ Семеновичѣ Шепинѣ* (съ 6-го апрѣля 1680 г. по 30-е декабря 1681 г.), снова былъ въ Тобольскѣ, уже седьмой, пожаръ. «Загорѣлся», по словамъ лѣтописца, «подъ горою, у софейскаго звозу, у посадскаго человѣка дворъ. И отъ того двора погорѣло Богоявленская церковь и ряды и мостъ, и колокольня и русскихъ дворовъ сотъ съ пять сгорѣло, и татарскія юрты всѣ безъ остатку». И отъ того пожару сгорѣлъ городъ на горѣ со всѣмъ строеніемъ (2 года назадъ тому, 1678 г., только построенный) и Вознесенская церковь, и приказная палата, и боярской дворъ и на проѣзжей башнѣ часы и церковь Живоначальной Троицы, да подъ горою въ амбарехъ сгорѣло хлѣба и иныхъ запасовъ много» (стр. 235). «Въ слѣдующемъ 1681 году по городовой погорѣлой стѣнѣ поставили острогъ съ тарасы и построены 3 башни да въ стѣнахъ на старомъ мѣстѣ Вознесенскую Церковь и приказную палату и боярской дворъ. Въ этомъ же году, по указу великаго Государя и по грамотѣ, посланъ изъ Тобольска, трезъ Тару степью, въ Томскъ на измѣнниковъ киргизъ, на княжца *Ерепчака*

съ товарищи, полковымъ воеводою письменный голова Иванъ Ѳедоровъ сынъ *Большой Суворовъ* съ ратными людьми, а ратныхъ людей съ нимъ послано: тобольскихъ дѣтей боярскихъ и конныхъ казаковъ и служилыхъ людей, татаръ 400 человѣкъ. Да къ тѣмъ въ прибавку велѣно взять тарскихъ, томскихъ, кузнецкихъ, красноярскихъ, русскихъ служилыхъ людей и татаръ, сколько человѣкъ пристойно. И велѣно ему съ тѣми съ ратными людьми изъ Томска идти въ степи на измѣнниковъ киргизъ, на князца *Еренчака* съ товарищи, и велѣно ему чинить надъ ними поискъ сколько милосердый Богъ помощи подастъ. А въ Томску велѣно ему Ивану *Суворову*, съ товарищи, быть съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ *Мосальскимъ Кольцовымъ* (тогданнимъ воеводою томскимъ) у Государскихъ дѣлъ вѣдать до указу и въ Государской избѣ сидѣть». Далѣе, лѣтописецъ дѣлаетъ два слѣдующихъ замѣчанія: 1)«въ Тобольску изъ Томска, по указу великаго Государя и по грамотѣ, взяты тобольскіе и тарскіе ратные люди (должно быть тѣ, которые посланы были съ *Суворовымъ* въ 191 (1683) г. 2) А про ссоры (не сказано какія) и службу *Ив. Суворова* велѣно розыскать сыну боярскому Ѳедору *Шульгину* (тому самому, что за службу своего отца Якова удостоился получить серебряный ковшъ съ надписью, какъ сказано нами объ этомъ выше) въ Томску всѣхъ чиновъ людьми томскими жители и татары.» (стр. 236 на обор.) Подъ 1680 годомъ въ первый разъ въ нашей лѣтописи упоминаются воеводы слѣдующихъ городовъ Сибири: Иркутска (основаннаго въ 1652 г. *Ив. Похабовымъ*) и Селенгинска (основ. въ 1666 г.) Иванъ Евстафіевичъ *Власовъ*, Нерчинска (основ. въ 1654 г.) въ «даурахъ» стольникъ *Ѳ. Дан. Воейковъ* и въ Алибозинѣ сынъ его, Андрей *Воейковъ*. По лѣтописямъ города Иркутска (см. рукописи церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной Академіи № 128-й и 158-й) первый воевода въ Иркутскѣ *Ив. Власьевъ* назначенъ въ 1682, а не въ 1680 году (стр. 1 и 5). Подъ 1682 годомъ, при тобольскомъ воеводѣ князѣ Алексѣѣ Андреевичѣ *Голицынѣ* (съ 31 декабря 1681 по 1684 г.) слѣдующимъ образомъ описывается въ нашей лѣтописи смерть царя *Ѳедора Алексѣевича* и сопровождавшія ее обстоятельства: «А въ 190-мъ году, говоритъ лѣтописецъ, апрѣля въ 27 день, въ четвертокъ, въ 13 часу дни, судомъ праведнаго Бога, благочестивый великій Государь, царь и великій князь, *Ѳедоръ Алексѣевичъ*, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, остави земное царство, отъиде въ вѣчное блажен-

ство небеснаго царствія. И того же по волѣ всесильнаго въ Тройцѣ славимаго Бога, по общему совѣту и согласію, и по благоволенію и моленію великаго Господина, *св. Іоакима*, патріарха московскаго и всея Росіи, и всего освященнаго собора, и по многому прошенію московскаго царствія всѣхъ чиновъ людей и всего россійскаго государства, державство воспріяли обще братіе его Государскіе, великіе Государи и великіе князи, *Іоаннъ Алексѣевичъ*, *Петръ Алексѣевичъ*, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцы, въ 190 (1682) году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. А для того великаго воспріятія ихъ Государскаго дѣла, съ вѣрою присылань былъ въ Тобольскъ съ Москвы стольникъ, князь Иванъ, княжь Петровъ, сынъ *Львовъ* въ 190 (1682) году, іюля въ 21 день. Боярину и воеводамъ, князю Алексѣю Андреичу *Голицыну* съ товарищи, велѣно послать въ Томскъ, въ Енисейскъ, въ Туруханскъ и во всѣ сибирскіе города, въ слободы и уѣзды, для того земскаго дѣла съ вѣрою выборомъ тобольскихъ дѣтей боярскихъ». Далѣе перечисляются всѣ извѣстные тогда города сибирскіе (упоминаются даже и ямы, т. е. ямскія слободы) и показывается, кто именно изъ дѣтей боярскихъ и куда, въ какой городъ, посланъ былъ «съ вѣрою». «Посланнымъ даваны были», говоритъ лѣтописецъ, «великихъ государей грамоты и противъ Государскаго указу отписки, и наказныя памяти, и чиновныя книги и присяжныя записи». А царскими вѣнцы и діадимою великіе государи цари и великіе князи, *Іоаннъ Алексѣевичъ*, *Петръ Алексѣевичъ*, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцы, вѣнчалися въ московскомъ государствѣ во святѣй, соборной и апостольской церкви отъ руку *св. Іоакима*, патріарха московскаго и всея Росіи тогожъ 190(1682) году, іюня въ 25 день, въ недѣлю. «И въ той день, замѣчаетъ лѣтописецъ, праздновали Пресвятой Богородицы Владимирской (стр. 238—239). Въ 1680 году, по указу великаго государя, прислана съ Москвы во всѣ сибирскіе городы и остроги, въ слободы и въ села писцы, Левъ Мироновъ, сынъ *Поскочинъ*, велѣно ему писать въ Тобольску съ уѣздами, на Верхотурье въ Туринскомъ, въ Тарскихъ городѣхъ (sic) и въ уѣздѣхъ и тобольскаго розряду слободахъ и на ямѣхъ. «И былъ, по словамъ лѣтописи, въ Сибири писецъ Левъ *Поскочинъ* по 191 (1683) годъ». Въ Томскъ, въ Кузнецкъ, въ Нарымъ, въ Кецкой острогъ, въ Енисейскъ и въ Красноярскъ присланъ былъ писецъ Артемій Герасимовъ сынъ *Дурновъ*. а въ городѣ Тюмени съ уѣздами, по указу великихъ государей и по грамотѣ, писцомъ былъ тоболенинъ Василій

Михалевской (стр. 239 на обор.). По нашей лѣтописи это была первая (съ 1680—1683 г.) народная перепись въ Сибири, по лѣтописи-же города Иркутска (см. р-кп. муз. № 158-й) первою переписью въ Сибири называется перепись 1722 г., произведенная въ Иркутскѣ капитанами *Солнцовымъ* и *Съдаковымъ* и обнародованная по всей имперіи еще съ 1718 года. Съ 1681 по 1684 г. въ Березовѣ былъ воеводою Михайло Ивановичъ сынъ *Фанторъ* «нѣмчинъ родомъ», а на Ленѣ въ Якутскомъ «генералъ и воевода» Матоей Ос. *Кравковъ*. *Фанторъ* первый воевода въ Сибири изъ нѣмцевъ, а *Кравковъ*[1]) первый «генералъ и воевода» по нашей лѣтописи. Въ это же время (съ 1683 года) въ товарищахъ съ енисейскимъ воеводою *К. О. Щербатымъ* велѣно писаться въ Государскихъ дѣлахъ нерчинскому воеводѣ *Ив. Власову*, бывшему, по нашей лѣтописи, съ 1680 г. первымъ иркутскимъ воеводою. Въ 1683 году, по указу великихъ Государей, пріѣзжалъ съ Москвы въ Тоболескъ съ милостивымъ Государскимъ жалованнымъ словомъ и съ похвалою грамотою къ боярину и воеводѣ, кн. Алексѣю Андреевичу *Голицыну* съ товарищи и ко всѣмъ градскимъ людемъ стольникъ, Василій П. *Бахметовъ* (стр. 241.) Въ слѣдующемъ 1684 г. велѣно боярину и воеводѣ, кн. Алѣксѣю Андреевичу *Голицыну* изъ Тобольска ѣхать къ Москвѣ «на скоро, а в-Тобольскъ на мѣсто его въ томъ же году, пріѣхалъ воевода кн. *П. С. Прозоровскій*. Въ томъ же 1684 г. указали великіе Государи: въ Тобольскѣ, въ Тюмени, въ Турискѣ и Верхотурьѣ выбрать въ даурскую службу у служилыхъ людей дѣтей, братьевъ и племянниковъ 600 человѣкъ и послать ихъ изъ Тобольска въ дауры, въ Нерчинскъ и Албазинъ, тобольскими начальными людьми». Во исполненіе этого указа выбраны были «новоприборные козаки»: въ Тобольскѣ 400 человѣкъ, въ Тюмени 100, въ Верхотурь 170 и въ Турискѣ 30 человѣкъ и посланы съ начальными людьми, съ тобольскимъ сыномъ боярскимъ Борисомъ *Неприпасовымъ* съ товарищи изъ Тобольска въ Енисейскъ, въ полкъ къ боярину и воеводѣ *К. О. Щербатому*, а изъ Енисейска въ даурскіе остроги, въ Нерчинскъ съ товарищи съ Енисейскимъ сыномъ боярскимъ *Ав. Бейтоданомъ*. «Да изъ тѣхъ-же новоприборныхъ ратныхъ людей», замѣчаетъ лѣтописецъ, «съ заднихъ донцанковъ тюменцы, да верхотурцы, изъ Тобольска по дорогѣ, въ Иртышѣ и въ Оби рѣкахъ, пограбили у стольни-

[1]) *О М. Ос. Кравковъ* см. стр. 116—118 въ книгѣ: „*Новыя данныя къ исторіи В. Сибири XVII вѣка*“. *А. Линьковъ.*

ковъ и у воеводъ, у Дмитрія Степановича сына *Корсакова-Римскаго*. да у князя Ивана, княжъ Петрова, сына *Гагарина* животы ихъ и статки безо всякаго остатку въ 192 году (1684) въ разныхъ мѣсяцахъ и числѣхъ» (стр. 242). Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1684 года ѣхали мимо Тобольска къ великимъ Государемъ въ Москву два человѣка плѣнныхъ. Плѣнники эти были изъ числа тѣхъ 60-ти («и больше») русскихъ, которые въ 1683 году въ Даурахъ, на р. Азіи, будучи взяты въ плѣнъ китайцами, содержались въ китайскомъ государствѣ въ великихъ крѣпяхъ, за караулами. А эти два плѣнника, *Мишка* да *Ивашка*, отпущены, будто-бы, были изъ китайскаго государства въ Даурскіе остроги, въ Албазинъ съ товарищи, съ подзывнымъ листомъ, а листъ тотъ писанъ письмомъ русскимъ, рукою измѣнника *Ивашки Роспутина*. «И тѣ два плѣнника» (Мишка да Ивашка), говоритъ лѣтописецъ, «и съ листомъ изъ Тобольска отпущены къ великимъ Государемъ къ Москвѣ».—Въ Мангазеѣ за смертью воеводы *И. Ѳ. Полтева*, по челобитью градскихъ жителей, вѣдалъ дѣлами до перемѣны сынъ его, *Романъ Полтевъ*. Въ 1685 году «Китайскаго государства воинскіе люди многія», говоритъ лѣтописецъ, «пришли воинскимъ поведеніемъ подъ Албазинской острогъ и вокругъ Албазинской острогъ многолюдствомъ изъ пушекъ разорили, а воеводу *Алексѣя Толбузина* и всѣхъ служилыхъ людей съ женами и съ дѣтьми полонили и возили съ собою многіе дни. Воеводу потомъ и многихъ служилыхъ людей и градскихъ жителей, съ женами и съ дѣтьми, китайцы отпустили, а иныхъ съ собою въ китайское Государство взяли и государскую казну увезли всю съ собою въ Китайское царство». Въ томъ же 1685 году воевода Алексѣй *Толбузинъ*, собравшись въ Нерчинскъ съ вновь присланными ему на помощь ратными людьми, снова пошелъ изъ Нерчинска въ разоренный *Албазинскій* острогъ и на старомъ мѣстѣ построилъ новый деревянный рубленный городъ, осыпавъ его землею и укрѣпивъ разными крѣпостьми и строеніемъ отъ приходу богдайскихъ людей. Городъ отстроенъ былъ въ 1686 году и въ этомъ году снова пришли подъ него войною великимъ ополченіемъ Богдайскаго государства ратные люди съ большимъ убором и осадили его на крѣпко со всѣхъ четырехъ сторонъ. Всѣхъ русскихъ людей въ осажденномъ городѣ *Албазинѣ* засѣло 900 человѣкъ. —Въ 1686 году воевода *И. С. Прозоровскій* отозванъ былъ изъ Тобольска въ Москву, а на мѣсто его назначенъ Алексѣй Петровичъ *Головинъ*. По нашей лѣтописи не вид-

но, когда, именно, *Головинъ* пріѣхалъ въ Тобольскъ. Лѣтописецъ говоритъ сначала: «а въ 196(1688)году, марта въ 28 день, да по 198 (1690) годъ, февраля по 8-е число, были въ Тобольску: боярин и воевода А. П. *Головинъ*» и проч., а далѣе приводитъ указы еще съ 194 (1686) и 195(1687) годовъ, присланные изъ Москвы въ Тобольскъ на имя *А. П. Головина*. Такое разнорѣчіе лѣтописца можно объяснить развѣ тѣмъ, что *Головинъ*, дѣйствительно, не пріѣзжалъ въ Тобольскъ до 1688 года, а дѣлами воеводства за 1686 и 1687 г. управлялъ отъ его имени стольникъ, Борисъ Солиновъ *Засѣкинъ*, съ дьякомъ *Пароеновымъ*, или же (вѣрнѣе) просто опиской въ числѣ. Время воеводы *А. П. Головина* важно для насъ въ томъ отношеніи, что, начиная съ этого воеводы и до конца нашей лѣтописи, авторъ «*Описанія о поставленіи городовъ въ Сибири*» долженъ былъ продолжать самостоятельно свой трудъ и самъ лично собирать нужный ему матеріалъ для составленія лѣтописи. Если ранѣе до 1687 г. онъ имѣлъ возможность пользоваться и, быть можетъ, дѣйствительно пользовался записною книгою тобольскаго каѳедральнаго собора о сибирскихъ архіереяхъ и воеводахъ, доведенною только до 1687 г., то, начиная уже съ этого времени, онъ не имѣлъ подъ руками такого готоваго собраннаго матеріала, а долженъ былъ собирать его самъ. Потому всѣ нижеслѣдующія событія до конца лѣтописи мы имѣемъ полное право считать принадлежащими исключительно перу неизвѣстнаго автора разбираемой нами лѣтописи, и имъ самимъ собранными, а не заимствованными у другихъ, подобныхъ ему, лѣтописцовъ.—Итакъ, снова продолжаемъ, прерванное нами на время, изложеніе событій и фактовъ изъ гражданской исторіи Сибири за третій періодъ ея существованія по нашей лѣтописи. Сдѣлаемъ только здѣсь небольшое измѣненіе во внѣшнемъ порядкѣ изложенія событій, а именно: станемъ излагать ихъ уже по продолжительности времени правленія воеводъ тобольскихъ. Побудительной причиной къ этому является прежде всего сравнительное богатство историческаго матеріала въ этой послѣдней части лѣтописи, обиліе историческихъ фактовъ и событій, сообщаемыхъ здѣсь лѣтописцемъ, и рѣдкая сравнительно съ прежнимъ смѣна воеводъ тобольскихъ за это время, т. е. гораздо большая продолжительность ихъ правленія однимъ и тѣмъ же воеводствомъ, чѣмъ это было въ прежнее время (до 1686 г.). Такъ, въ періодъ времени съ 1686 по 1707 годъ, т. е. за 20 лѣтъ слишкомъ смѣнилось въ Тобольскѣ только четыре воеводы, а имен-

но: 1) *А. П. Головинъ* (1686—1690); 2) Ст. Ив. *Салтыковъ* съ сыномъ (1690—1692); 3) *А. Ѳ. Нарышкинъ* (1693—1698) и 4) кн. *Черкасскіе* (1698—1707). Итакъ, начинаемъ изагать сперва событія за время воеводы и боярина *А. П. Головина* (1686—1690).

ГЛАВА VII.

Прибытіе въ Тобольскъ посольства, в. и полномочнаго посла Ѳ. А. *Головина* и выѣздъ его изъ Тоб. въ 1686 г. въ даурскіе остроги. 8-й общій и большой пожаръ Тобольска. Смерть воеводы *А. Толбузина* въ Албазинѣ. Полученіе въ Тобольскѣ новыхъ мѣръ изъ Москвы и разсылка ихъ по сибирскимъ городамъ и острогамъ. Полученіе въ Тоб. грамоты изъ Москвы съ прописаніемъ въ титлѣ Государей и в. *Государыни* царевны Софіи Алексѣевны; приказъ боярина А. П. *Головина* по всей Сибири во всѣхъ дѣлахъ писать съ в. Государями и ц. Софію Алексѣевну съ 1687 года. Полученіе въ Тобольскѣ прибавочныхъ статей къ «Соборному Уложенію» царя Алексѣя Михайловича и поподненій о разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ, а также и уставныхъ новоторговыхъ статей, съ приказаніемъ разослать ихъ по всей Сибири и указы чинить по нимъ. Объ измѣреніи верстъ между различными городами Сибири и о взиманіи съ воеводъ сибирскихъ прогонныхъ денегъ по три деньги за 10 верстъ на подводу. О слѣдствіи надъ енисейскимъ воеводою Гр. *Новосильцовымъ* и объ удаленіи его на Красный яръ. Прибытіе въ ссылку въ Тобольскъ малорусскаго гетмана Ив. *Самуйлова* и сына его Якова въ Енисейскъ въ 1688 г. Посылка въ Иркутскъ 500 человѣкъ съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье изъ Тобольска въ 1688 г. О воеводахъ въ Енисейскѣ, Туринскѣ и Верхотурьѣ. О построеніи въ Тобольскѣ земляного валу и рва, а также новаго острога съ башнями и деревяннаго обруба для укрѣпленія берега рѣки подъ горою. Прибытіе въ Тобольскъ полковника Ив. *Скрыпицина* съ похвалою А. П. *Головину* и съ подарками сыну его Ѳ. А. *Головину*, полномочному послу въ Китаѣ, а также и товарищамъ его, всей его свитѣ и полкамъ московскимъ и сибирскимъ. Пожаръ въ Тобольскѣ 1690 года. Отъѣздъ изъ Тобольска боярина А. П. *Головина* и назначеніе на его мѣсто боярина Ст. *Салтыкова*. Управленіе Тюменью и Тобольскомъ до пріѣзда *Салтыкова*. Прибытіе въ Тобольскъ *С.* и *Ѳ. Салтыковыхъ*. Разореніе Тарханскаго острога Казачьей ордою и неудачная погоня за нею. Возвращеніе изъ Дауровъ в. посла *А. Ѳ. Головина* со всѣмъ посольствомъ чрезъ Тобольскъ въ Москву. Воеводы въ Перчинскѣ, Иркутскѣ и Тюмени. Разореніе Казачьей ордой *Утяцкой* и *Камышевской* слободы. Посылка въ *Абатской* острогъ изъ Тары *Ѳ. Шульгина* съ ратными людьми для обереговой службы. Нападеніе той же Казачьей орды и каракалпаковъ на деревни и слободы Царева Городища (г. Кургана) и погоня за ними въ 1692 г. Проѣздъ въ Китай *Елиз. Избранта*. Отъѣздъ въ Москву *Салтыковыхъ*.

1) *За время воеводства А. П. Головина* въ нашей лѣтописи описываются слѣдующія событія. Прежде всего въ 1686 году,

24 марта, пріѣхалъ въ Тобольскъ изъ Москвы великій и полномочный посолъ и воевода, окольничій *Ѳедоръ* Алексѣевичъ *Головинъ* (сынъ тобольскаго воеводы Алексѣя Головина), а въ товарищахъ съ нимъ у посольскихъ дѣлъ велѣно быть Нерчинскому воеводѣ, стольнику *Ивану Власову* (бывшему первымъ воеводою въ Иркутскѣ). Вмѣстѣ съ посломъ пріѣхали въ Тобольскъ: дьякъ Семенъ *Корницкой*, стольникъ Алексѣй *Синявинъ*, пять человѣкъ дворянъ, два московскихъ подъячихъ: одинъ государственнаго посольскаго приказу, другой большія казны; стольникъ и полковникъ *Ѳедоръ* Исаевъ *Скрыпицынъ*, да подполковникъ Сидоръ *Богатыревъ*, а съ ними 5 сотниковъ, 500 человѣкъ московскихъ стрѣльцовъ, два человѣка полковниковъ нѣмчиновъ: одинъ Павелъ Юрьевъ сынъ *Грабовъ*, другой Антонъ Юрьевъ, сынъ *Фанъ* «смалымъ Верхъ» (sic!) [1]), а съ ними начальные люди «маіоръ, капитаны, порутчики и прапорщики». По проѣзжей грамотѣ *великихъ государей, за отворчатою печатью, велѣно во всѣхъ сибирскихъ городахъ великому и полномочному послу и воеводѣ, окольничему Ѳед. Ал. Головину*, «по его присылкамъ ратныхъ людей со всею службою и хлѣбныя запасы и подводы давать безъ всякаго молчанія, по проѣзжимъ и по грамотамъ и по его отпискамъ безъ всякаго молчанія». А служилыхъ людей со всякою службою прислано было къ нему (послу): тобольскихъ 500 человѣкъ, тюменскихъ 100, томскихъ 100, нарымскихъ 30, енисейскихъ 100 и илимскихъ 100. Сверхъ того, къ ратнымъ людямъ московскихъ и сибирскихъ полковъ велѣно пробрать въ Енисейскѣ, въ Братскѣ, въ Илимскѣ, въ Иркутскѣ, по Илиму и по Ленѣ рѣкѣ *и по зимкамъ 400 человѣкъ*. А изъ Тобольска *окольничій* и воевода Ѳедоръ Алексѣевичъ *Головинъ*, съ начальными людьми и съ полками, поѣхалъ въ даурскіе остроги на 23-хъ дощаникахъ со всякимъ урядствомъ въ томъ же 1686 году» (стр. 245—246).

«Въ 26 число апрѣля, того же 1686 года, въ 6 часу ночи, былъ въ Тобольскѣ подъ горою пожаръ вельми страшенъ. Сгорѣло въ то время: Богоявленская церковь и колокольня (второй уже разъ съ 7-го августа 1680 г.) и ряды, и мостъ, и посольскій дворъ, и у русскихъ всякихъ чиновъ людей 600 дворовъ, и татарская и бухарская слобода вся безъ всякого остатку, а на рѣкѣ Иртышѣ по берегу въ амбарахъ и дощаникахъ множество *хлѣбныхъ запасовъ, соли и всякихъ товаровъ*». «И въ то пожарное время», замѣчаетъ лѣтописецъ, «*сгорѣло рус-*

[1]) т. е. фонъ-Смаленбергъ (см. Сиб. Вѣстн. 1824 г. статью: «Записки о мѣстахъ, при р. Амурѣ лежащихъ»).

скихъ людей и иноземцевъ много, много человѣкъ, мужеска полу и женска». Это 8-й общій пожаръ г. Тобольска.

Въ концѣ списка воеводъ по другимъ городамъ Сибири, современныхъ тобольскому воеводѣ *Головину А. И.* (1686—1690 г.), стоитъ въ нашей лѣтописи слѣдующая замѣтка: «въ Албазинскомъ (т. е. острогѣ) Алексѣй же *Толбузинъ* въ осадѣ отъ богдайскихъ людей, въ городѣ въ бойницѣ и изъ нихъ таборовъ убитъ изъ пушки въ ногу и отъ того умре» (стр. 246 на об.).

Въ 1686 же году, по указу великихъ Государей, присланы съ Москвы въ Тобольскъ: мѣра съ московской осьмипудной четверти, мѣдная осьмина и четверикъ и мѣдный же спусекъ. Указали великіе Государи, въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ и острогахъ въ своихъ Государскихъ житницахъ хлѣбные запасы принимать и въ расходъ отдавать и въ торгахъ покупать и продавать противъ той присланной московской осьмины. Изъ Тобольска велѣно было во всѣ сибирскіе города, и остроги и слободы, спустя спуски, съ той присланной московской мѣдной осьмины послать и о томъ къ воеводамъ писать, боярину и воеводѣ Алексѣю Петровичю *Головину*, чтобъ въ тѣхъ городѣхъ воеводы учинили потому-жъ, а прежнимъ мѣрамъ быть не велѣно, а велѣно ихъ оставить «безъ всякого отлогу» (стр. 247) [1]).

Въ 1687 году прислана въ Тобольскъ великихъ Государей грамота, *а въ ней писано*: «отъ великихъ Государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцовъ»; а въ другой грамотѣ *написано по сему*: «отъ великихъ Государей царей и великихъ князей, Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и *великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны, Софіи Алексѣевны*, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ, въ Сибирь, въ Тобольскъ, боярину нашему и воеводамъ, Алексѣю Петровичю *Головину* съ товарищи». Съ того числа, говоритъ лѣтописецъ, въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ и острогахъ въ челобитныхъ и во всѣхъ дѣлахъ учали великихъ Государей именовать и титулъ писать противъ великихъ государей грамоты и по приказу боярина и воеводы Алексѣя Петровича *Головина* съ товарищи».

Въ томъ же 1687 году «по указу великихъ государей, присла-

---

[1]) О мѣрахъ въ Сибири въ XVII в. см. стр. 61—62 книги «*Новыя данныя къ исторіи Восточной Сибири*» *А. А. Іоанна*, а также IX и X гл. этой книги.

ны съ Москвы въ Тобольскъ къ соборному уложенью (ц. Алексѣя Михайловича) прибавочныя статьи и пополненіе разбойныхъ и о татиныхъ (воровскихъ) дѣлахъ, какъ указъ имъ чинить». Велѣно было съ тѣхъ новыхъ статей списать списки и разослать ихъ съ «нарочитыми посыльщики», за приписью дьяковъ, къ воеводамъ во всѣ сибирскіе города и остроги. Въ томъ же году получены въ Тобольскѣ на имя боярина и воеводы *А. П. Головина* съ товарищи и «*новоторговыя уставныя статьи*».[1]) Точно также велѣно было и по этимъ новымъ статьямъ «указъ чинить» въ Тобольскѣ и списки съ нихъ разослать по всѣмъ городамъ съ нарочными, а воеводамъ написать, чтобы они указъ чинили по тѣмъ новымъ статьямъ «за дьячими приписьми».

По челобитью туринскихъ, верхотурскихъ, тюменскихъ, демьянскихъ и самаровскихъ ямщиковъ, присланы были, въ томъ же 1686 году, изъ Тобольска въ тѣ города и ямы для измѣренія верстъ тобольскіе дѣти боярскіе подъячіе и выборные цѣловальники, потому что великіе государи, вслѣдствіе челобитной тѣхъ ямщиковъ, указали, вмѣсто прибавочнаго жалованья деньгами, брать имъ съ воевод, дьяковъ и со всѣхъ приказныхъ людей, которые поѣдутъ на воеводства въ сибирскіе города и остроги, а точно также и обратно изъ Сибири въ Москву, исключая однихъ только тобольскихъ воевод, прогонныя деньги «на 10 верстъ по три деньги на подводу». Непосредственно за этимъ слѣдуетъ въ лѣтописи таблица, отъ какого и до какого города сколько намѣрено было верстъ, а именно: отъ Тобольска до Тюмени 100 верстъ (на поляхъ тою же рукою замѣчено: «нынѣ 254 в.»), отъ Тюмени до Туринска 74 в. 800 саж. (на поляхъ: «нынѣ 150 в.»), отъ Туринскаго острогу до Верхотурья 98 верстъ 400 саж., отъ Верхотурья до Соли Камской 140 в. Отъ Тобольска до Демьянскаго яму 122 в. 800 с., отъ Демьянскаго до Самаровскаго яму 142 в., отъ Самаровскаго до Сургута 134 в. 70 с., отъ Самаровскаго жъ яму до Сухоруковыхъ юртъ, внизъ Иртыша рѣки, 50 в. Отъ Тобольска внизъ Иртыша р. до Сургута версты мѣрялъ тоболенинъ Борисъ *Чернцынъ* и подъячій Иванъ *Мыльниковъ*, а отъ Тобольска до Соли Камской сынъ боярской Любимъ *Зайцевъ* и подъячій Андрей *Завьяловъ*.

Въ слѣдующемъ 1688 году, по указу великихъ Государей и по грамотѣ, велѣно изъ Нарыма воеводѣ стольнику Василію *Трегубову* ѣхать въ Енисейскъ изслѣ-

[1]) Статьи эти напечатаны (23 пункта) въ книгѣ *А. А. Іонина «Новыя данныя къ исторіи Восточной Сибири XVII в»* См. стр. 153 и 204—210.

довать Енисейскаго воеводу Григорья *Новосильцова* и про сына его, Якова, по челобитью енисейскихъ градскихъ жителей, а въ Енисейскѣ велѣно быть и до указу вѣдать Енисейскому сыну боярскому *Ив. Перфирьеву*[1]), воеводу же Григорья *Новосильцова* изъ Енисейска велѣно выслать на Красный яръ (т. е. Красноярскъ) до указу.

Въ томъ же 1688 г. присланъ въ Сибирь, въ Тобольскъ, въ ссылку Черкасской (т. е. малорусскій) гетманъ Иванъ *Самуйловъ* съ сыномъ *Яковымъ*, а до указу велѣно его держать за крѣпкими караулы, а государскаго жалованья, поденнаго корму, велѣно давать по 10 алтынъ на день. Сыну же его, Якову, велѣно быть въ Енисейскѣ, а Государскаго жалованья велѣно давать ему поденнаго корму по 7 алтынъ на день до указу жъ.

По грамотѣ великихъ Государей, въ 1688 же году посланы изъ Тобольска, изъ слободъ, пашенные крестьяне съ женами и съ дѣтьми, 500 человѣкъ «на вѣчное житье въ Иркутскъ съ товарищи». Крестьяне эти были, по словамъ лѣтописца, изъ тѣхъ, которые пришли изъ русскихъ городовъ въ слободы послѣ писца Льва Поскочина, т. е. послѣ 1683 года.

Въ 1689 г. воевода (енисейскій) Григорій *Новосильцовъ* изъ Енисейска съ женою и дѣтьми отпущенъ къ Москвѣ мимо Тобольска. Въ 1687 г., въ Туринскѣ воеводу Алексѣя *Юшкова, за непослушание отписокъ* изъ Тобольска боярина и воеводы *А. П. Головина*, по грамотѣ великихъ Государей, велѣно посадить на *недѣлю въ тюрьму*, а потомъ отпустить изъ Туринска къ Москвѣ, дѣлами-же, вмѣсто него, вѣдалъ до указу сперва тюменскій сынъ боярскій Иванъ *Пескутевъ*, а послѣ присланъ былъ воевода *Кромъ*. Въ 1688 году указали великіе Государи Верхотурью быть «особымъ разредомъ, а у него въ разредѣ Нелымъ да Туринскъ; а воеводу верхотурскаго Григорія *Ф. Нарышкина* пожаловали великіе Государи: указали быть окольничемъ и воеводою на Верхотурьѣ».

Въ томъ же 1688 году «по приказу боярина и воеводы *А. П. Головина* съ товарищи, построенъ на горѣ въ Тобольскѣ, кругомъ посаду, отъ рѣки Иртыша по полую, валъ земляной со рвомъ; дѣланъ до острогу валовой стѣны 711 саженъ печатныхъ съ аршиномъ и съ 8 вершки аршина и съ полувершкомъ аршинныхъ. Въ ширину валъ 3-хъ саженъ съ 2-мя аршины, въ высоту и съ гребнемъ 3-хъ саженъ печатныхъ-же безъ аршина; ровъ шириною 2-хъ саженъ, глу-

[1]) Про *Ив. Перфирьева* см. въ кн. «*Нов. данныя къ исторіи В. Сибири XVII с.*» стр. 29—39, 48—50, 81—83, 92—93, 215 и другія.

биною 2-хъ саж. съ аршиномъ». «А въ дѣлѣ того (валу)», говоритъ лѣтописецъ, «доставалась на рубль жалованнымъ людямъ всякому человѣку съ окладу по 3 вершка безъ чети аршинныхъ». «А въ дѣлѣ того валу», продолжаетъ онъ далѣе, «и рву работать наймывано, а отъ работы со всякой сажени давано по 4 рубли съ полтиною. А отъ того-жъ валу въ то жъ время до софѣйскаго каменного двора построенъ новый острогъ посадскими людьми и пашенными крестьяны, тобольскими подгородными, да четыре башни. Всего отъ валовой стѣны поставлено острогу до софѣйского двора съ башнями и съ калитками 580 саж. съ аршиномъ, а городовой земляной стѣны и острогу вмѣстѣ поставлено до софѣйскаго двора 1307 саж., 2 аршина, 11 вершковъ,— съ полувершкомъ. Въ этомъ же (1688) году, по грамотѣ великихъ Государей, построенъ былъ въ Тобольскѣ внизъ Иртыша рѣки, возлѣ горы, для крѣпости берегу, чтобъ не осыпалась гора, деревянный рубленой обрубъ на 630 саж. печатныхъ съ клѣтками и насыпанъ былъ землею въ вышину 2 саж. печатныхъ съ аршиномъ и въ ширину двѣ же сажени печатныхъ. Строенъ былъ этотъ обрубъ и лѣсъ для него добываны слободскими пашенными крестьянами и бѣломѣстными казаками. Въ слѣдующемъ 1689 г. (въ подлинникѣ, очевидно, описка, 195, т. е. 1687 г.) только что отстроенный обрубъ вешнею большою водою разломало и унесло безо всякого остатку весь.

Въ томъ же 1689 году, августа 18-го, ѣхалъ съ Москвы мимо Тобольска въ даурскіе остроги стольникъ и полковникъ, *Иванъ* Исаевъ сынъ *Скрыпицынъ* (братъ *Ѳедора Скрыпицына*, посланнаго въ Даурію въ 1686 г. съ посланникомъ *Ѳед. Ал. Головинымъ*). Въ Тобольскѣ, въ приказной палатѣ, боярину и воеводѣ *А. П. Головину* Иванъ *Скрыпицынъ* подалъ грамоту великихъ Государей съ милостивымъ словомъ, съ похвалою. Пожаловали великіе Государи, велѣли ему, Ивану, боярина и воеводу *А. П. Головина* «за службу спросить о здоровьѣ и службу его боярскую похвалить и сказать милостивое Государское слово», а къ сыну его, окольничему и воеводѣ, Ѳедору Алексѣевичу (въ 1686 г. поѣхавшему чрезъ Тобольскъ великимъ и полномочнымъ посломъ въ Даурію) «за его многія радительныя службы», съ ихъ Государскимъ жалованьемъ посланъ онъ же, Иванъ, съ золотыми. «А по объявленію, золотой окольничего и воеводы Ѳедора Алексѣевича Головина: восемь золотыхъ воображены, на одной сторонѣ персоны великихъ Государей Царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича,

Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцовъ, а на другой сторонѣ воображена жъ персона великія Государыни, благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны. Да на томъ же золотомъ вырѣзаны слова: «Божію милостію мы, великіе Государи и великіе князи, *Іоаннъ Алексѣевичъ*, *Петръ Алексѣевичъ* и великая Государыня, благовѣрная царевна и великая княжна, *Софія Алексѣевна*, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы». Да съ нимъ же Иваномъ послано жалованье великихъ Государей товарищемъ окольничего и воеводы Ѳедора Алексѣевича: стольнику и воеводѣ Ивану *Власову* и дьяку Семену *Корницкому* золотые же; полковникамъ и начальнымъ людямъ и московскимъ стрѣльцамъ и сибирскимъ полкомъ по золотой копѣйкѣ каждому и сукна каждому по указу и росписи (стр. 252—253).

Въ 1690 году выгорѣло въ Тобольскѣ подъ горою: татарская и бухарская слобода вся и русскихъ дворовъ ста съ два, а Государской житной дворъ съ хлѣбными запасами, мостъ и ряды съ торгами, милостію Божіею, отстояли съ великимъ радѣніемъ.

Въ томъ же 1690-мъ году, февраля 8-го, по грамотѣ великихъ Государей, поѣхалъ изъ Тобольска къ Москвѣ боярин и воевода Алексѣй Петровичъ *Головинъ*, а въ Тобольску велѣно быть и вѣдать до пріѣзда въ Тобольскъ боярина и воеводы Стефана Ивановича *Салтыкова* съ товарищи тюменскому воеводѣ, стольнику Дмитрію *Полуехтову*, съ дьяками *Г. Стольховымъ*, да *М. Даниловымъ*. Въ Тюмени же вмѣсто его (Д. Полуехтова) велѣно было вѣдать брату его *Вас. Полуехтову*. Сверхъ того, по грамотѣ великихъ Государей, велѣно изъ Тобольска быть на Тюмени съ приписью подъячимъ и вѣдать съ воеводою, вмѣстѣ разряднаго стола старому подъячему, Михаилу Григорьеву сыну *Романову*.

Этимъ и оканчивается по нашей лѣтописи время управленія тобольскимъ воеводствомъ *А. П. Головина*.

2) «27-го февраля, 1690 года, т. е. въ четвертокъ», говоритъ лѣтописецъ, «пріѣхали въ Тобольскъ боярин и воеводы: *Стефанъ Ив. Салтыковъ*, стольникъ *Ѳедоръ Ст. Салтыковъ* же, сынъ его; дьяки: Артемонъ *Тимоѳеевъ*, да Григорій *Жихаревъ* и письменный голова Павелъ *Шарыпинъ*. Въ августѣ мѣсяцѣ 2 числа, ночью того же 1690 года, пришли, по словамъ лѣтописца, «безвѣстно, воинскіе люди казачья орда, и раззорили тарханскій острогъ, двухъ человѣкъ русскихъ людей, тюменцевъ, въ полонъ взяли и

тарханскихъ татаръ побили человѣкъ съ двадцать, а иныхъ увезли съ собою въ полонъ, мужеска полу и женска человѣкъ съ тридцать; коней и скотъ отогнали съ собою весь безо всякого остатку и животы ихъ (тарханскихъ татаръ) пограбили и увезли съ собою все. Августа 10-го числа въ погоню за ними (воинскими людьми, казачьей ордой) посланы были изъ Тобольска и изъ Тюмени дѣти боярскіе, конные казаки, служилые и захребетные татары, сотъ съ семь и больше, «по ихъ воинской воровской сакмѣ». И были, говоритъ лѣтописецъ, тѣ ратные люди въ степи 5 недѣль и 3 дни, а найти тѣхъ воинскихъ людей и постичь не могли и поворотились и пришли во свояси. А у тѣхъ ратныхъ людей начальнымъ человѣкомъ былъ Андрей Володимеровъ сынъ *Клятиковъ*, тоболянинъ, съ товарищи» (стр. 254).

Въ сентябрѣ 1691 года пріѣхалъ въ Тобольскъ изъ даурскихъ остроговъ окольничей и воевода, *Ѳедоръ* Алексѣевичъ *Головинъ*, съ дьякомъ, полковниками, начальными людьми и съ московскимъ полкомъ стрѣлецкимъ, сибирскіе же полки оставлены были въ Даурахъ. Въ посольскихъ же дѣлахъ велѣно имъ писаться: «великимъ и полномочнымъ посломъ и намѣстникомъ Брянскимъ Оедору Алексѣевичу Головину; великимъ же и полномочнымъ посломъ и намѣстникомъ алатырскимъ[1]) Ивану *Власову*. Изъ Тобольска къ Москвѣ окольничій Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ поѣхалъ со всѣми московскими людьми въ ноябрѣ мѣсяцѣ (числа нѣтъ) того же 1691 года. Нерчинскому воеводѣ Ивану *Власову* тоже велѣно было ѣхать изъ Нерчинска въ Москву, а воеводою, вмѣсто него, назначенъ въ Нерчинскъ полковникъ Ѳедоръ *Скрыпицынъ*, состоявшій (какъ и Власовъ) при посольствѣ *Ѳ. А. Головина*. Въ Иркутскѣ въ это же время назначены воеводами князь Иванъ, да князь Матоей «княжъ Петровы, дѣти *Гагарины*: велѣно имъ вѣдать противъ окольничего Оед. Ал. Головина (должно быть, завѣдывать пограничными дѣлами съ Китаемъ, которыми управлялъ до этого Головинъ). Въ Тюмени послѣ Ордына *Нащокина*, съ 1692 года, воеводою былъ тоболянинъ Оедоръ Яковлевъ *Шульгинъ*, получившій отъ царей, какъ сказано выше, серебреной ковшъ за службу отца своего Якова.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1691 г., «прищедъ безвѣстно», говоритъ лѣтописецъ, «воинскіе люди казачьи орды, бесермены, развоевали тобольскаго розряду вверхъ Тобола рѣки, двѣ слободы: Утяцкую (въ 50 в. отъ города Кургана) и Камышевскую. И въ сло-

[1]) По Сиб. Вѣстн. 1824 г. «Элатомскимъ», ст. «Записки о мѣстахъ, при р. Амурѣ лежащихъ».

бодахъ этихъ прикащика, тобольскаго сына боярскаго съ женою и съ дѣтьми, *Семена Рачковскаго*, и съ нимъ многихъ бѣломѣстныхъ казаковъ и крестьянъ, съ женами и съ дѣтьми, во дворѣ сожгли, а иныхъ побили и въ полонъ съ собою увезли человѣкъ съ 200 (буквально по рукописи: «здѣсти») мужеска полу и женска (стр. 256 на об.). Въ томъ же году (1691) посланы были изъ Тары въ *Адбажской* (Абатской) острогъ, для обереговой службы, отъ приходу воинскихъ людей, тобольянинъ *Ѳедоръ Шульгинъ* съ тобольскими дѣтьми боярскими и конными казаками. Въ слѣдующемъ 1692 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, «пришедши тайно», говоритъ лѣтописецъ, «воинскіе люди казачьей орды, татары и каракалпаки, вверхъ Тобола рѣки, на деревни и на слободы Царевы городища (должно быть нынѣшняго города Кургана), развоевали *Утяцкую* слободу дворовъ съ 20; многихъ крестьянъ побили, а женъ и дѣтей въ полонъ съ собою увезли. И за ними (воинскими людьми) гонялись: сотникъ, да 100 человѣкъ бѣломѣстныхъ казаковъ и догнали ихъ отъ *Царева городища* въ ближнихъ мѣстахъ. И на томъ бою отъ тѣхъ воровскихъ людей убитъ сотникъ, да съ нимъ 45 бѣло-мѣстныхъ казаковъ. Да за ними же, по словамъ лѣтописца, гонялись тобольскіе дѣти боярскіе и конные казаки, тюменцы, татаре и слободскіе бѣло-мѣстные казаки сотъ съ шесть, которые были въ слободахъ на обереговой (т. е. службѣ), тоболянинъ Оедоръ *Тутолминъ* (быть можетъ, помянутый выше Шульгинъ, а не Тутолминъ) съ товарищи, а достичь ихъ воинскихъ воровскихъ людей не могли».

Въ послѣднихъ числахъ августа мѣсяца, того же 1692 г., ѣхалъ мимо Тобольска чрезъ даурскіе остроги съ Москвы посланный, по указу великихъ Государей, посланникомъ въ Богдайское и Китайское государство нѣмчинъ Елизаръ Елизарьевъ сынъ *Избрантъ*, а съ нимъ 5 человѣкъ нѣмцовъ и одинъ московскій подъячій. Изъ Тобольска же съ нимъ посланы были: сынъ боярскій, подъячій, переводчикъ, толмачъ и одинъ конный казакъ. Сынъ боярскій и конный казакъ посланы были изъ Тобольска, по указу великаго Государя и по грамотѣ, съ листомъ къ мунгальскимъ тайшамъ, «чтобъ они, тайши съ товарищи, готовили ему, посланному нѣмчину *Елизару Избранту* съ товарищи, подводы и запасы до предѣлъ Богдайскаго и Китайскаго государства, и божей и провожатыхъ». 20-го декабря, 1692 года, по указу великихъ Государей и по грамотѣ, поѣхали изъ Тобольска къ Москвѣ боярин и воеводы: Стефанъ Ив., да сынъ его и товарищъ, Оедоръ Ст. *Салтыковъ*, а съ ними и письменный голова *П. Шарыпинъ*. Въ Тобольскѣ же

до пріѣзда ближняго стольника и воеводы, Андрея Өед. *Нарышкина* съ товарищи, велѣно было великихъ Государей печать и городъ принять тарскому воеводѣ Ив. *Ситину* съ дьяками Арт. *Тимоѳеевымъ* и Ал. *Протопоповымъ*.

ГЛАВА VIII.

Прибытіе въ Тобольскъ *Андр. Ѳ. Нарышкина*. Причисленіе Верхотурья, Пелыма и Туринска къ Тоб. разряду попрежнему. О трехъ знакомцахъ Нарышкина «иноземскаго списку», пріѣхавшихъ съ нимъ въ Тобольскъ. Отправленіе *Вас. Шульгина* съ казаками въ тобольные и нетскіе остроги на обереговую службу отъ воинскихъ людей въ 1693 году. О воеводахъ въ Якутскѣ, Нерчинскѣ и Иркутскѣ. Отправленіе изъ Тобольска 50 человѣкъ въ Якутскъ на службу безъ женъ и безъ дѣтей и въ Иркутскъ 240 человѣкъ. Нападеніе на Ялуторовскую слободу въ іюлѣ 1693 года Казачьей орды и каракалпаковъ, погоня за ними *Вас. Шульгина* съ войскомъ изъ Суерской слободы, несчастная битва (27 іюля) у *Семикуля* озера (въ 60 в. отъ Ялуторовска), погибель 357 русскихъ и плѣнъ остальныхъ О подметномъ воровскомъ листѣ съ злымъ умысломъ противъ ближняго стольника и воеводы *Андр. Ѳед. Нарышкина*. Посылка въ слободы на обереговую службу ратныхъ людей изъ Тобольска въ 1694 г. Нападеніе Казачьей орды съ каракалпаками на *Чернавскую* слободу. Прибытіе въ Тобольскъ *А. А. Нарышкина*. Всеобщая ревизія съ 1696 по 1707-й годъ въ Сибири, произведенная думнымъ дворяниномъ *Ѳ. Тутолминымъ*, думнымъ дьякомъ *Вас. Полянскимъ*, *Дан. Берестовымъ* и *Ѳ. Качановымъ*; осужденіе воеводъ: Иркутскаго *Ив. Гагарина* нерчинскаго *М. Гагарина*, *Ав. Савелова*, *Мир. и А. Башковскихъ* и другихъ. Съѣздъ воеводъ въ Енисейскъ для окончанія суда и слѣдствія. Передача слѣдственныхъ дѣлъ объ якутскихъ злоупотребленіяхъ якутскому воеводѣ *Дорофѣ. Ав. Траніухту* и дьяку *М. Романову* для розыску и рѣшенія. Замѣчанія о ревизіи 1696—1708 г. и перемѣны, происшедшія въ продолженіи ея въ воеводскомъ управленіи Сибирью. Наказанія воеводамъ *Ав. Савелову* и *Мир. А. Башковскимъ*. Свѣдѣнія о сей ревизіи по иркутскимъ лѣтописямъ и ихъ недостаточность, по сравненію съ разбираемой лѣтописью. Отъѣздъ *Нарышкиныхъ* въ Москву и назначеніе въ Тобольскъ князей Черкасскихъ.

3) *Во святой и великій постъ*, въ недѣлю 5-ю, апрѣля мѣсяца 2-го дня, 7201-го года (1693), говоритъ лѣтописецъ, пріѣхалъ въ Тобольскъ Царскаго Величества ближній стольникъ и воевода Андр. Ѳед. *Нарышкинъ*, а въ товарищахъ съ нимъ думный дворянинъ Василій Борисовичъ *Бухвостовъ*. «Большимъ дьякомъ» на мѣсто Артемона Тимоѳеева велѣно быть прежнему дьяку *Ал. Протопопову*, другимъ дьякомъ *Ав. Герасимову*, а письменнымъ головою стольнику Герасиму *Хомутову*. Въ то же время городамъ: Верхотурью, Пелыму и Туринску указали великіе Государи быть въ разрядѣ у ближняго стольника и воеводы Ан. Ѳед. *Нарышкина* съ товарищи въ Тобольскѣ, по прежнему. Съ воево-

дою Нарышкинымъ пріѣхали въ Тобольскъ, говоритъ лѣтописецъ, «три человѣка знакомцовъ его иноземского списку», а именно: 1) дворянинъ Петръ Кириловъ сынъ *Подлясскій*; «государскаго ему жалованья, поденнаго корму, велѣно давать въ Тобольску по 2 гривны на день денегъ»; 2) касимовскихъ татаръ княжей сынъ, арзамаскихъ селъ, новокрещеный князь *Семенъ*, князь Васильевъ, сынъ *Шахаевъ*; государскаго ему жалованья велѣно давать въ Тобольскѣ по гривнѣ на день денегъ; и наконецъ, 3) дворянинъ Семенъ Оедотовъ сынъ *Леневъ*. Зачѣмъ эти три лица «иноземского списку» пріѣхали въ Тобольскъ съ Нарышкинымъ, въ лѣтописи не сказано, но что они не были ссыльными, видно изъ того, что лѣтописецъ называетъ ихъ «знакомцами» Государева ближняго стольника и воеводы Нарышкина. О дѣятельности этихъ воеводскихъ знакомцевъ въ Сибири тоже нѣтъ въ лѣтописи никакихъ указаній и остается, такимъ образомъ, неяснымъ, за что, именно, первые два изъ нихъ получали Государево жалованье,—поденный кормъ и, при томъ, почти въ такомъ же количествѣ, какъ ссыльный малорусскій гетманъ *Иванъ Самуйловъ*.

Въ томъ же (1693) году, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, посланы были изъ Тобольска дворяне, дѣти боярскіе, конные казаки и тюменцы въ «тобольные и иетскіе (т. е. по рѣкамъ Тоболу и Иети) остроги на обереговую службу на копѣхъ, отъ приходу воинскихъ людей. Начальной съ ними человѣкъ былъ тобольскій *Василій* Павловъ сынъ *Шульгинъ*».

Въ спискѣ воеводъ въ различныхъ городахъ сибирскихъ за 7201 г., т. е. 1693 г., съ якутскимъ воеводою Ив. Мих. *Гагариномъ* помѣщенъ, между прочимъ, «сыщикъ тобольскій *Оедоръ Качановъ*», а «въ даурахъ на границѣ Китайской, въ Нерчинскѣ, воеводою въ то время назначенъ, вмѣсто Оедора *Скрыпицына*, стольникъ, князь Матоей П. *Гагаринъ*, переведенный изъ Иркутска, гдѣ былъ товарищемъ у брата своего «роднаго» Ив. П. Гагарина.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, 1693 года, по указу великихъ Государей и по грамотѣ, посланы изъ Тобольска на службу великихъ Государей, на великую рѣку Лену въ Якутскъ, 50 человѣкъ тобольскихъ и тюменскихъ дѣтей боярскихъ безъ женъ и безъ дѣтей. До Государскаго указу посланъ съ ними до Якутска начальной человѣкъ, сынъ боярскій Василій *Турскій*.

Того же мѣсяца и числа по указу великихъ Государей и по грамотѣ, посланы изъ Тобольска въ даурскіе остроги, въ Иркутскъ съ товарищи: казачьихъ тобольскихъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ, пасынковъ и внучатъ 120 человѣкъ;

тюменскихъ казачьихъ дѣтей 80 человѣкъ; пелымскихъ 20 и березовскихъ 20 человѣкъ. Начальными людьми посланы были съ ними изъ Тобольска до Иркутска тобольскіе дѣти боярскіе и велѣно было имъ казачьимъ (дѣтямъ) служить въ даурскихъ острогахъ до указу великихъ Государей (стр. 261).

21-го іюля, 1693 г., приходили тайно воинскіе воровскіе люди Казачьей орды и каракалпаки татары подъ *Ялуторовскую* слободу. Подъ слободою, въ деревняхъ, на сѣнныхъ покосахъ, на лугахъ побили до смерти бѣломѣстныхъ крестьянъ 42 человѣка, да въ полонъ увезли съ собою мужеска полу и женска живыхъ, большихъ и малыхъ, 69 человѣкъ (тамъ же). И дворянинъ *Василій* Павловичъ *Шульгинъ* изъ *Осиновой* и *Суерской* слободы съ тобольскими дѣтьми боярскими, конными казаками, съ татарами, бѣломѣстными казаками и другими охотниками, крестьянскими дѣтьми, «съ ними-жъ и бобыли», пошелъ, собравшись со всею службою, изъ *Суерской* слободы въ степь за ними, воинскими людьми того-жъ мѣсяца іюля, въ 25 день, въ вечеръ захожденія солнца. Ратныхъ людей съ *Василіемъ Шульгинымъ* было въ той службѣ: тобольскихъ дѣтей боярскихъ 50 человѣкъ, литовскаго и *новокрещенаго* списковъ и конныхъ казаковъ 60 человѣкъ, татаръ 15 человѣкъ. Сверхъ того, *Ялуторовской* и *Суерской* слободы бѣломѣстныхъ казаковъ и крестьянъ, ихъ братьевъ, дѣтей, племянниковъ и бобылей 172 человѣка. Всего, съ *Васильемъ Шульгинымъ* на баталіи было 318 человѣкъ, «кромѣ людей ихъ и охотниковъ, слободскихъ жителей и иныхъ слободъ». И того же мѣсяца іюля въ 27 день, въ четвертекъ, 7201-го (1693) года, въ *обыденное время*, ихъ воинскихъ иноземцовъ собралося многое число въ степи, у *Семикуля озера*, отъ *Ялуторовской* слободы въ 60 верстахъ. И въ то время и часъ у нихъ ратныхъ людей съ ними нечестивыми агаряны начался быть бой крѣпокъ съ обоихъ странъ. «Судомъ въ Троицѣ славимаго Бога и праведнымъ Его гнѣвомъ за грѣхи наши», говоритъ лѣтописецъ, «отъ нихъ нечестивыхъ агарянъ вси воини побіени». Начальный человѣкъ *Василій* Павловъ сынъ *Шульгинъ*, съ двумя братьями, Яковомъ и Иваномъ *Шульгиными*, и товарищами, тобольскими дѣтьми боярскими, съ казаками, съ татарами, съ бѣломѣстными слободскими казаками и крестьянами на томъ бою всѣ у того *Семикуля озера* «убіени быша, понеже *въ то время бысть дождь велій*», замѣчаетъ лѣтописецъ. Побито было въ то время 357 человѣкъ, а въ полонъ съ собою съ того бою «живыхъ русскихъ людей и татаръ» увезли воинскіе иноземцы: тобольскихъ дѣ-

тей боярскихъ 8 человѣкъ, конныхъ казаковъ 6 человѣкъ и служилыхъ людей (не сказано сколько), «*по вѣдомости убышихъ* отъ нихъ изъ полону тобольскихъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, Максима *Черкасова* съ товарищи» (стр. 261—263).

Противъ 15 августа, того же 1693 года, ночью «въ утреннее время въ соборнѣй и апостольстѣй церкви, въ Тобольскѣ, на горѣ, на площади, противъ городовой прежней башни, у лавки тобольскаго жителя Семена *Булдакова*, объявился прибитъ подметной воровской листъ, а въ немъ написанъ невѣдомыхъ воровъ ихъ воровской умыслъ къ лицу ближняго стольника и воеводы, *Андр.* Өед. *Нарышкина*. Того же числа Тобольскаго города всѣхъ чиновъ жители били челомъ великимъ Государемъ о розыску того подметнаго воровскаго листа и подали въ приказной палатѣ челобитную за руками.

Въ слѣдующемъ 1694 году, 18 марта, посланы изъ Тобольска дворяне, дѣти боярскіе, конные казаки, служилые татары и тюменцы въ слободы на «обереговую» (т. е. обереговую службу), съ дворяниномъ Борисомъ *Черницынымъ* и слободскіе бѣломѣстные казаки.

Въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца и въ 30-е число іюля приходили воинскіе иноземцы Казачьей орды съ каракалпаками дважды, «небольшіе люди съ 200 человѣкъ», *Чюмляцкой*[1]) слободы крестьянъ и бѣломѣстныхъ казаковъ, ихъ дѣтей и братьевъ побили и съ собою въ полонъ увезли 33 человѣка, а скотъ рогатый весь отогнали безо всякого остатку (264).

Въ 1695 году, по указу великихъ Государей и по грамотѣ, поѣхалъ изъ Тобольска къ Москвѣ товарищъ ближняго стольника и воеводы Андр. Өед. *Нарышкина*, думный дворянинъ Василій Борисовъ *Бухвостовъ*. Товарищемъ же въ Тобольскѣ у Андр. Өед. Нарышкина на мѣсто Бухвостова велѣно быть сыну его, ближнему стольнику и воеводѣ *Андрею* Андреевичу *Нарышкину* отъ Соли Камской, гдѣ былъ онъ воеводою на мѣстѣ Семена Өед. Нарышкина.

Въ 1696 году, по указу великихъ Государей и по грамотѣ, посланъ изъ Тобольска въ Красноярскъ, для сыску, тобольскій дворянинъ Өедоръ Стефановъ сынъ *Тутолминъ*. Велѣно ему было сыскивать по отпискамъ Мирона да Алексѣя *Башковскихъ* и по челобитью градскихъ и всякихъ чиновъ людей. Въ этомъ же году, по указу великихъ Государей и по грамотѣ, ѣхалъ изъ Москвы мимо Тобольска въ низовые сибирскіе города думной дьякъ, Василій Леонтіевичъ *Полянской*, съ

[1]) Должно быть, *Чернавской*, недалеко отъ г. Кургана.

дьякомъ Даніломъ *Берестовымъ*, для сыску всякихъ дѣлъ про воеводъ и всякихъ чиновъ градскихъ людей (про воеводскія взятки, а градскихъ людей про винное куренье), и про ясачныхъ сборщиковъ, «отъ чего чинятся въ ясашныхъ сборѣхъ недоборы»; въ Красноярскъ, по отпискамъ воеводскимъ и по челобитью градскихъ людей, а въ Якутскъ по отпискамъ воеводъ, стольниковъ: *Михайла и Андрея Арсеньевыхъ*,[2]) да стольника и воеводы князь Ивана, княжь Михайлова, сына *Гагарина* и по отпискамъ, сказкѣ и письмамъ тобольскаго дворянина Ѳедора *Качанова*. И сыскивалъ онъ, думный дьякъ съ товарищемъ, въ Сургутѣ, Енисейскѣ и Красноярскѣ и былъ въ этихъ городахъ у сысковъ по 1700 годъ отъ Р. Х., а отъ сотворенія свѣта по 7200 (очевидно описка: нужно 7208-й годъ). «И въ тѣхъ розыскахъ многимъ воеводамъ», говоритъ лѣтописецъ, «онъ, думный дьякъ, указъ чинилъ», а именно: иркутскій воевода стольникъ князь *Иванъ*, княжь Петровъ, сынъ *Гагаринъ*, и нерчинскій воевода стольникъ же князь *Матвѣй*, княжь Петровъ, сынъ *Гагаринъ*, (братъ перваго) сами задержаны были въ Енисейскѣ (по дорогѣ въ Москву), а животы ихъ взяты въ казну великаго Государя. Другой нерчинскій воевода стольникъ *Антонъ Савеловъ* также задержанъ былъ въ Енисейскѣ, а животы у него въ казну великаго Государя взяты. Сверхъ того, «учинено ему было наказаніе: *битъ кнутомъ и сосланъ въ Якутскъ въ казачью службу*». Красноярскіе воеводы стольники Миронъ да Алексѣй *Башковскіе* «одержаны-жъ были въ Енисейску», а изъ Енисейска Алексѣй и Миронъ сосланы были въ *Якутскъ*. Миронъ въ «Иркутскѣ» (неизвѣстно почему поправлено изъ «Якутску») пытанъ, а изъ Иркутска по грамотѣ взятъ къ Москвѣ 1707 году; братъ же его Алексѣй къ Москвѣ взятъ въ слѣдующемъ 1708-мъ году, по «грамотѣ жъ». Красноярскихъ градскихъ людей многихъ, говоритъ лѣтописецъ, пытали и въ ссылку разослали. *И то сыскное дѣло не довершено, по челобитью красноярскихъ всякихъ чиновъ людей.* По указу великаго Государя и по грамотѣ, велѣно думному дьяку, Даніилу Леонтьевичу *Полянскому*, изъ Красноярска ѣхать къ Москвѣ, а по сыскному дѣлу, что разыскивалъ думный дьякъ и прежъ его разыскивалъ тобольскій дворянинъ Ѳедоръ *Тутолминъ* велѣно изъ городовъ съѣхаться въ Енисейскъ: изъ Красноярска стольнику Петру Савину сыну *Мусину-Пушкину*, изъ Мангазеи стольнику Юрью Ѳедоровичу *Шишки-*

[2]) Про воеводъ Мих. и Анд. *Арсеньевыхъ* см. стр. 118—126, 137—153 въ кн. «*Новыя данныя къ исторіи В. Сибири XVII в.*». Про Ив. Мих. *Гагарина* тамъ же стр. 118—126.

ну, изъ Илимска Ѳедору Родіонову сыну *Качанову*, дьяку Даніилу *Берестову* (который былъ съ дьякомъ Даніиломъ Леонтьевичемъ Полянскимъ) и тобольскому дворянину Ѳедору *Тутолмину*, велѣно имъ указъ чинить и то сыскное дѣло вершить». По указу великаго Государя и по грамотамъ, воеводы, дьякъ (Берестовъ) и тобольскій дворянинъ (Тутолминъ) по тѣмъ разыскнымъ дѣламъ указъ учинили. А что думному дьяку Даніилу Леонтьевичу *Полянскому* съ товарищемъ, по отпискамъ якутскихъ воеводъ стольниковъ: Ив. Мих. *Гагарина*, *Михайла* и *Андрея Арсеньевыхъ*, также по отпискамъ тобольскаго дворянина Ѳедора *Качанова* и по челобитью тобольскаго сына боярскаго Олфера *Сыромятникова* и якутскихъ градскихъ и ясачныхъ людей, велѣно было разыскивать и о томъ ему, думному дьяку, по грамотѣ великаго Государя, въ Якутскѣ разыскивать не велѣно, а велѣно,—какъ ему о томъ якутскомъ розыску, по грамотѣ великаго Государя, разыскивать,—списать выписку и отослать въ Якутскъ къ воеводѣ и стольнику, *Дороѳею Аѳанасьеву* сыну *Траніухину*, да дьяку *Максиму Романову*[1]). И думный дьякъ (т. е. Полянскій) тѣ выписки прислалъ въ Якутскъ въ тетрадяхъ въ 1699 году, сентября въ 7 день. По выпискамъ этимъ и по грамотѣ великаго Государя (которая прислана въ Якутскъ къ воеводѣ и къ дьяку о пріемѣ тѣхъ выписокъ), въ Якутскѣ воевода (Траніухинъ) и дьякъ (Романовъ) разыскивали и кому довелось по розыскамъ указъ учинили. (266—268).

Описываемыя здѣсь лѣтописцомъ «сыскныя дѣла про воеводъ и всякихъ чиновъ градскихъ людей», произведенныя *Ѳ. Качановымъ*, *Тутолминомъ*, *Полянскимъ*, *Берестовымъ*, *Траніухтомъ* и прочими представляютъ собою первую общую и большую ревизію воеводскаго управленія въ Сибири, начавшуюся еще съ 1693 года и прекратившуюся только въ началѣ 18 в., около 1708 г. Ревизія эта охватила собою города восточной и западной Сибири и всѣ классы тогдашняго населенія, начиная отъ воеводъ и градскихъ жителей и кончая ясачными людьми, т. е. порабощенными и загнанными инородцами Сибири. Этой ревизіей, какъ видно, столько открыто было злоупотребленій и такъ много лицъ привлечено было къ отвѣтственности, что сами челобитчики, испугавшись страшной массы поднятыхъ ими изъ архивной пыли ужасныхъ дѣлъ, просили о прекращеніи ревизіи и, по ихъ прошенію, «сыскное то дѣло было недовершено» окон-

[1]) Про воеводу Дор. Ав. *Траніухта* и дьяка Макс *Романова*, см. стр. 118—136 въ кн. «*Нов. данныя къ исторіи В. Сибири XVII в.*».

чательно. Ближайшимъ послѣдствіемъ этой страшной и обширной ревизіи было, какъ видно изъ исторіи, уничтоженіе воеводскаго управленія въ Сибири, по крайней мѣрѣ; въ главныхъ городахъ ея: Тобольскѣ, Иркутскѣ и другихъ и замѣна его губернаторскимъ. Годъ окончанія этой ревизіи, т. е. 1708-й, есть вмѣстѣ съ тѣмъ годъ учрежденія Петромъ I сибирской губерніи съ первымъ ея губернаторомъ кн. *Гагаринымъ*. Такъ какъ «сыскное дѣло» ревизіи продолжалось нѣсколько лѣтъ, то за это время успѣло произойти много перемѣнъ въ воеводскомъ управленіи Сибири. Этимъ объясняется то, что одинъ и тотъ же, наприм., Ѳедоръ *Качановъ* называется то тобольскимъ дворяниномъ, сыщикомъ, то воеводою Илимскимъ, въ одномъ и томъ же городѣ показывается нѣсколько воеводъ въ одно и то же время (напр. въ Якутскѣ) и проч. *Мусинъ-Пушкинъ*, напр., былъ за это время два раза воеводою въ Красноярскѣ: до Башковскихъ (съ 1693 г.) и послѣ Башковскихъ (съ 1696—1700), а къ концу дѣла онъ былъ уже Нерчинскимъ воеводою. Упоминаемый здѣсь Нерчинскій воевода *Антонъ Савеловъ*, который «битъ кнутомъ и сосланъ въ Якутскъ въ казачью службу», въ спискѣ нерчинскихъ воеводъ не показанъ въ нашей лѣтописи. Онъ могъ быть тамъ (въ Нерчинскѣ) послѣ кн. *Гагарина* между 1696 и 1700 г.г. Быть можетъ, это тотъ самый Савеловъ, который въ 1695 г., будучи воеводою въ Иркутскѣ, за корыстолюбіе и жестокость самовольно былъ согнанъ иркутянами съ воеводства и замѣненъ *трехлѣтнимъ Полтевымъ*. Впрочемъ, въ иркутскихъ лѣтописяхъ (ркп. муз. № 128 и 158) этотъ Савеловъ (или Савельевъ) называется *Аѳанасіемъ*, а не *Антономъ*, и говорится, что въ 1700 г., 19 сентября, онъ отправленъ былъ въ Москву[1]). Точно такъ же Мироѳъ *Башковскій* называется въ одной иркутской лѣтописи (Пежемскаго № 158) Пышковскимъ, а объ Алексѣѣ, братѣ его, въ иркутскихъ лѣтописяхъ совсѣмъ не упоминается, равно и описываемое нашимъ лѣтописцемъ сыскное дѣло и съѣздъ воеводъ въ Енисейскѣ представляются происходящими, какъ бы по поводу одного *М. Башковскаго*. Изъ нашей лѣтописи мы узнаемъ (стр. 252), что Мироѳъ и Алексѣй были сыновья *Игнатія Башковскаго*, бывшаго воеводою въ Красноярскѣ съ 1689 по 1691 годъ, мѣсто котораго занялъ сперва *П. С. Мусинъ-Пушкинъ*, а потомъ уже около 1694 г. сыновья Игнатія — Мироѳъ и Алексѣй, попавшіе подъ сыскное дѣло, вмѣстѣ съ воеводами многихъ

[1]) Про *Савелова* и *Полтева* см. въ кн. «*Новыя данныя къ исторіи В. Сибири XVII в.*» стр. 3 (введеніе), 32—33 и другія.

другихъ городовъ Сибири. Вообще же въ нашей лѣтописи есть болѣе точныя и болѣе подробныя свѣдѣнія за это время (1693—1708 г.), чѣмъ въ иркутскихъ лѣтописяхъ. По нашей лѣтописи можно провѣрить и пополнить иногда весьма краткія и неточныя показанія послѣднихъ о воеводахъ какъ самаго города Иркутска (напр. Гагаринныхъ, Власовѣ и др.), такъ и сосѣднихъ съ нимъ городовъ, а также показанія о разныхъ сыскныхъ дѣлахъ и о другихъ событіяхъ (о пріѣздѣ пословъ, судѣ надъ воеводами, рекрутскихъ наборахъ, народныхъ переписяхъ, разныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, переселенцахъ и проч.).

Въ 1698 г., по указу великаго Государя и по грамотѣ, поѣхали изъ Тобольска къ Москвѣ ближніе стольники и воеводы Андрей Оедоровичъ и Андрей Андреевичъ *Нарышкины*, въ Тобольскѣ-же, до пріѣзда ближняго боярина и воеводы князя Михайла Яковлевича и стольника Петра Михайловича *Черкасскаго*, велѣно быть воеводою стольнику изъ Тюмени *Г. В. Раевскому* съ дьяками.

ГЛАВА IX.

Пріѣздъ 3 февр. 1698 г. въ Тобольскъ ближн. боярина и воеводы *М. Я. Черкасскаго* съ сыномъ Петромъ и дьякомъ *Обрютинымъ*. Смерть (1700 г.) *П. Черкасскаго* въ Тоб. и назначеніе на его мѣсто брата его Алексѣя. Послѣдніе воеводы: *Полуэктовъ* въ Томскѣ (съ 1709 г.) и *Траніухъ* съ дьякомъ *Романовымъ* въ Якутскѣ (до 1704 г.). Смерть воеводы *Поливанова* въ Илимскѣ, по дорогѣ въ Якутскъ. Пріѣздъ въ Тобольскъ дворянина *Ив. Родіонова Качанова* для переписи пашенныхъ земель и покосовъ (съ 1698 по 1705 г.) и стольника *А. Варлакова* съ царскимъ милостивымъ словомъ кн. Черкасскимъ и градскимъ жителямъ (1699 г.). Заведеніе каменскихъ желѣзныхъ заводовъ по р. *Исети* и заводовъ по р. *Нейвѣ*. Полученіе указа о томъ, чтобъ писать во всѣхъ дѣлахъ лѣта отъ Р. Хр. съ лѣтами отъ сотворенія міра. Большой пожаръ (10-й) въ Тобольскѣ въ 1701 г. Пріѣздъ дьяковъ *Виніуса* и *Герасимова* въ 1702 г. съ царскимъ милостивымъ словомъ кн. *Черкасскимъ* и градскимъ жителямъ. Построеніе на р. *Исети Ухтускихъ* желѣзодѣлательныхъ заводовъ, а также и на р. *Аланашкѣ*. Уходъ крестьянъ въ 1705 г. съ алапаевскихъ заводовъ и разборъ дѣла *Астраханцевымъ* и *Максимымъ*. Наборъ солдатъ въ Сибири и Кунгурѣ *Андр. Романовымъ* и побѣгъ ихъ отъ службы. Такой же наборъ солдатъ съ монастырскихъ имѣній. Указы 1706 г. о запрещеніи торговли бѣлками и горносталями, о запрещеніи пропускать въ Тобольскъ бухарцевъ изъ степи и ходить за солью на *Ямышево* озеро (1707 г.).

4) *Февраля 3-го, 1698 г.*, пріѣхалъ въ Тобольскъ ближній боярин и воевода, Михайло Яковлевичъ *Черкасскій*, съ сыномъ *Петромъ* и съ дьякомъ *Обрютинымъ*. Это послѣдній воевода въ Тобольскѣ по нашей лѣтописи, да и вообще

въ исторіи воеводскаго управленія Тобольскомъ и Сибирью. Послѣ 1707 года, времени окончанія нашей лѣтописи, учреждена, какъ замѣчено нами выше, Петромъ I Сибирская губернія и въ Тобольскъ пріѣхалъ первый губернаторъ, князь Матвѣй Петровичъ *Гагаринъ*. Такимъ образомъ, лѣтопись наша представляетъ собою краткій конспектъ воеводскаго управленія Сибирью, съ самаго начала его возникновенія и до конца, т. е. времени учрежденія губерніи сибирской и перваго ея губернатора, кн. *Гагарина*.— За время послѣдняго воеводы тобольскаго (45 по счету), кн. *Черкасскаго*, описываются въ нашей лѣтописи слѣдующія событія.

Прежде всего, въ 1700 году, сентября 6-го, князь *Петръ Черкасскій* умеръ въ Тобольскѣ, а вмѣсто него, съ 1701 г. въ товарищи кн. *Михаилу Черкасскому* назначенъ другой его сынъ, *Алексѣй Черкасскій*, который въ 1704 г. отозванъ былъ въ Москву, а «съ Москвы въ Тобольскъ не бывалъ», хотя имя его было писано, какъ «въ грамотахъ великаго Государя съ Москвы», такъ равно и «во всякихъ Государевыхъ дѣлахъ» въ Тобольскѣ.

Послѣ *Обрютина* до 1708 года перемѣнилось нѣсколько дьяковъ и послѣднимъ дьякомъ съ 1708 года былъ Иванъ *Баутинъ*.

Въ спискѣ воеводъ за это время, бывшихъ по другимъ городамъ Сибири, позднѣйшимъ по времени показанъ томскій воевода *Полуэхтовъ*, назначенный въ Томскъ въ 1709 г. Въ Якутскъ, вмѣсто стольника и воеводы, Дороѳея Аѳанасьевича *Траніухта* въ 1702 г. посланъ былъ на воеводство стольникъ Василій *Поливановъ*. Дьяку *М. Романову* велѣно было у воеводы Д. Траніухта «якутскій городъ и на городѣ снарядъ, а въ приказной избѣ великаго Государя печать, всякую казну, дѣла и наказы воеводскіе» принять и, росписавшись съ Дороѳеемъ, отпустить его на новое воеводство въ Енисейскъ, а самому завѣдывать дѣлами Якутска до пріѣзда *Поливанова*, по пріѣздѣ же послѣдняго и по сдачѣ ему города, ѣхать въ Москву. Воевода *Поливановъ*, по дорогѣ въ Якутскъ, 1703 г. 18-го декабря, умеръ въ *Илимскѣ*, а воеводою въ Якутскѣ, по челобитью всякихъ чиновъ градскихъ якутскихъ людей, остался *Траніухтъ*, дьякъ же *Романовъ* билъ челомъ, чтобы его отпустить изъ Якутска къ Москвѣ и по его челобитью стольникъ и воевода *Д. Траніухтъ*, его, Макеима, сочтя и росписався, отпустилъ къ Москвѣ 1703 года, іюня въ 20 день. Въ слѣдующемъ 1704 году и самъ Траніухтъ, по указу великаго Государя, взятъ былъ къ Москвѣ, «присланъ былъ по него полковникъ *Федосѣй Юрьевъ* сынъ

Козинъ», а городъ Якутскъ до пріѣзда новаго воеводы велѣно было вѣдать «изъ якутскихъ дѣтей боярскихъ (не сказано кому)» (275).

Въ 1698 г. пріѣхалъ изъ Москвы въ Тобольскъ московскій дворянинъ *Иванъ Родіоновъ* сынъ *Кочановъ* «для переписи всякихъ пашенныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ и наклалъ на тяглыхъ людей, на лишніе ихъ пахоты, вновь всякаго тягла; и былъ у того переписного дѣла по 1705 г. отъ Р. Х., а отъ созданія міра по 7213 лѣта». Въ слѣдующемъ 1699 году пріѣзжалъ «съ Москвы въ Тобольскъ стольникъ Андрей Ивановичъ сынъ *Варлаковъ* отъ великаго Государя съ милостивымъ словомъ къ ближнимъ, боярину и воеводамъ, князю Михаилу Яковлевичу, къ стольнику князю Петру Михайловичу *Черкасскимъ* и къ дьякамъ и къ градскимъ всякихъ чиновъ людемъ».

Въ 1700 году «по указу великаго Государя и по грамотѣ, въ Тобольскомъ уѣздѣ вверхъ рѣки Исети, на рѣчкѣ Каменкѣ, заведены *каменскія* желѣзныя заводы и на тѣхъ заводѣхъ пушки и всякія военныя припасы и мартиры литы и желѣзо дѣлано. И тѣ пушки и всякія военныя припасы и желѣзо послано къ великому Государю къ Москвѣ. А устроенія тѣхъ заводовъ былъ тобольскій сынъ боярскій Иванъ *Астраханцевъ*». Въ томъ же году заведены желѣзные заводы и въ Верхотурскомъ уѣздѣ на рѣкѣ *Нейвѣ*, пониже рѣчки *Федковки*.

Въ 7208 г., по указу великаго Государя и по грамотѣ, велѣно въ Тобольску и во всѣхъ сибирскихъ городѣхъ и въ слободахъ, Государевыхъ во всякихъдѣлахъ, также и въ крѣпостныхъ, лѣта счислять и писать отъ Р. Хр., а хто похочетъ съ тѣмъ же лѣтами числить и писать, лѣта отъ сотворенія свѣта писать і велѣть же. И съ того числа съ 7208 году въ Тобольску начали писать 1700 году».

«Отъ Р. Х. 1701 году, іюня противъ 4-го числа», говоритъ лѣтописецъ, «учинился въ Тобольску на нижнемъ посадѣ пожаръ». Загорѣлося въ юртахъ и отъ того подъ горою сгорѣло множество дворовъ, а юрты всѣ выгорѣли безъ остатку. И отъ того пожару, на завтрѣ, во время святыя литургіи, изъ подгорья на горѣ загорѣлось, на софѣйскомъ дворѣ церковь Живоначальныя Троицы (10 л. назадъ тому послѣ пожара 1680 г. заложенная митр. Павломъ 1-мъ въ 1690 г.) и отъ того Софійскаго дому деревянное строеніе и на каменномъ строеніи кровли (т. е. загорѣлись). И отъ Софѣйскаго двора и пламя велій распаляшеся, и сгорѣли на горѣ церкви: входъ въ Іерусалимъ господа Бога, Нерукотвореннаго Образа, Петра и Павла и дѣвичь монастырь и колокольни, острогъ,

и дворъ гостиной, и башни, и торговые ряды, тюремной дворъ и *богадѣльни*—все безъ остатку сгорѣло, только на горѣ осталась церковь Николая Чюдотворца, что на прямскомъ звозѣ, да около тоя церкви 22 двора да въ другомъ мѣстѣ 6 дворовъ, около которыхъ вкругъ дворы обгорѣли, а тѣ дворы остались, да за острогомъ, которыя дворы съ малаго звозах калитке, остались (274 на обор.).

Въ 1702 г., октября 15. пріѣхали въ Тобольскъ думной дьякъ Андрей Андреевичъ *Виніусъ* и дьякъ Сибирскаго приказу Аѳонасій *Гарасимовъ* отъ великаго Государя съ милостивымъ словомъ къ ближнимъ боярину и воеводамъ, князю Михаилу Яковлевичу, къ стольнику князю Алексѣю Михайловичу *Черкасскимъ* и дьякамъ и ко всѣмъ градскимъ тобольскимъ всякихъ чиновъ людемъ. Изъ Тобольска къ Москвѣ поѣхали того жъ 1702 году, ноября въ 20 день.

Въ томъ же 1702 г. «по указу великаго Государя въ тобольскомъ уѣздѣ по р. Исети, выше Арамильскія слободы верстъ съ 6-ть на рѣкѣ *Ухтусѣ* заведены ухтускіе желѣзные заводы. И на тѣхъ заводѣхъ желѣзо *дылается* и военные припасы *лаются* и *посылаются* къ Москвѣ. Устроенія тѣхъ заводовъ былъ тобольскій сынъ боярскій Иванъ *Астраханцевъ*.» Въ слѣдующемъ 1703 году заведены желѣзные заводы въ Верхотурскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ *Алапаихѣ*. И о тѣхъ заводѣхъ въ 705 (1705) году верхотурскихъ слободъ отъ крестьянъ на стольника и воеводу Алексѣя *Валентина* и на приказчиковъ учинилося челобитіе: тѣ крестьяне съ того заводу сошли и заводъ остановился. Въ 706 году по грамотѣ великаго Государя о томъ для сыску былъ посланъ изъ Тобольска на Верхотурье дьякъ Матѳей *Маскинъ* (ранѣе, стр. 269, онъ названъ Максинъ), велѣно ему и городъ Верхотурье вѣдать да съ нимъ подъячему Александру *Симанову*. На алапаевской желѣзной заводъ, для управленія того завода, посланъ былъ тобольскій сынъ боярскій, Иванъ *Астраханцовъ*. И тотъ заводъ съ того времени учинился дѣйствителенъ» (л. 276).

Въ томъ же 1703 году пріѣзжалъ съ Москвы въ Сибирь Андреянъ Григорьевъ сынъ *Романовъ* «для выбору солдатъ къ Москвѣ. И бралъ онъ солдатъ въ Тобольску, въ Тюмени, на Верхотурье, въ Туринску, и на Пелыми изо всякихъ служивыхъ и тяглыхъ людей, такожъ изъ слободъ и съ ямовъ. И тѣхъ солдатъ взято къ Москвѣ половина въ 1704 году, другая половина взята 705 году. Да онъ же, дьякъ, писалъ солдатъ и на Кунгурѣ, а взяты тѣ солдаты къ Москвѣ съ Кунгура въ 705 году. И тѣ кунгур-

скія солдаты многія люди разбѣжались, да сибирскихъ слободъ солдаты убѣжали-жъ» (тамъ же). Въ 1705 году, по указу великаго Государя и по грамотѣ, въ Тобольску и на Тюмени и на Верхотурьѣ, въ уѣздахъ тѣхъ городовъ и въ слободахъ, изъ софѣйскихъ и съ монастырскихъ крестьянъ записаны въ солдаты съ тяглыхъ людей съ 20 дворовъ по человѣку. И тѣ солдаты учены стройству по станцамъ» (л. 276).

Въ 1706 году прислана съ Москвы въ Тобольскъ великаго Государя грамота: горностаями и бѣлками всякихъ чиновъ людемъ не торговать, а объявлять горностали и бѣлку, у кого есть, въ казну великаго Государя. А бухарцевъ изъ степи въ городъ (Тобольскъ) съ Тары не пропущать и не принимать, а торговать бухарцамъ на Тарѣ.

Въ 1707 году опять прислана въ Тобольскъ съ Москвы великаго Государя грамота: къ Ямышеву озеру по соль дощаниками ладить не велѣно. И по той великаго Государя грамотѣ, замѣчаетъ лѣтописецъ, къ *Ямышеву* озеру по соль въ 707 году отпуску не было (стр. 277).

Этимъ и заканчивается изложеніе событій гражданской исторіи Сибири за третій и послѣдній періодъ ея по нашей лѣтописи. Перейдемъ теперь къ изложенію церковно-историческихъ событій за пройденное нами время.

ГЛАВА X.

Церковно-историческія событія съ 1668 по 1707-й годъ.—Общая характеристика этого періода. Митрополитъ *Корнилій* (1668-1677 г.). Истребленіе церквей тобольскихъ и софійскаго двора пожарами 1672, 1674 и 1677 года. Смерть м. Корнилія въ Тобольскѣ. Митрополитъ *Павелъ I* (1678—1691 г.). Секта самосожигателей въ его время въ Сибири и пять случаевъ самосожженія: а) на р. *Березовкѣ* вверхъ Тобола рѣки въ 1679 г.; б) въ *Утяцкой* слободѣ (ок. Кургана) въ 1682 г; в) на рч. *Тегени* (около Тюмени) въ 1687 г.; г) въ *Киргинской* слободѣ на р. *Юрмычѣ* въ 1688 г. и д) на р. *Ишимѣ* въ *Куяровской* слободѣ въ 1687 году. Сожженіе раскольниками 400 человѣкъ православныхъ въ пасхальную заутреню 1687 года въ церкви с. Каменки ок. Тюмени. Общее число сгорѣвшихъ и сожженныхъ за время митроп. *Павла I* и мѣры, имъ предпринимавшіяся къ прекращенію сего зла. Митрополитъ *Павелъ*, какъ первый строитель каменныхъ церквей въ Сибири, и обстоятельства, побудившія его къ этому, т. е. пожары въ Тобольскѣ и его окрестностяхъ, бывшіе въ его время (1680 и 1686 г.). Построеніе и освященіе (1686 г.) новаго каменнаго кафедральнаго собора и колокольни каменной. Заботы митрополита о колоколахъ церковныхъ. Построеніе каменнаго двора софійскаго и въ немъ церквей: во имя св. Сергія Радонежскаго, Живоначальной Троицы и 40 мучениковъ. Построе-

ніе каменныхъ церквей въ с. Преображенскомъ (1691 г.) и Абалакскомъ около Тобольска и въ самомъ Тобольскѣ: Богородице-Владимирской (1691 г.) и Преображенскаго собора въ Знаменскомъ монастырѣ. Общая характеристика строительной дѣятельности митр. *Павла I.* и помощь ему въ этомъ дѣлѣ отъ Государей и царевны Софіи Алексѣевны. Выѣзды митрополита въ Москву въ 1682 и 1691 г. и смерть (1692 г.) на р. Чюкманѣ по дорогѣ въ Москву.

Описываемыя авторомъ разбираемой нами лѣтописи, церковно-историческія событія съ 1668 г. по 1707 годъ относятся ко времени слѣдующихъ, первыхъ пяти митрополитовъ сибирскихъ: *Корнилія* (1668—1677 г.), *Павла I* (1678—1691), *Игнатія Римскаго-Корсакова* (1692—1700). *Димитрія Туптало* (1700—1701 годъ) и *Филофея Лещинскаго* (съ 1701—1707 годъ). Передаваемыя лѣтописцемъ событія и факты изъ исторіи сибирской церкви за время этихъ митрополитовъ касаются по преимуществу внѣшняго только благоустройства православной церкви въ Сибири, какъ-то: поставленія новыхъ храмовъ (взамѣнъ старыхъ, весьма часто истреблявшихся пожарами), ихъ украшенія св. иконами, пріобрѣтенія въ нихъ колоколовъ и проч., а также назначенія и смерти митрополитовъ, выѣзда ихъ въ Москву по дѣламъ своей епархіи, распространенія русскаго раскола по Сибири и т. п. Всѣ эти событія происходили въ раіонѣ или одного только города Тобольска или же въ раіонѣ нынѣшней Тобольской епархіи и западной Сибири; о церковно-же исторической жизни Восточной Сибири въ нашей лѣтописи (упоминается одинъ только архиман. Матоей «бѣлою шапкою» въ Енисейскѣ) нѣтъ почти никакихъ указаній. Большая часть церковно-историческихъ событій и фактовъ за этотъ періодъ, передаваемыхъ лѣтописцемъ, упадаетъ, какъ и событія гражданской исторіи, на время митрополита *Павла I* (1677—1691), когда особенно сильно распространена была по Сибири секта самосожигателей и болѣе, чѣмъ при всѣхъ его предшественникахъ, построено было церквей въ Тобольскѣ, и *Игнатія Римскаго-Корсакова* (1692—1700), когда открыты были мощи св. Симеона Верхотурскаго, т. е. значитъ, на время тѣхъ же тобольскихъ воеводъ *А. П. Головина, Салтыкова, Нарышкина и Черкасскихъ.*

Начнемъ съ перваго митрополита сибирскаго, *Корнилія.* Послѣ разсказа о возведеніи на московскомъ соборѣ 1668 г. архіепископа Корнилія въ митрополичій санъ, въ нашей лѣтописи за время этого перваго митрополита сибирскаго (до 1677 г.) не описывается никакихъ за-

мѣчательныхъ событій, кромѣ истребленія церквей тобольскихъ и построекъ архіерейскихъ пожарами. Такъ, 25 марта 1672 г. сгорѣла «на горѣ въ рубленномъ городѣ» древняя церковь Вознесенія Господня; въ 1674 г., 18 апрѣля, въ великую субботу, въ 10-мъ часу дня, въ знаменскомъ монастырѣ митрополичьи хоромы и святыя врата сгорѣли, наконецъ, въ общій пожаръ города Тобольска 1677 г., 29-го мая, въ 13 часу дня, сгорѣли подъ горою отъ молніи въ Знаменскомъ монастырѣ 3 церкви, а на горѣ въ то же время и часъ сгорѣло четыре церкви, да церковь соборная (св. Софіи, освященная архіеп. *Герасимомъ* въ 1649 г.) и софійскій дворъ, т. е. архіерейскій домъ «весь безъ остатку». Въ концѣ того же 1677 года «противъ 24 числа декабря, ночью, въ Тобольскомъ Знаменскомъ монастырѣ, преставися,» говоритъ лѣтописецъ, «преосвященный *Корнилій*, митрополитъ Сибирскій и Тобольскій, въ вѣчный покой. Въ Сибири, въ Тобольску пасъ церковь Божію въ архіепископѣхъ лѣта четыре, а первопрестольникомъ въ митрополитахъ 10 лѣтъ.

Преемникъ митрополита Корнилія, *Павелъ I* «преосвященъ и поставленъ на Москвѣ на престолъ Сибирскіе церкви въ митрополиты» въ 1678 году, іюля 21-го, взятъ изъ Чюдова монастыря, гдѣ былъ архимандритомъ (членомъ патріаршаго разряда и духовникомъ царевны Софіи); въ Тобольскъ пріѣхалъ на епархію въ 1679 году, 25-го марта. При этомъ митрополитѣ, какъ мы выше сказали, особенно сильно распространена была по Сибири секта самосожигателей, въ нашей лѣтописи передаются слѣдующіе пять случаевъ самосожженія за время митрополита Павла I-го. Прежде всего, въ самый годъ пріѣзда этого митрополита въ Тобольскъ, т. е. въ 1679 г. «въ Тобольскомъ уѣздѣ, вверхъ Тобола рѣки, на рѣчкѣ *Березовкѣ*, собравшися», говоритъ лѣтописецъ, «тобольскаго, верхотурскаго и тюменскаго изъ уѣздовъ и изъ городовъ всякихъ жителей съ женами и съ дѣтьми и съ животами во дворы раскольщиковъ 2700 душъ христіанскихъ сгорѣло, прельщены ученіемъ неправымъ бывшаго попа тюменца *Даніила*, а черническое имя ему *Доментіянъ*, и съ его прелестнаго воровскаго ученія учениками» (стр. 234 на обор.) Въ этомъ же 1679 г. освященъ былъ въ Енисейскъ и архимандритъ *Матоей* съ бѣлою шапкою. Въ 1682-мъ году, въ Тобольскомъ же уѣздѣ, вверхъ по Тоболу рѣкѣ, въ *Утяцкой* слободѣ (въ 50 в. отъ города Кургана), собрались, по словамъ лѣтописца, ста съ четыре (400), съ женами и съ дѣтьми и съ животами раскольщиковъ ученія тѣхъ же прелестниковъ старцевъ (не сказано, какихъ именно,

должно быть, того же «попа *Доментіана*»), и, въ тѣхъ дворахъ запершися, сгорѣли слобоцкихъ жителей неученыхъ Божественнаго писанія» (стр. 239 на об.) Подъ 1687 и 1688 годами передается три случая самосожженія въ лѣтописи: 1) Въ Тюменскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ *Тегени*, отъ Тюмени въ 50 верстахъ, «собрался, говоритъ лѣтописецъ, противники церковныхъ раскольщики, простыя мужики, не умѣющія Божественнаго писанія, съ женами и съ дѣтьми, во дворъ къ мужику, человѣкъ съ 300 и больше сгорѣли». 2) «Того жъ году на р. *Пышмѣ Куяровскія* слободы въ деревнѣ Буровиковѣ, собрались раскольщики въ одинъ дворъ къ мужику, человѣкъ ста съ полтора и больше, съ женами и съ дѣтьми, сгорѣли жъ», 3) «Да Тобольскаго уѣзду въ Кирчинской слободѣ, въ деревнѣ Наюрмыче, собрався раскольщики въ одинъ дворъ къ мужику, человѣкъ съ 50 и больше, съ женами жъ и съ дѣтьми, сгорѣли жъ въ 196 (1688) году» (стр. 249 на об.). Помимо приведенныхъ нами сейчасъ пяти случаевъ самосожженія, въ нашей лѣтописи разсказывается еще за время митрополита Павла I одинъ такой случай, когда сами раскольники сожгли православныхъ въ храмѣ, во время пасхальной заутрени. Въ лѣтописи объ этомъ разсказывается такъ: «Въ 195 (1687) году, въ Тюменскомъ уѣздѣ въ селѣ на *Каменкѣ*, отъ Тюмени въ 20 верстахъ, на Свѣтлое Христово Воскресеніе собрались къ заутрешнему пѣнію всякихъ чиновъ люди, тутошныя жители и уѣздныя, и изъ иныхъ деревень съ женами и съ дѣтьми, человѣкъ съ 400. Во время этого утренняго пѣнія та церковь подъ трапезою внутрь ея и подъ папертію загорѣлась великимъ огнемъ. Единаго часу со святыми иконами и со всею церковною утварью и со всѣми людьми сгорѣла, знатно заводомъ и умысломъ противниковъ церковныхъ,— раскольщиковъ и мятежниковъ. «А изъ того пожара», замѣчаетъ лѣтописецъ, «въ окна церковныя многія люди бросалися вонъ, но высоты ради убивались до смерти, а иные ломали руки и ноги». (стр. 249). Такимъ образомъ изъ содержащихся въ нашей лѣтописи извѣстій о самосожигателяхъ видно, что въ продолженіи 8 лѣтъ, за время митрополита Павла I сгорѣло всего христіанъ 4000, изъ которыхъ 3600 сами себя сожгли, а 400 сожжены были фанатиками раскольниками. О мѣрахъ, какія предпринимаемы были митрополитомъ для борьбы съ этимъ ужаснымъ зломъ современнаго ему сибирскаго общества, нѣтъ въ нашей лѣтописи никакихъ указаній, хотя извѣстно изъ другихъ источниковъ (записная кн. тоб. као. соб. и др.), что онъ не оставался

праздным зрителем этого народнаго бѣдствія. Такъ, въ 1686 г. митрополитъ Павелъ I посылалъ, наприм., на р. *Юрмычъ*, Верхотурскаго уѣзда, соборнаго ключаря, *Ивана Васильева*, для увѣщанія раскольниковъ, собравшихся для самосожженія въ количествѣ 125 душъ. Увѣщанія эти имѣли успѣхъ и проч.

Преосвященный Павелъ I пріѣхалъ на свою каѳедру вскорѣ послѣ бывшаго въ 1677 г. сильнаго пожара, истребившаго не только городъ и постройки частныхъ лицъ, но даже «и церковь соборную и софѣйской дворъ весь безъ остатку». Предшественникъ Павла I, митрополитъ Корнилій, не имѣлъ, какъ видно, передъ своею смертью ни кафедральной церкви, ни даже пристанища для себя, и послѣдніе дни свей жизни провелъ въ Знаменскомъ монастырѣ (тоже весьма сильно потерпѣвшемъ отъ пожаровъ 1674 и 1677 г.), гдѣ и скончался. Страшные пожары, истребившіе городъ Тобольскъ, продолжали свирѣпствовать и при митрополитѣ Павлѣ I и не только въ самомъ городѣ Тобольскѣ, но даже и въ его окрестностяхъ. Такъ, на второй годъ, по пріѣздѣ новаго митрополита въ Тобольскъ, т. е. въ 1680 году, 17 мая, въ с. *Абалакъ* (монастырь съ чудотворной иконой Богоматери въ 25 верстахъ отъ г. Тобольска) сгорѣло отъ молніи двѣ церкви и колокольня. Въ томъ же году, 7-го августа, въ 8 часовъ дня, въ самомъ городѣ Тобольскѣ, при общемъ пожарѣ въ нагорной и подгорной частяхъ города, подъ горой сгорѣла Богоявленская церковь съ колокольней, а на горѣ церковь Вознесенская (второй разъ послѣ пожара 1672 г. и въ 1681 г. снова построенная) и Живоначальной Троицы. Наконецъ, въ страшный пожаръ 1686 г., противъ 26-го числа апрѣля, въ 6 часу ночи, сгорѣла въ Тобольскѣ Богоявленская церковь съ колокольней. Всѣ эти столь частые пожары побудили, по всей вѣроятности, митрополита Павла I приступить къ постройкѣ каменныхъ церквей, вмѣсто сгорѣвшихъ деревянныхъ; такимъ образомъ, этотъ митрополитъ является первымъ строителемъ каменныхъ зданій во всей Сибири, положившимъ начало каменному зодчеству въ этой странѣ (конечно, только со времени покоренія ея русскими). Первымъ дѣломъ, по пріѣздѣ въ Тобольскъ, для митрополита Павла I было—озаботиться построеніемъ новаго каменнаго собора, вмѣсто погорѣвшаго при его предшественникѣ м. Корнилія, деревяннаго. «Въ 189 году (1681), іюля въ 3 день, въ Сибири, въ Тобольску,» сказано въ нашей лѣтописи, «начали рвы копати, гдѣ быть соборной и апостольской церкви

каменной», а въ 1683 году, 29-го апрѣля, «учали работать и созидать соборную церковь каменную». Въ 1684 году, іюля въ 26 день, «мало не довершиша большую шію церкви, волею Божіею паде тоя церкви верхъ внутрь ея, понеже», замѣчаетъ лѣтописецъ, столпы тонкости ради неудержаше великія тяжести; паде въ ночное время, а людей Богъ милостію своею сохранилъ. Съ 105-го [1]) (1687) году начали созидати второе соборную церковь. А совершена и освящена бысть соборная и апостольская церковь каменная въ 105 (нужно въ 195-1686) году, октября въ 27 день, преосвященнымъ Павломъ митрополитомъ сибирскимъ и тобольскимъ, со освященнымъ соборомъ.» (л. 235 и 236). Къ каменному собору построена митрополитомъ Павломъ и колокольня каменная. «Въ 191 году (1683), іюля 22 день, въ недѣлю, на софійскомъ дворѣ», говоритъ лѣтописецъ, начали рвы копать, гдѣ быть каменной колокольнѣ, а совершена въ 193 (1685) году» (стр. 240). Колокола на вновь построенную колокольню пріобрѣтены были митрополитомъ Павломъ I еще до окончанія постройки ея. «Въ 188 (1680) году привезены въ Тоболескъ», сказано въ нашей лѣтописи, «съ Москвы къ соборной церкви три колокола большихъ: одинъ въ 160 пудъ, другой въ 103 пуда, третій въ 40 пудъ, марта въ 18 день (стр. 235) Въ 192 (1684) году, мая въ 17 день, привезенъ въ Тоболескъ съ Москвы на софѣйской дворъ колоколъ въ 300 пудъ, а на Москвѣ литъ въ 193 году (должно быть, въ 191, т. е. 1683 г.) по благословенію великаго Господина преосвященнаго Павла, митрополита сибирскаго и тобольскаго, на домовыя и казенныя деньги» (стр. 242). Помимо этихъ колоколовъ, митрополитомъ Павломъ же заказанъ былъ колоколъ въ 565 п. вѣсомъ, полученный въ Тобольскѣ уже преемникомъ его, митрополитомъ *Игнатіемъ*, въ 1693 г. Построивъ каменный каѳедральный соборъ съ колокольнею, митрополитъ Павелъ I заново отстроилъ и весь софійскій дворъ каменный же. Въ лѣтописи нашей говорится, что «въ 194 (1696) году въ Тобольску на софѣйскомъ дворѣ заложены каменныя святыя врата, на нихъ церковь во имя Чюдотворца Сергія Радонежскаго, на стѣны каменныя жъ и башни». (стр. 243). Митрополитъ Павелъ для лучшей и болѣе прочной обстановки «Софійскаго двора» не жалѣлъ даже и своихъ собственныхъ «келейныхъ денегъ». Такъ, нашъ лѣтописецъ говоритъ, что въ 198 году (1690), по благословенію и велѣнію преосвященнаго Павла, митрополита сибирскаго и то-

[1]) Ошибка; должно быть, съ 193 или съ 194, т е. съ 1685 г.

больскаго, на горѣ, подлѣ городовой стѣны, заложена каменная церковь во имя Живоначальной Троицы (послѣ пожара 1680 г.), а совершена и освящена сентября въ 3 день, 719 (недописано) году. А отстроена на софѣйскія казенныя и на его *келейныя архіерейскія деньги* ѣ «*по сю обыщанію*», замѣчаетъ лѣтописецъ (стр. 253). На софійскомъ же дворѣ построена была еще митрополитомъ Павломъ I и домовая архіерейская, или, какъ называетъ ее лѣтописецъ «у палатъ сѣнная» церковь 40 мучениковъ «иже въ Севастійскомъ езерѣ»; неизвѣстно только, была ли эта церковь каменная или деревянная. Въ нашей лѣтописи объ этой церкви сказано такъ: «въ 199 (1690) году, сентября въ 17 день, заложена въ Тобольску на софѣйскомъ дворѣ у палатъ сѣнная церковь, во имя святыхъ мучениковъ четыредесять, иже въ Севастійскомъ езерѣ, а совершена и освящена того жъ 199 (1690) году, октября въ 13 день» (стр. 255).[1])

Митрополитъ Павелъ, отстроивъ Софійскій дворъ, заботился о построеніи каменныхъ церквей даже и въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Софійскому двору. Такъ, напр., въ 1690 году заложена была митрополитомъ Павломъ каменная церковь въ с. *Преображенскомъ* (въ 20 верст. отъ г. Тобольска), принадлежавшемъ Софійскому дому. «Въ 199 (1690) году, октября въ 5 день, Софійскаго дому въ селѣ *Преображенскомъ*,» говоритъ лѣтописецъ, «заложена каменная церковь во имя Боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, а совершена и освящена въ 7200 (1691) году, сентября въ 30 день» (стр. 254). Изъ загородныхъ церквей гор. Тобольска митрополитомъ Павломъ построена еще въ 1683—1690 г. каменная церковь Знаменія Божіей Матери въ с. *Абалакскомъ*, взамѣнъ двухъ деревянныхъ, 1680 г. сгорѣвшихъ отъ молніи. «Въ 7191 (1683) году, іюля въ 5 день», говоритъ лѣтописецъ, «въ Тобольскомъ уѣздѣ, въ селѣ Абалаки именуемомъ, заложена каменная церковь, во имя Пресвятыя Богородицы, честнаго ея знаменія, иже въ великомъ Новѣградѣ, а совершена и освящена преосвященнымъ Павломъ, митрополитомъ сибирскимъ и тобольскимъ, со освященнымъ соборомъ октября въ 8 день, 199 (1690) году» (стр. 254). Въ самомъ г. Тобольскѣ при митрополитѣ Павлѣ I въ подгорной части построено было двѣ каменныя церкви: одна «у торгу» (т. е. на базарѣ, гдѣ и понынѣ

[1]) Несомнѣнно церковь была деревянная, такъ какъ строилась меньше мѣсяца.

Редакторъ.

стоитъ), во имя Пресвятыя Богородицы Владимирскія, заложена въ 1691 году, 23 іюля, другая въ Тобольскомъ знаменскомъ монастырѣ во имя Преображенія Господня. О послѣдней въ нашей лѣтописи сказано: «а въ 193(1685) году, по благословенію великаго господина Преосвященнаго Павла, митрополита сибирскаго и тобольскаго, подъ горою въ знаменскомъ монастырѣ, а труды и тщаніе тоя пречестныя обители архимандрита *Матвея*, иже о Христѣ съ братіею, заложена каменная церковь, во имя Боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, а совершена та новосозиждущаяся каменная церковь и освящена въ 199 (1690) году, сентября въ 6 день» (стр. 243).

Вообще же за одиннадцатилѣтній періодъ управленія Павла I сибирской епархіей, какъ видно изъ нашей лѣтописи, построены были въ Тобольскѣ слѣдующія каменныя зданія: на горѣ каменныя стѣны съ башнями вокругъ всего Софійскаго двора, а на самомъ дворѣ церковь соборная съ каменной колокольней при ней, церковь Живоначальныя Троицы, св. Сергія Радонежскаго и 40 мучениковъ; подъ горою церковь Преображенія Господня въ Знаменскомъ монастырѣ и церковь Владимирской Божіей матери у торгу. Кромѣ того, въ *Абалакскомъ* монастырѣ построена церковь Знаменія Божіей Матери, а въ с. *Преображенскомъ* церковь Преображенія Господня. Слѣдовательно, всего митрополитомъ Павломъ I построено 8 каменныхъ церквей и колокольня и каменная ограда вокругъ всего Софійскаго двора съ башнями и вратами, что, при сравнительной непродолжительности управленія его сибирской епархіей, принимая во вниманіе также новость и трудность каменнаго зодчества для тогдашней Сибири, должно признать довольно почтенною цыфрою. Если бы всѣ послѣдующіе архипастыри сибирскіе оставляли послѣ себя въ Тобольскѣ по стольку же и такихъ же памятниковъ своего управленія епархіей, какъ Павелъ I, то до сихъ поръ Тобольскъ былъ бы богатѣйшимъ и громаднѣйшимъ городомъ во всей Россіи по своимъ церквамъ и каменнымъ зданіямъ. Церкви, построенныя м. Павломъ I (соборъ, церковь Преображенія, Богородицкая и др.), и до сихъ поръ считаются лучшими въ Тобольскѣ; такъ что этотъ митрополитъ до нѣкоторой степени имѣлъ право сказать о себѣ (по примѣру Августа Кесаря), что «онъ засталъ Тобольскъ деревяннымъ, а оставилъ его каменнымъ». Всѣ произведенныя м. Павломъ каменныя сооруженія въ Сибири, за время его управленія епархіей, требовали, конечно, судя по недостатку строительнаго матеріала и отсутствію зодчихъ въ

то время, большихъ заботъ и чрезвычайныхъ расходовъ: но въ этомъ отношеніи митрополитъ имѣлъ, какъ узнаемъ изъ другихъ источниковъ [1]), большую помощь и поддержку при московскомъ дворѣ, какъ бывшій духовникъ царевны Софіи Алексѣевны и членъ патріаршаго разряда. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ и царевна Софья, сдѣлавшаяся потомъ правительницею государства, много помогали своему тобольскому богомольцу въ заведеніи имъ каменнаго зодчества въ Сибири и въ построеніи Софійскаго двора, собора и церквей въ Тобольскѣ. Такъ, *царь Ѳедоръ присылалъ ему изъ Москвы* въ Тобольскъ колокола церковные, желѣзо (682 п.) для связей, каменщиковъ (5) и кирпичниковъ (20), давалъ своихъ, Государевыхъ крестьянъ для работъ и проч. Точно также помогала митрополиту Павлу всѣмъ необходимымъ для благолѣпія устрояемыхъ имъ храмовъ и царевна Софія съ братьями, Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами.

Неизвѣстно, часто ли ѣздилъ митрополитъ Павелъ I изъ Тобольска къ своимъ благодѣтелямъ государямъ для отправленія чреды своей въ царствующемъ градѣ Москвѣ. Въ нашей лѣтописи упоминается только о двухъ его выѣздахъ изъ Тобольска въ Москву. Въ первый разъ «по указу великаго *Государя* (*Ѳедора Алексѣевича*) и по грамотѣ, «поѣхалъ»; говоритъ лѣтописецъ «изъ Тобольска къ Москвѣ преосвященный Павелъ, митрополитъ сибирскій и тобольскій, въ 190 (1682 г.), а съ Москвы въ Сибирь въ Тоболескъ пріѣхалъ въ 191 (1683) году, января въ 3-й день» (стр. 238). Передъ вторымъ выѣздомъ своимъ въ Москву 1691 г., 16 го іюня, митрополитъ Павелъ I заскорбѣлъ «скоропостижно болѣзнію» и былъ боленъ до послѣднихъ чиселъ августа мѣсяца; а черезъ два съ половиной мѣсяца, 15 декабря того же года, не совсѣмъ еще оправившись отъ болѣзни, по указу великихъ Государей, Іоанна и Петра Алексѣевичей, отправился изъ Тобольска, въ путь къ Москвѣ, но «въ дорогѣ *волею Божіею болѣзнь ему паки усугубися*» и онъ, не «доѣзжая Соли Камской, на верхотурскомъ волоку зовомомъ *Начикмань*», умеръ 3-го января, 1692 года. Въ нашей лѣтописи разсказывается такъ объ этомъ: «199(1691) году, іюня противъ 26 числа, во дни девятаго часу, волею и судомъ праведнаго Бога, въ Тобольску преосвященный Павелъ митрополитъ заскорбѣлъ скоропостижною болѣзнію и въ то злое время и часъ отнялся отъ него языкъ, и правая рука, и нога и память, и бысть, яко младенецъ, противъ августа до послѣднихъ чиселъ. Въ 199 году, по указу ве-

[1]) Тоб. Епарх. Вѣдомости за 1883 г.

ликихъ государей и по грамотѣ, преосвященный Павелъ митрополитъ поѣхалъ изъ Тобольска къ Москвѣ декабря въ 15 день, а въ дорогѣ волею Божіею болѣзнь ему паки усугубися, не доѣхалъ Соли Камской, на верхотурскомъ волоку зовомомъ *Начикманъ*, преосвященный Павелъ митрополитъ умре, генваря въ 4 день. Въ Сибири въ Тобольску пасъ церковь Божію 11 лѣтъ» (стр. 257).

ГЛАВА XI.

Митрополитъ Игнатій Римскій-Корсаковъ (1692—1700 г.) Прибытіе его въ Тобольскъ въ 1693 г., первая литургія и проповѣдь. Привезенъ въ Тобольскъ колоколъ въ 565 пуд. (въ 1693 г.), *построенъ по обѣщанію боярина А. Ѳ. Нарышкина* кіотъ рѣзной золоченый къ чудотворной иконѣ Всемилостиваго Спаса (въ 1694 г.) и сѣнь на Іордань (въ 1695 г.), росписанная св. иконами тоб. сыномъ *боярскимъ Семеномъ Ремезовымъ*. Обрѣтеніе св. мощей *Симеона* праведнаго въ с. *Меркушинѣ* и перенесеніе ихъ митроп. Игнатіемъ изъ часовни въ церковь св. архистратига Михаила въ томъ же (1695 г.) селѣ. Перенесеніе мощей св. *Симеона* праведнаго, по благословенію митрополита *Филовея* Лещинскаго, въ Верхотурскій Николаевскій монастырь. Розыскъ про софійскихъ дѣтей боярскихъ въ 1698 г. и наказаніе трохъ изъ нихъ: Нѣмчинова, Толстоухова и Захарова. Кончина митроп. Игнатія въ 1700 году въ Москвѣ и погребеніе въ московскомъ Симоновомъ Спасскомъ монастырѣ. Назначеніе въ Тобольскъ митрополитомъ *Дмитрія* (Туптало) и отъѣздъ его на митрополію въ Ростовъ въ 1701 г. Назначеніе на сибирскую митрополію *Филовея Лещинскаго* и прибытіе его въ Тоб. въ 1702 г. Пожаръ, бывшій предъ его пріѣздомъ въ 1701 году, истребившій тобольскія церкви, построенныя митроп. Павломъ 1-мъ. Построеніе митроп. Филофеемъ каменной церкви при соборѣ въ память Антонія и Ѳеодосія печерскихъ. Поѣздка митрополита въ Москву съ 1705 по 1707-й годъ и возвращеніе въ Тобольскъ съ еписк. Варлаамомъ (Косовскимъ), который выѣхалъ въ Иркутскъ въ томъ же году (1707-мъ)

Преемникъ митр. Павлу I поставленъ былъ въ томъ же 1692 г., т. е., въ годъ смерти его. «7200 (1692) году, апрѣля въ 3 день, въ недѣлю Ѳомину по Пасцѣ», говоритъ лѣтописецъ, «позваніемъ въ Троицѣ славимаго Бога, благословеніемъ великихъ Государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцевъ, велѣніемъ же и благословеніемъ великаго Господина и Отца, святѣйшаго Киръ Адріяна архіепископа московскаго і всея сѣверныя страны патріарха, избраніемъ преосвященныхъ митрополитовъ і архіепископовъ і епископовъ і всего освященнаго собора, въ Сибирское царство въ Богоспасаемый градъ Тоболескъ, соборныя и апостольскія церкви Софѣи премудрости слова

Божія, на престолъ митрополіи преосвященъ і поставленъ въ митрополиты *Ипатій* архимандритъ; взятъ на Москвѣ изъ Спасскаго монастыря, съ новаго, рекомый *Корсаковъ-Римскій*, прежде бывый царскаго величества стольникъ» (стр. 257 на об.). О времени пріѣзда м. Игнатія въ Тобольскъ на свою каѳедру въ нашей лѣтописи есть два извѣстія: одно на 253 стр., другое, болѣе подробное, на 277-й, въ самомъ концѣ рукописи. Приводимъ здѣсь то и другое. Первое: «мѣсяца февраля, въ 15 день, 7201-го (1693) года, въ недѣлю, пріѣхалъ съ Москвы въ Тоболескъ на архіерейскій престолъ Сибирскія епархіи преосвященный *Игнатій*, митрополитъ сибирскій и тобольскій, і въ той день въ соборной и апостольстѣй церкви Софіи премудрости слова Божія служилъ божественную литургію со освященнымъ соборомъ, праздновалъ святителю Алексѣю, митрополиту московскому і всея Росіи чюдотворцу». Второе: «преосвященный *Игнатій* митрополитъ въ Сибирь во градъ Тоболескъ пріѣхалъ въ 201 (1693) году, февраля въ 12 день, въ недѣлю, і изъ Знаменскаго монастыря пошелъ со святыми иконами до башни базарнаго взоза въ 3 часа дни, а въ соборную апостольскую церковь пришель 3 часа съ четвертью дни и отслужилъ литургію въ 7 часу дни. А грамоту его святительскую благословенную читалъ въ соборной апостольстѣй церкви соборной ключарь *Іванъ Васильевъ*, а преосвященный *Игнатій* митрополитъ, выслушавъ тую грамоту, наказывалъ изъ устъ своихъ о покаяніи и о любвѣ, и о душевной и тѣлесной добродѣтели». Непосредственно за этой замѣткой, приведенной лѣтописцемъ безъ всякаго отношенія къ предыдущему, слѣдуетъ: «конецъ, Богу нашему слава!» и лѣтопись на этомъ оканчивается. Упоминаемый здѣсь соборный ключарь *Иванъ Васильевъ* тотъ самый, который въ 1686 г. митрополитомъ Павломъ I былъ посланъ въ верхотурскій уѣздъ на р. Юрмычъ вмѣстѣ съ боярскимъ сыномъ Аѳанасіемъ *Ушаковымъ* и подъячимъ *Стефаномъ* для увѣщанія раскольниковъ, собравшихся для самосожженія въ количествѣ 125 душъ (см. Тоб. Епарх. Вѣд. за 1883 г., стр. 455 и записную кн. р-кн. соб., стр. 85).

Перечислимъ событія и факты по церковной исторіи Сибири за время митрополита *Ипатія* Римскаго-Корсакова, заключающіеся въ нашей лѣтописи. Въ годъ пріѣзда этого митрополита въ Тобольскъ, т. е. въ 7201 (1693) году, мая въ 14 день, въ среду, привезенъ, говоритъ лѣтописецъ, «въ Тоболескъ къ церкви святой Софіи премудрости слова Божія колоколъ вѣсомъ въ 565 пудъ:

литъ въ Москвѣ на домовыя софѣйскія казенныя деньги, благословеніемъ преосвященнаго Павла, митрополита сибирскаго и тобольскаго въ 198(1690 г.), литъ мастеромъ Оедоромъ Моторинымъ» (стр. 261). Въ томъ же 1693 году, 17 сентября, «въ соборной и апостольской церкви, къ Всемилостивому Спасу, къ чюдотворной Его святой иконѣ, построилъ по обѣщанію своему ближней стольникъ и воевода, Андрей Оедоровичъ *Нарышкинъ*, кіотъ рѣзной золоченый; съ серебромъ и съ красками, съ корунами, построенъ дивно (стр. 264). - Въ слѣдующемъ «въ 7202(1694) году, генваря къ 6-му числу, къ празднику на Богоявленіе Господа Бога і Спаса Нашего Іисуса Христа, благословеніемъ митрополита *Игнатія*, сибирскаго и тобольскаго, повелѣніемъ ближняго стольника и воеводы, Андрея Оеодоровича *Нарышкина* съ товарищи, построена изъ государевой казны со святыми иконами сѣнь на Іордань для освященія святыхъ Богоявленскихъ водъ. Августа мѣсяца 1-го числа писана (т. е. сѣнь) золотомъ съ красками, а писалъ съ поспѣхомъ въ 4 дня сынъ боярской *Семенъ Ремезовъ*[1]) съ иконники.

Подъ 1695 годомъ слѣдующимъ образомъ описывается въ лѣтописи открытіе мощей св. Сумеона Верхотурскаго: «Въ лѣто 7203 году, въ Сибири, Верхотурскаго уѣзду, въ селѣ, именуемомъ *Меркушинѣ*, у церкви святого архистратига Божія Михаила, Господь Богъ проявилъ вышедшія отъ земныхъ нѣдръ честныя, святыя, многоцѣлебныя мощи святаго Божія угодника, праведнаго Сумеона. Услышано же о семъ бысть въ богоспасаемомъ градѣ Тобольску преосвященному *Игнатію*, митрополиту сибирскому і тобольскому, і градскимъ начальникомъ, тако жъ і живущимъ въ градѣ Тобольску православнымъ христьянамъ. Слышавше таковыя Божія дарованія во градѣ Тобольску, архіереи і градскіе начальники і жители о таковомъ Божіемъ дарованіи зѣло возрадовашеся. Но обаче Архіерей Божій со священнымъ соборомъ потщася, дабы оныя святыя мощи новаго святаго угодника видѣти, абіе, взявъ съ собою священнаго и монашескаго чиновъ, духовныхъ іскусныхъ мужей, путному шествію касается Божіею помощію достизаютъ до онаго мѣста и церкви архистратига Божія Михаила, иже въ верхотурскомъ уѣздѣ, въ *Меркушинѣ* селѣ, идѣже явились угодника Божія мощи, изшедшія изъ земли. Увѣдавъ отъ іереевъ тоя святыя церкви, со страхомъ великимъ и со всеусердною любовью и желаніемъ

[1]) Авторъ такъ называемой *Кунгурской или Ремезовской* лѣтописи.

воздавше Богу благодареніе, приступиша къ тѣмъ святымъ мощамъ. Егда же Архіерей откры тыя святыя мощи и абіе отъ мощей святого изыде благоуханіе, і мощи явишася цѣлы і многа чудеса быша отъ тѣхъ святыхъ мощей. Святитель же Божій, видя оныя святыя мощи, яко святи и чюдодѣйственны, взя изъ часовни честью и принесоша въ вышеписанную церковь Архистратига Божія Михаила. И стояли тѣ святыя мощи въ той церкви не мало время, чюдодѣйствоваху. Слышащи народи рускихъ и сибирскихъ странъ, отдалече стекахуся ко сной св. церкви, угодника Божія мощи лобызаху и благодарственная возсылаху и вси милость получаху, съ радостію и съ цѣльбами отъ нашедшихъ вредовъ во свояси возвращахуся» (стр. 264—265).

Непосредственно же за этимъ слѣдуетъ и замѣтка о перенесеніи мощей св. праведнаго *Симеона* изъ *Меркушина* въ г. *Верхотурье*, въ *Николаевскій* монастырь, по благословенію уже митрополита *Филофея* (Лещинскаго). «Лѣта отъ Р. Х. 1700-мъ году» (годъ показанъ ошибочно, должно быть 1702 или 1703-го), сказано въ лѣтописи, «оныя святыя мощи угодника Божія, праведнаго *Симеона*, по благословенію преосвященнаго *Филофея*, митрополита сибирскаго и тобольскаго, Верхотуровскаго Николаевскаго монастыря архимандритъ *Израиль* со священными мужи изъ тоя архангельскія церкви (въ с. *Меркушинѣ*) принесъ въ градъ Верхотурье и поставиша въ Николаевскомъ монастырѣ, въ теплой церкви Николая Чюдотворца, противъ праваго клироса. И тамо отъ мощей святаго, замѣчаетъ лѣтописецъ, быша многія исцѣленія и чюдеса съ вѣрою приходящимъ къ мощемъ его» (стр. 265 на обор.).

Въ 1698 г., по указу великаго Государя и по грамотѣ, былъ въ Тобольску, по словамъ лѣтописи, «въ приказной палатѣ розыскъ про софѣйскихъ дѣтей боярскихъ, которыя были въ посылкахъ отъ архіереевъ и управленія церковныхъ догматъ и духовныхъ дѣлъ. И по тѣмъ розыскамъ, по отпискамъ воеводскимъ и по челобитью тюменскихъ и туринскихъ всякихъ чиновъ людей, софѣйскаго дому сынъ боярской (который былъ въ Софѣйскомъ дому приказнымъ человѣкомъ), Осипъ *Немчиновъ*, сосланъ былъ въ ссылку (не сказано, куда именно) и на дорогѣ въ Самаровскомъ яму умре. Да софѣйскія-жъ дѣти боярскія: Василей *Толстоуховъ*, Іванъ *Захаровъ*, биты кнутомъ и сосланы въ ссылку въ Якутскъ, а которые взятки они брали съ тюменскихъ и съ туринскихъ и съ слободскихъ жителей, и оное на нихъ доправлено и отдано челобитчикамъ» (стр. 245).

Въ 1700 году, «поѣхалъ,» говоритъ лѣтописецъ, «изъ Тобольска къ Москвѣ, по грамотѣ великаго Государя, преосвященный *Игнатій*, митрополитъ сибирскій и тобольскій, и на Москвѣ волею Всещедраго Владыки отъиде къ Богу въ вѣчное блаженство; погребенъ бысть на Москвѣ въ *Спасскомъ Симоновѣ* монастырѣ, а на его мѣсто въ митрополиты поставленъ *Димитрій*, который взятъ былъ изъ Кіева. И въ 701 году преосвященный митрополитъ *Димитрій* съ Москвы посланъ на митрополію въ *Ростовъ*, а въ Сибирь въ Тоболескъ поставленъ вновь на Москвѣ преосвященный митрополитъ *Филоѳей* въ 702 году, взятъ изъ Кіева. Въ Тоболескъ митрополитъ сибирскій и тобольскій Филоѳей на архіерейскій престолъ свой пріѣхалъ въ 702 г., апрѣля въ 4 день, въ великую субботу» (стр. 274). По пріѣздѣ въ Тобольскъ, м. *Филоѳей* построенный Павломъ I каменный софійскій дворъ съ находившимися на немъ каменными же церквами засталъ въ совершенномъ разрушеніи, такъ какъ отъ бывшаго предъ пріѣздомъ его, въ 1701-мъ году, 4-го іюня, пожара (см. выше) въ нагорной части гор. Тобольска осталась, по словамъ лѣтописца, «одна только церковь Николая Чюдотворца, что на прямскомъ звозѣ: все безъ остатку сгорѣло» Въ этотъ пожаръ сгорѣли на горѣ слѣдующія церкви: Живоначальной Троицы, построенная м. Павломъ I въ 1690 году, Входа во Іерусалимъ Господа Бога, Нерукотвореннаго Образа, Петра и Павла, Дѣвичь монастырь и колокольни. Въ лѣтописи ничего не сказано, потерпѣлъ ли что отъ этого пожара и каѳедральный софійскій соборъ съ колокольней, но изъ словъ лѣтописца, что на софійскомъ дворѣ сгорѣло все деревянное строеніе и на каменномъ строеніи кровли и что въ нагорной части города осталась одна только церковь Николая Чюдотворца, на прямскомъ звозѣ, да нѣсколько дворовъ, можно заключать, что обгорѣлъ весь и каѳедральный соборъ, подобно всѣмъ прочимъ каменнымъ зданіямъ. Въ числѣ погорѣвшихъ во время этого пожара различныхъ общественныхъ зданій города Тобольска упоминаются, между прочимъ, и «*богадѣльни*», т. е. дома общественной благотворительности. Замѣчательно, что въ Тобольскѣ въ это время были уже богадѣльни, когда ихъ не было въ то время въ другихъ болѣе древнихъ и богатыхъ городахъ даже самой Россіи, да и въ Тобольскѣ о нихъ послѣ 1701 г. не упоминается весьма долгое время. Въ нашей лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній на то, какъ митрополитъ *Филоѳей*, по пріѣздѣ своемъ въ Тобольскъ, обстроивался послѣ такого

сильнаго пожара. Лѣтописецъ нашъ упоминаетъ о построеніи только одной церкви митрополитомъ Филоѳеемъ, а именно: «въ 1704 г., октября въ 26 день, освящена церковь преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, что построена у соборныя церкви каменныя-жъ, теплая. И въ зимнее время въ той церкви, замѣчаетъ онъ, *служатъ* (стр. 276).

Въ 1705 году былъ первый, упомянутый нами выше (стр. 170), наборъ солдатъ съ монастырскихъ и архіерейскихъ имѣній по одному человѣку съ 20 дворовъ.

Въ томъ же (1705) г, 14 ноября, по указу великаго Государя и по грамотѣ, поѣхалъ къ Москвѣ изъ Тобольска преосвященный *Филоѳей*, митрополитъ сибирскій и тобольскій, а съ Москвы въ Тоболескъ пріѣхалъ въ 707 году, февраля въ день (не сказано, какой). Съ нимъ (Филоѳеемъ) пріѣхалъ въ Тоболескъ боголюбивый епископъ *Варлаамъ* (Косовскій), а въ Иркутскъ поѣхалъ того жъ 707 году (стр. 276 на об.).

На этомъ прекращается изложеніе церковно-историческихъ событій за третій и послѣдній періодъ по нашей лѣтописи и самая лѣтопись на этомъ оканчивается. Въ самомъ концѣ лѣтописи стоитъ еще приведенная выше нами (см. стр. 128) замѣтка о пріѣздѣ въ Тобольскъ митрополита Игнатія Римскаго-Корсакова съ заключительными словами: «конецъ, Богу нашему слава».

ГЛАВА XII.

Общіе выводы и заключеніе о лѣтописи: «О поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири». Сравнительное богатство ея содержанія предъ лѣтописными сказаніями о Сибири Саввы *Есипова*, *С. Ремезова* и неизвѣстнаго автора *Строгоновской* лѣтописи и главное преимущество ея предъ ними. Цѣль автора — описаніе событій гражданской и церковной исторіи Сибири съ 1580 по 1707 г. и оправданіе этой цѣли. Средства для достиженія поставленной цѣли или источники для написанія лѣтописи *устные и письменные, частные и офиціальные*. Автору извѣстны были лѣтописи *Строгоновская*, *С. Есипова* и «О мятежахъ и внутреннихъ войнахъ, происходившихъ въ Россіи по смерти Государя Ивана Грознаго до восшествія на престолъ Михаила Ѳеодоровича Романова», а также и другія частныя записи. Доказательства сего изъ разбираемой лѣтописи. Доступны были автору и офиціальные источники, какъ-то: грамоты, наказы, отписки, челобитныя и проч. правительственные документы. Доказательства изъ разбираемой лѣтописи. Нѣкоторыя событія авторъ описываетъ (особенно съ 1670 годовъ), какъ очевидецъ ихъ, а иныя — со словъ другихъ очевидцевъ; доказательства сего изъ разбираемой лѣтописи. О достовѣрности передаваемыхъ авторомъ разбираемой лѣтописи событій и фактовъ и критерій для ихъ провѣрки. Значеніе разбираемой лѣтописи, какъ первоисточника и, главное, справочной книги при изученіи военной Сибири, — равное съ значеніемъ *Стро-*

гановской, Есиповской и Ремезовской лѣтописи. при изученіи похода Ермака въ Сибирь и первыхъ временъ завоеванія ея русскими до 1587 г. Превосходство разбираемой лѣтописи предъ *Черепановскою* и несамостоятельность послѣдней. Немаловажное значеніе сообщаемыхъ разбираемой лѣтописью свѣдѣній о заселеніи и защитѣ южныхъ и западныхъ округовъ нынѣшней Тобольской губерніи; а также о самосожигателяхъ раскольникахъ и проч. Заключеніе объ авторѣ лѣтописи. Единство великорусскаго языка лѣтописи, указывающее на единство ея автора и на то, что онъ великоросс или сибирякъ XVII и нач. XVIII в. уроженецъ Тобольска или постоянный и долговременный обитатель его, близко стоявшій къ современнымъ ему сибирскимъ властямъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ—человѣкъ свѣтскій, какъ и его современникъ *С. Ремезовъ*, интересовавшійся болѣе гражданскими, чѣмъ церковными событіями. Желательность разработки тобольскихъ архивовъ для полученія болѣе точныхъ свѣдѣній объ авторѣ разбираемой лѣтописи. Время окончанія лѣтописи между 1709 и 1710 годами и доказательства сего; удовлетворительность внѣшней стороны, т. е. переписки лаврскаго списка лѣтописи. Заключеніе.

Изъ обзора содержанія лѣтописи: «*Описаніе о поставленіи городовъ въ Сибири, по взятіи ея*», при которомъ мы старались держаться возможно ближе къ подлиннику, видно, какой богатый сравнительно и важный матеріалъ заключаетъ въ себѣ эта лѣтопись, какъ для гражданской, такъ и для церковной исторіи Сибири, и какое видное мѣсто должна она занимать въ ряду другихъ, досель извѣстныхъ, лѣтописей сибирскихъ. Первые лѣтописцы сибирскіе: *Есиповъ*, неизвѣстный авторъ Строгановской лѣтописи и *Ремезовъ* относительно событій гражданской исторіи ограничиваются въ своихъ произведеніяхъ только первыми временами завоеванія Сибири русскими и походомъ Ермака на Сибирь, до смерти его (1584 г.) и царя Кучума; относительно же церковной исторіи Сибири, т. е. относительно распространенія въ ней православія, у этихъ лѣтописцевъ встрѣчаются только или общія фразы о распространеніи «свѣта евангельскаго во всѣхъ концахъ Сибири (хотя въ то время далеко еще не вся Сибирь покорена была русскими) и о «громѣ неаломстѣмъ на многихъ мѣстѣхъ», или же сообщается обыкновенно первый только основной фактъ о пріѣздѣ въ Тобольскъ архіепископа *Кипріана* и о разспрашиваніи имъ сподвижниковъ Ермака о томъ «гдѣ у нихъ съ погаными были бои и кого именемъ атамановъ и казаковъ погаши побища на бранѣхъ.» Авторъ же разбираемой нами лѣтописи первый, послѣ помянутыхъ нами сейчасъ лѣтописцовъ, задался цѣлію представить послѣдующія судьбы Сибири подъ русскою державою со времени покоренія ея Ермакомъ

или 1580 года до своего времени (1707 года). При этомъ онъ имѣлъ, какъ видно, въ виду собрать въ своей лѣтописи важнѣйшія событія какъ изъ гражданской, такъ и изъ церковной исторіи Сибири за 127-милѣтній періодъ ея существованія подъ русскимъ владычествомъ, — событія, свидѣтельствующія, во 1-хъ, о постепенномъ расширеніи русской государственной власти и господствѣ русской народности надъ дикими туземными племенами Сибири и, во 2-хъ, о распространеніи въ этой землѣ, вмѣстѣ съ русскою государственною властію и народностію, и русской вѣры, съ постепеннымъ устройствомъ православной церкви въ Сибири, съ ея іерархіею и «управленіемъ церковныхъ догматъ и духовныхъ дѣлъ».

Для выполненія предназначенной цѣли въ первомъ отношеніи, т. е. относительно событій гражданской исторіи Сибири, лѣтописецъ, шагъ за шагомъ, слѣдитъ за развитіемъ русской государственной власти и русской народности въ Сибири, начиная съ прихода первыхъ московскихъ воеводъ съ ратными людьми въ Сибирь и основанія ими первыхъ городовъ въ этой странѣ до 1707 года включительно, т. е., до конца воеводскаго управленія въ Сибири и учрежденія сибирской губерніи съ первымъ ея губернаторомъ, кн. *М. П. Гагаринымъ* (съ 1708 г.). Поэтому, въ нашей лѣтописи, какъ мы видѣли это при изложеніи содержанія ея, сообщаются краткія свѣдѣнія о построеніи почти всѣхъ главныхъ городовъ Сибири, начиная съ Тюмени и Тобольска и кончая извѣстіями о поставленіи городовъ и остроговъ въ отдаленной Дауріи (Нерчинскѣ съ товарищи) и на Амурѣ (Албазинѣ); говорится о лицахъ, управлявшихъ этими городами (приводятся ихъ полные и подробные списки) и о немѣнахъ, происходившихъ въ ихъ управленіи; разсказывается о постепенномъ заселеніи этихъ городовъ и окружающихъ ихъ Государевыхъ слободъ служилыми людьми, бѣломѣстными казаками и пашенными крестьянами; приводятся, наконецъ, извѣстія о военныхъ походахъ, которые изъ различныхъ сибирскихъ городовъ, остроговъ и слободъ предпринимаемы были въ разное время, или для защиты только мирнаго населенія отъ набѣговъ кочевавшихъ тогда на южныхъ границахъ Сибири различныхъ дикихъ племенъ («воровскихъ воинскихъ людей казачьей орды, каракалпаковъ, татаръ, измѣнниковъ башкиръ», какъ называетъ ихъ лѣтописецъ), или же для покоренія этихъ племенъ русскому оружію, сообщаются также и многія другія свѣдѣнія, касающіяся городовъ Сибири, напр., о Тобольскѣ, Албазинѣ, Нарымѣ и пр. Кромѣ всѣхъ

этихъ свѣдѣній о различныхъ сибирскихъ городахъ, острогахъ и слободахъ, съ относящимися къ нимъ приключеніями,— изъ гражданской исторіи Сибири лѣтописецъ разсказываетъ еще о посольствахъ, въ разное время проѣзжавшихъ въ Китай чрезъ Сибирь, и о пограничныхъ сношеніяхъ съ этимъ государствомъ, а также и о смерти и восшествіи на престолъ русскихъ государей съ сопровождавшими эти событія обстоятельствами, о различныхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, касавшихся всей Сибири, какъ-то: о народныхъ переписяхъ, солдатскихъ наборахъ, переписяхъ пашенныхъ земель и сѣнокосовъ, различныхъ статьяхъ уставныхъ и проч. Наконецъ, въ лѣтописи есть извѣстія объ основаніи различныхъ горныхъ заводовъ, о пожарахъ, голодѣ, разныхъ постройкахъ и другихъ (хотя и не въ большомъ количествѣ) частныхъ случаяхъ изъ жизни сибирской окраины.

По церковной исторіи Сибири нашъ лѣтописецъ, начиная съ извѣстія о построеніи первыхъ церквей въ Сибири и учрежденія въ ней православной іерархіи, въ лицѣ перваго ея архіепископа *Кипріана*, продолжаетъ описывать дальнѣйшія событія изъ исторіи православной церкви въ этой странѣ до времени учрежденія перваго викаріатства въ Сибири (иркутскаго) и начала правильной миссіонерской дѣятельности для обращенія инородцевъ въ христіанство, при митрополитѣ *Филоѳеѣ Лещинскомъ*. Въ лѣтописи находятся краткія свѣдѣнія о 5 первыхъ архіепископахъ и 5 митрополитахъ сибирскихъ, т. е., за первыя 86 лѣтъ существованія русской іерархіи въ Сибири. Свѣдѣнія эти касаются только времени назначенія и пріѣзда архіереевъ въ Тобольскъ, сана или должности, которую они проходили до назначенія своего въ Сибирь, продолжительности управленія ихъ сибирской епархіей, выѣздовъ ихъ по дѣламъ своей епархіи въ Москву, «по грамотамъ и указамъ Государевымъ», времени и мѣста удаленія съ каѳедры, ихъ смерти и погребенія. О дѣятельности этихъ первыхъ іерарховъ сибирскихъ во время управленія ихъ «сибирскія церкви митрополіей», лѣтописецъ говоритъ только съ внѣшней ея стороны, т. е., сообщаетъ свѣдѣнія о построеніи и украшеніи ими различныхъ храмовъ въ Сибири, о поставленіи къ различнымъ соборамъ и монастырямъ протопоповъ и архимандритовъ и проч. Есть также въ лѣтописи извѣстія о различныхъ выдающихся событіяхъ изъ исторіи православной церкви въ Сибири, случившихся при томъ или другомъ архіереѣ. Такъ, лѣтописецъ сообщаетъ, напр., о явленіи Абалакской иконы Божіей матери, при архіепископѣ Нектаріи, объ открытіи въ с. *Меркушинѣ* мощей

св. праведнаго *Симеона* верхотурскаго при м. *Игнатіи* Римскомъ-Корсаковѣ, о раскольникахъ самосожигателяхъ за время митрополита *Павла I-го*, о первомъ наборѣ солдатъ съ монастырскихъ и архіерейскихъ вотчинъ при м. *Филоѳеѣ Лещинскомъ*, о розыскѣ надъ софійскими дѣтьми боярскими, которые находились въ посылкахъ отъ архіереевъ, «управленія церковныхъ догматъ и духовныхъ дѣлъ» и проч.

Очевидно, что для того, чтобы написать хотя и краткую лѣтопись по приведенной сейчасъ нами программѣ какъ гражданскихъ, такъ и церковныхъ событій сибирской исторіи, требовался отъ автора не одинъ годъ усидчивой работы и цѣлая масса историческаго матеріала, начиная съ самыхъ первыхъ лѣтописцевъ сибирскихъ и кончая устными преданіями и разсказами современниковъ о достопримѣчательныхъ событіяхъ прошлаго. Изъ содержанія разбираемой нами лѣтописи видно, дѣйствительно, что она составлена на основаніи самыхъ разнообразныхъ источниковъ, которые можно подвести подъ двѣ главныхъ категоріи: а) *письменные* и б) *устные*. Письменные источники можно въ свою очередь подраздѣлить на: 1) *частные*, къ которымъ относятся всѣ тѣ сибирскія лѣтописи и записки частныхъ лицъ о Сибири, которыми могъ пользоваться нашъ лѣтописецъ при составленіи своего труда по сибирской исторіи, и 2) *официальные*, къ которымъ должно отнести документы и различныя грамоты правительственныя, которыми можно было пользоваться автору разбираемой нами лѣтописи изъ архивовъ воеводской канцеляріи и архіерейскаго дома въ Тобольскѣ. Съ первыхъ же страницъ лѣтописи «Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея» видно, что авторъ ея,—при изложеніи первоначальныхъ событій изъ сибирской исторіи, какъ-то: о взятіи Сибири Ермакомъ, о приходѣ трехъ первыхъ московскихъ воеводъ (Болховскаго, Мансурова и Сукина) съ ратными людьми и проч., а также и въ разсказѣ объ учрежденіи архіепископіи въ Сибири,—пользовался лѣтописью *Саввы Есипова*. Небезызвѣстна была также, можетъ быть, автору, какъ можно заключать изъ разсказа его о приходѣ *Болховскаго* съ *Глуховымъ* въ Сибирь съ «государскимъ многимъ жалованьемъ Ермаку съ товарищи и милостивымъ словомъ», и *Строгановская* лѣтопись. Разсказъ же о походѣ тарскихъ воеводъ противъ Кучума въ 1598 году почти слово въ слово заимствованъ изъ лѣтописи *«о мятежахъ и внутреннихъ войнахъ, происходившихъ въ Россіи по смерти государя Ивана Грознаго до восшествія на престолъ Михаила Ѳедоровича Романова»* (Миллеръ,

стр. 242). Кромѣ того, при изложеніи гражданскихъ и церковныхъ событій, какъ за первый, такъ и за второй періодъ сибирской исторіи, лѣтописецъ могъ пользоваться сказаніями неизвѣстныхъ намъ различныхъ древнихъ лѣтописей сибирскихъ, на подобіе «*Записной книги тобол. каѳедральнаго собора*», а также и записками частныхъ лицъ, живших въ Сибири. Всѣ такія лѣтописи извѣстны у Миллера и Спасскаго подъ названіемъ или «нѣкоторыхъ лѣтописей сибирскихъ», или же «простыхъ лѣтописцовъ сибирскихъ». Помимо всѣхъ этихъ, указанныхъ сейчасъ нами, источниковъ, при изложеніи подробностей въ воеводскихъ спискахъ за первый и второй періодъ сибирской исторіи, а также при изложеніи извѣстій объ основаніи тѣхъ или другихъ сибирскихъ городовъ и остроговъ, о различныхъ воѣнныхъ походахъ, о первыхъ колонизаторахъ переселенцахъ и другихъ многихъ, имѣвшихъ общественное значеніе для Сибири, событіяхъ, лѣтописцу, очевидно, много помогли *официальные* источники, т. е. грамоты, наказы, отписки, челобитныя и прочіе правительственные документы, которые могли быть доступны ему изъ архивовъ воеводскихъ канцелярій и архіерейскаго дома въ Тобольскѣ. Тобольскъ былъ въ то время (XVII и XVIII в.), какъ извѣстно, «начальнѣйшимъ городомъ Сибири», т. е. центромъ управленія всей тогдашней Сибири, куда стекались и откуда были приводимы въ исполненіе всѣ правительственныя распоряженія, имѣвшія всеобщее и обязательное значеніе для всей области. Поэтому въ тогдашнемъ Тобольскѣ (гдѣ, какъ увидимъ далѣе, писалъ свою лѣтопись нашъ авторъ) можно было получать всевозможныя свѣдѣнія, касавшіяся всей вообще Сибири. Вслѣдствіе этого неудивительно, что разбираемая нами лѣтопись, писанная, какъ сейчасъ упомянуто нами, въ Тобольскѣ, составлена преимущественно на основаніи официальныхъ источниковъ, правительственныхъ грамотъ и архивныхъ дѣлъ, а особенно послѣдняя и большая ея половина. Точныя, опредѣленныя и вполнѣ вѣрныя обозначенія времени относительно назначенія и смѣны воеводъ въ различныхъ городахъ сибирскихъ, а точно также и вполнѣ опредѣленныя указанія на время совершенія тѣхъ или другихъ событій историческихъ нельзя ничѣмъ инымъ объяснить, какъ только тѣмъ, что авторъ, при написаніи своей лѣтописи, имѣлъ подъ руками вполнѣ положительные и достовѣрные источники, т. е., правительственныя грамоты, наказы и архивныя дѣла; потому что по устнымъ источникамъ и преданію, а также отчасти и по запискамъ частныхъ лицъ, невозможно заполнить и

опредѣлить ни вполнѣ точной хронологіи событій, ни именъ дѣйствующихъ лицъ, ни другихъ, часто мелочныхъ подробностей разсказа, замѣчаемыхъ въ нашей лѣтописи (напр., о числѣ отправляемыхъ куда—л. служилыхъ людей, по ихъ рангамъ и степенямъ, объ измѣреніи верстъ, саженъ, аршинъ, вершковъ, даже полувершковъ и *чети* вершковъ и проч.). Можно указать много такихъ мѣстъ въ разбираемой нами лѣтописи (особенно, въ послѣдней ея части), которыя могли быть написаны только на основаніи подлинныхъ документовъ; таковы, напр., разсказы автора о ревизіи *Полянскаго* въ понизовыхъ сибирскихъ городахъ, о различныхъ постройкахъ, производившихся въ Тобольскѣ, объ измѣреніи дорогъ въ Сибири и проч. Во многихъ случаяхъ лѣтописецъ употребляетъ, какъ мы видѣли это при изложеніи содержанія лѣтописи, выраженія: «съ Москвы прислана грамота великаго государя а въ ней написано посему», или «прислана съ Москвы грамота в. государя, а въ ней сказано то-то и то-то», или же, наконецъ, «по указу и по грамотѣ отъ такого-то года, мѣсяца и числа велѣно сдѣлать то-то и то-то» и проч. Всѣ эти выраженія показываютъ, что лѣтописцу извѣстны были какъ самыя эти грамоты, такъ и содержаніе ихъ. Немало есть въ лѣтописи и такихъ событій, начиная съ 1670-хъ и 1680-хъ годовъ, о которыхъ авторъ писалъ, какъ очевидецъ, по собственному опыту и наблюденію. Къ таковымъ можно отнесть всѣ тѣ событія, время совершенія которыхъ авторъ обозначаетъ не только по годамъ, мѣсяцамъ и числамъ, но даже по *днямъ* (напр., въ среду, четвертокъ, въ недѣлю и проч.), *часамъ* и *минутамъ*. Изъ такихъ событій можно указать на извѣстіе въ концѣ рукописи о пріѣздѣ м. Игнатія въ Тобольскъ (изъ Знаменскаго монастыря пошелъ въ *3 ч. дня*, въ соборъ пришелъ въ $3^1/_4$ *ч. дня*, обѣдню отслужилъ въ 7 *ч. дня*), о пріѣздѣ нѣкоторыхъ воеводъ въ Тобольскъ, напр., Нарышкина, а также и о другихъ событіяхъ, случившихся въ самомъ г. Тобольскѣ, напр., о подметномъ воровскомъ листѣ противъ воеводы *Нарышкина*, о пожарахъ, бывшихъ въ разное время, и т. п. Сюда же должно отнести описаніе лѣтописцемъ государевыхъ подарковъ золотыми, привезенныхъ изъ Москвы полковникомъ, Ив. *Скрыпицынымъ*, сыну боярина *А. И. Головина* и другимъ лицамъ, состоявшимъ при посольствѣ въ Китай 1686 года, которые онъ описываетъ, вѣроятно, какъ очевидецъ ихъ. При описаніи нѣкоторыхъ событій, лѣтописецъ употребляетъ настоящее время вмѣсто прошедшаго. Напримѣръ: подъ 1702 годомъ про Ухтускіе желѣзные заводы онъ говоритъ, что на

«тѣхъ заводахъ желѣзо *дѣлается* и военные припасы *льются и посылаются* къ Москвѣ», подъ 1704 годомъ про теплую церковь Антонія и Ѳеодосія печерскихъ, построенную м. *Филовеемъ*, выражается такъ: «и въ зимнее время въ той церкви *служатъ*". Всѣ эти факты свидѣтельствуютъ о томъ, что лѣтописецъ нашъ описываетъ часто событія ему современныя, т.-е. совершившіяся въ его время и при его личномъ, непосредственномъ наблюденіи. — Наконецъ, въ лѣтописи можно указать и такія событія, которыя описаны были лѣтописцемъ по разсказамъ другихъ очевидцевъ, таковъ, напр., подробный разсказъ лѣтописца о походѣ противъ казачьей орды и каракалпаковъ тоб. дворянина Вас. *Шульгина* съ товарищи, въ который онъ выступилъ, по словамъ лѣтописца, «1693 года, 25-го іюля въ *вечеръ захожденія солнца*, а 27 іюня, въ четвертокъ, въ *обѣденное время*», въ 60-ти верстахъ отъ нынѣшняго города Ялуторовска, у озера *Семикуля*, произошелъ у русскихъ съ «нечестивыми агаряны бой крѣпокъ съ обѣихъ странъ, на которомъ, судомъ въ Троицѣ славимаго Бога и праведнымъ Его гнѣвомъ за грѣхи наши, вси русскіе воини убіени быша, понеже въ то время», замѣчаетъ лѣтописецъ, «*бысть дождь великій*». Весь этотъ разсказъ, со всѣми его подробностями, переданъ, какъ видно, изъ словъ самаго лѣтописца, «*по вѣдомости убѣгшихъ отъ нихъ* (т. е. каракалпаковъ) изъ полону тобольскихъ дѣтей боярскихъ и казаковъ, *Максима Черкасова* съ товарищи» (лѣт. стр. 263). Сюда же, по нашему мнѣнію, должно отнести всѣ почти извѣстія о набѣгахъ «воровскихъ воинскихъ людей» Казачьей орды и каракалпаковъ», передаваемыя лѣтописцемъ за время тобольскихъ воеводъ *Салтыкова* и *Нарышкина*, а также и нѣкоторыя другія событія въ лѣтописи.

Относительно достовѣрности историческихъ событій, передаваемыхъ въ лѣтописи, составленной на основаніи такихъ, какъ указанные сейчасъ нами, устныхъ и письменныхъ источниковъ должно сказать, что въ этомъ отношеніи достоинство нашей лѣтописи весьма велико. Во всей лѣтописи не передается ни одного такого событія, которое страдало бы легендарностью, вымысломъ или баснословностію и не было бы основано на болѣе или менѣе положительныхъ письменныхъ источникахъ, провѣрка которыхъ возможна во всякое время по сохранившимся въ различныхъ городахъ сибирскихъ, а также и въ Москвѣ, остаткамъ архивныхъ дѣлъ и документовъ не особенно еще далекаго, прошлаго времени (конецъ XVI, XVII и нач. XVIII в.). Полные, подробные и

въ большинствѣ случаевъ вполнѣ вѣрные исторической дѣйствительности списки, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ лицъ, управлявшихъ Сибирью за 127 лѣтъ существованія ея подъ русскою державою, а равно также и краткій конспектъ историческихъ событій всей Сибири, случившихся за время управленія этихъ лицъ, даютъ *нашей лѣтописи значеніе первоисточника и главной справочной книги при изученіи сибирской исторіи за время управленія Сибирью московскихъ воеводъ и первыхъ ея архіепископовъ и митрополитовъ*. Поэтому лѣтопись «*Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири, по взятіи ея*», при изученіи дальнѣйшей исторіи Сибири, послѣ завоеванія ея Ермакомъ или 1580 г. до начала XVIII в., имѣетъ (по крайней мѣрѣ, между извѣстными намъ доселѣ лѣтописями) такое же значеніе, какое имѣютъ для историка лѣтописи: *Есиповская* и *Строгановская*, при изученіи походовъ Ермака въ Сибирь и первыхъ временъ ея завоеванія до 1587 г. Сходная нѣсколько съ нашей лѣтописью, *Черепановская* лѣтопись, также повѣствующая о послѣдующихъ судьбахъ Сибири, послѣ завоеванія ея Ермакомъ до 1760 г., представляетъ собою, какъ сказано объ этомъ нами выше, не болѣе, какъ только дополненное и распространенное видоизмѣненіе нашей лѣтописи «*Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири, по взятіи ея*», по крайней мѣрѣ, это можно сказать по отношенію къ церковно-историческимъ событіямъ съ 1602 г. по 1686 г., которые до буквальности сходны въ обѣихъ этихъ лѣтописяхъ, какъ по внутреннему, такъ и по внѣшнему своему содержанію. Необходимо замѣтить еще, что наша лѣтопись въ послѣдней своей части, помимо всѣхъ другихъ ея достоинствъ, даетъ вполнѣ новый и доселѣ неизвѣстный матеріалъ для исторіи заселенія самыхъ плодородныхъ и густо населенныхъ округовъ южной части Тобольской губ., какъ-то: Курганскаго, Ишимскаго, Тарскаго, Ялуторовскаго, Тюменскаго и др. Исторіи заселенія и защиты этихъ округовъ отъ набѣговъ на нихъ степныхъ дикарей никто почти еще до сихъ поръ не касался, и она остается совершенно неразработанной. Поэтому показанія, хотя и краткія, нашей лѣтописи относительно этихъ округовъ весьма цѣнны. Не менѣе цѣнными должно признать для церковной исторіи Сибири и показанія лѣтописи относительно раскольниковъ самосожигателей за время митрополита Павла I, а также и многія другія ея показанія, совершенно неизвѣстныя часто по другимъ источникамъ для исторіи Сибири.

Въ самой лѣтописи «*Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея*» нѣтъ точныхъ и опредѣленныхъ указаній на ея автора, только изъ анализа содержанія лѣтописи можно вывести о немъ кое-какія заключенія. Прежде всего, вся лѣтопись, отъ самаго начала ея и до конца, написана однимъ и тѣмъ-же, простымъ и обыкновеннымъ, великорусскимъ языкомъ XVII в., какимъ писали всѣ русскіе книжные, а также и служилые Государевы люди того времени, какъ въ различныхъ частныхъ случаяхъ, такъ равно и въ офиціальныхъ грамотахъ и наказахъ. Языкъ этотъ далеко отличенъ отъ того южно-русскаго схоластическаго языка, какимъ написана, напр., лѣтопись *Новицкаго* «О народѣ остяцкомъ и вогульскомъ и о крещеніи ихъ», составленная почти одновременно съ нашей лѣтописью (въ 1715 г.); отличенъ онъ также и отъ языка, какимъ писались лѣтописи половины и конца XVIII в. Единство великорусскаго языка XVII в. во всей нашей лѣтописи указываетъ, во-1-хъ, на единство ея автора, т. е. на то, что лѣтопись эта, съ самаго начала ея и до конца, написана однимъ и тѣмъ же лицомъ а не разными лицами; во 2-хъ, на то, что авторъ ея- великоросъ или сибирякъ половины XVII и нач. XVIII в., а не малороссъ, какъ напр., *Новицкій*, авторъ лѣтописи «О народѣ остяцкомъ и вогульскомъ». Далѣе, изъ содержанія лѣтописи видно, что авторъ ея весьма подробно, сравнительно, описываетъ событія, случившіяся въ разное время въ самомъ городѣ Тобольскѣ или же его окрестностяхъ, точно также съ большими подробностями говоритъ онъ иногда и о разныхъ замѣчательныхъ лицахъ, жившихъ въ Тобольскѣ или же только проѣзжавшихъ черезъ него по какому-либо случаю. Все это даетъ поводъ предполагать, что авторъ разбираемой нами лѣтописи, если не былъ уроженецъ г. Тобольска, то былъ, по крайней мѣрѣ, постояннымъ его жителемъ въ теченіи не одного десятка лѣтъ и, притомъ, жителемъ, имѣвшимъ какое-либо опредѣленное и довольно видное положеніе въ этомъ городѣ. Изъ того же, что лѣтописецъ нашъ имѣлъ доступъ, какъ видно, ко всѣмъ извѣстнымъ ему архивамъ сибирскимъ для пользованія нужными ему для составленія своей лѣтописи историческими документами, также и изъ того, что онъ зналъ, какъ видно изъ его лѣтописи, всѣ важнѣйшія перемѣны, происходившія въ его время въ правительственной сферѣ, можно заключать, что онъ былъ лицо, близко стоявшее къ современнымъ ему властямъ сибирскимъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ. По крайней мѣрѣ, на основаніи показаній въ са-

мой лѣтописи, можно заключать, что авторъ ея болѣе или менѣе былъ близокъ къ слѣдующимъ лицамъ, имѣвшимъ власть въ Тобольскѣ и во всей Сибири: изъ митрополитовъ — къ Павлу I и *Игнатію Римскому-Корсакову*, изъ воеводъ къ *А. П. Головину*, *Салтыкову*, *Нарышкину*, *и Черкасскимъ*.—Наконецъ изъ слога и характера лѣтописи, т. е. изъ того, что авторъ ея занятъ болѣе гражданскими, чѣмъ церковными событіями, можно заключать, что онъ лицо не духовное, а свѣтское, на подобіе современника своего, а быть можетъ и друга, тобольскаго сына боярскаго *Семена Ремезова*, хотя слогъ его далеко чище, правильнѣе и какъ будто новѣе, чѣмъ слогъ Ремезовской лѣтописи.

Вотъ все, что можно сказать предположительно объ авторѣ лѣтописи «*Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея*», на основаніи показаній самой лѣтописи. Все это, однако, одни только предположенія и догадки, которыя, можетъ быть, и можно было бы замѣнить болѣе положительными, точными и вѣрными свѣдѣніями объ авторѣ разбираемой нами лѣтописи, еслибы просмотрѣть неразобранныя рукописи библіотеки Тобольскаго кафедральнаго Софійско-Успенскаго собора, а также и другихъ архивовъ г. Тобольска.

Относительно времени написанія въ самой лѣтописи тоже нѣтъ опредѣленнаго указанія, но мы, на основаніи нѣкоторыхъ соображеній, заключаемъ, что она могла быть совершенно окончена не раньше 1709 года и не позже 1710 года. Соображенія эти слѣдующія: самый поздній по времени воевода Полуехтовъ (томскій), упоминаемый въ нашей лѣтописи, назначенъ былъ въ 1709 году; съ этого же года оставилъ въ первый разъ за болѣзнію управленіе сибирской епархіей и м. *Филоѳей Лещинскій*, удалившись въ Троицкій Тюменскій монастырь и принявъ схиму подъ именемъ Ѳеодора. Въ 1711 году на мѣсто Филоѳея пріѣхалъ въ Тобольскъ новый митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ и первый губернаторъ Сибири, князь *М. П. Гагаринъ*. О всѣхъ этихъ крупныхъ событіяхъ сибирской исторіи нѣтъ у нашего лѣтописца никакого упоминанія, хотя трудно предполагать, чтобы онъ пропустилъ ихъ безъ всякаго вниманія, еслибы къ этому времени не была окончательно завершена его лѣтопись или не прекратилась за его смертію. Поэтому мы и заключаемъ, что она окончена совершенно между 1709 и 1710 годами, хотя начата, можетъ быть, за нѣсколько лѣтъ раньше до этого времени.—Относительно внѣшней стороны лѣтописи, т. е., относитель-

но ея переписки и разстановки въ ней знаковъ препинанія, должно сказать, что въ этомъ отношеніи лѣтопись нашу нужно признать вполнѣ удовлетворительной, по крайней мѣрѣ, судя по имѣющемуся у нихъ лаврскому списку ея и по сравненію съ другими современными ей лѣтописями.

Вотъ все, что мы обѣщали и могли сказать о неизданной сибирской лѣтописи «*Описаніе о поставленіи городовъ и остроговъ въ Сибири по взятіи ея*», на основаніи новооткрытаго лаврскаго списка ея и тѣхъ пособій и источниковъ, которыми могли располагать при ея разборѣ. Теперь остается намъ только, пожелавъ скорѣйшаго изданія въ свѣтъ самаго текста разобранной рукописи съ краткими историческими примѣчаніями къ нему, *попросить*, по достойному подражанія примѣру древне-русскихъ лѣтописцевъ, *прощенія себѣ* у «ласковыхъ читателей за свое скудоуміе, по коему мы, быть можетъ, *переписали ньчто, а иногдѣ и не дописали*. Да проститъ намъ въ томъ ласковый читатель, чающій и себѣ прощенія отъ нелицепріятнаго Судіи всѣхъ, Бога Мздовоздаятеля».